

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 4 (27) / 2022

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2022

№ 4 (27) / 2022 / ДЕКАБРЬ. Выходит 4 раза в год.

Рецензируемый научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» предназначен для ознакомления российской и зарубежной научной общественности, аспирантов и студентов с новыми научными результатами, имеющими значение в области фундаментальной и прикладной науки. С 2016 года включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). С 21.02.2022 включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Реестровая запись от 13 июня 2019 г. серии ПИ № ФС77-75973. Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Серия: Исторические и филологические науки.

Специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Главный редактор *В.А. Саблин*, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ.

Заместитель главного редактора *Л.В. Егорова*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ.

Секретарь *С.Х. Головкина*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ.

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, директор Вологодского научного центра Российской академии образования, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и мировой политики ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель автономной некоммерческой организации «Общественно-образовательная школа Центра педагогического мастерства»,

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Я.В. Сарычев, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Переводчик *О.А. Бурсина*.

Редакторы *О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова*.

Оригинал-макет *С.В. Кудрявцев*.

Адрес редакции: 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, каб. 212. Тел.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Сайт: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15.

Отпечатано: ООО РА «Эпатаж», 160004, 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленинградская, 38. Тел.: (8172) 724-800, 70-25-77, e-mail: ra-epatazh@mail.ru.

Подписано в печать 07.12.2022 г. Выпуск в свет 23.12.2022 г. Формат А4 (60 x 84/8).

Уч.-изд. л. 15,5. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 46 экз. Заказ № 846. Цена свободная.

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2022

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 4 (27) / 2022

Series: History and Philology

VOLOGDA
2022

No. 4 (27) / 2022 / December. 4 issues a year.

‘Bulletin of Vologda State University’ is a peer-reviewed scholarly journal published by Vologda State University. It is issued four times a year and is aimed at Russian and international researchers, post-graduate and undergraduate students who wish to familiarize themselves with new fundamental and applied research. ‘Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology’ has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016. ‘Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology’ is included in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science since February 21, 2022. Full-size versions of the issue can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019. It's registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Series: History and Philology.

Academic areas: 5.6.1. National History (Historical Sciences), 5.6.2. Global History (Historical Sciences), 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.2. World Literature (Philological Sciences), 5.9.3. Literature Theory (Philological Sciences), 5.9.5. Russian. Languages of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.6. Foreign Languages (Germanic Languages), (Philological Sciences), 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences).

Editor-in-Chief *Vasily A. Sablin*, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University.

Deputy Chief Editor *Ludmila V. Egorova*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University.

Executive Secretary *Svetlana Kh. Golovkina*, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University.

Editorial Board:

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University,

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University,

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Head of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vologda State University,

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University,

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and International Politics, Vologda State University,

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library named after I.V. Babushkin,

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Lecturer, Autonomous Non-Profit Organization «Comprehensive School at the Center for Pedagogical Excellence»,

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional University,

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University,

Yaroslav V. Sarychev, Doctor of Philology, Assistant Professor, Deputy Director for Research at the Philological Institute, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shanskiy,

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University.

Editor of English Texts *O.A. Bursina*.

Editors, proofreaders *O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova*.

Making up and technical editing *S.V. Kudryavtsev*.

Address of the Editorial Office: Office 212, Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University», Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000.

Address of the Printing House: «Epatazh», Leningradsкая Street, 38, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160004. Tel. (8172) 724-800, 70-25-77, e-mail: ra-epatazh@mail.ru.

Passed for printing 07.12.2022. Date of Publication 23.12.2022. Format A4 (60 x 84/8).

Conventional printed sheets 15.5. Published pages 16.5. Number of copies 46. Order 846. Open price.

ISSN 2658-7254

© Vologda State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Саблин В.А. ВОЛОГОДЧИНА – ИСКОННАЯ ОПОРА РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ: ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС IX–XV ВЕКОВ.....	7
---	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ипполитов В.А. ПИСЬМА В ГАЗЕТЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ КРЕСТЬЯН ПОКОЛЕНИЯ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА» В 1924–1928 ГГ.	8
Калинина Е.А. СПОРТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ СССР В 1920-Е ГОДЫ	14
Малахов Р.А. РАЗДЕЛЕННОЕ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ЧИНОВНИЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГОДОВ.....	18
Малыгина А.А. ВЕРИТЕЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ В РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1553–1583).....	22
Попов С.А. КРИТЕРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ВОЛОСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ КОНЦА XVIII – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	28
Саблин В.А., Тимошина С.В. СТАТИСТИКО-КОМПЕТЕНТНЫЕ МАРКЕРЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1921 ГГ.	33
Столетова А.С., Кушнерева К.В. ЛИТЕРАТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА В.А. КОЧЕТОВА «БРАТЯ ЕРШОВЫ».....	38
Терегуж А.А. ОБРАЗ КАРЛИСТСКОГО ГЕНЕРАЛА Т. ДЕ СУМАЛАКАРРЕГИ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ 1830-Х ГГ.	43
Трофимов И.А. ФУНКЦИИ ПОПЕЧИТЕЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА III.....	47
Цой И.А. «НАРОДОПОКЛОНСТВО» В ОЦЕНКАХ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО В 1860-Е ГОДЫ	50

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ефремова Л.Л. УНИКАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РОДОСЛОВНОЙ СЕМЬИ О.А. ФОКИНОЙ (XVIII – НАЧАЛО XX В.).....	55
Судаков Г.В., Сушилина И.К. «РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ» ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА И «РОМАНСЫ БЕЗ СЛОВ» ПОЛЯ ВЕРЛЕНА В АСПЕКТЕ ПАРАТЕКСТУАЛЬНОСТИ	64
Черкасов В.А. РОМАН А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ОСВЕЩЕНИИ Д.И. ЧИЖЕВСКОГО И В.В. НАБОКОВА.....	68
Шарапенкова Н.Г., Сухощкая И.В. ПОЭТИКА ЖАНРА РОМАНА С. ДАГЕРМАНА «ОСТРОВ ОБРЕЧЕННЫХ».....	75

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Головкина С.Х. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕКСТОВ МАЛЫХ ЖАНРОВ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.И. БЕЛОВА.....	79
Загуменнов А.В. ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В «ЖИТИИ» ЕПИФАНИЯ СОЛОВЕЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ «ПУСТОЗЕРСКОГО СБОРНИКА И.Н. ЗАВОЛОКО»).....	83
Иванова Е.Н. СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВ С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ *GOJ-/ *GAJ- В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ	88
Маник С.А., Шамова Н.А. КОРПУСНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ РАКУРС	91
Немич Н.Н. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЛЬФАКТОРНОГО И ВКУСОВОГО МОДУСОВ ПЕРЦЕПЦИИ ПОСРЕДСТВОМ УЧАСТИЯ КОНСТИТУЕНТОВ СЕМАНТИКИ НЕВЫРАЗИМОГО.....	95
Тэн Юе. РАЗЛИЧИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СПОСОБОВ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	100
Хадашева С.А., Царикаева Ф.А. РОЛЬ ОСЕТИНСКИХ РЕГИОНАЛИЗМОВ В ОЧЕРКЕ И. КАНУКОВА «В ОСЕТИНСКОМ АУЛЕ»	104

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Воронина, Т.Н., Головкина С.Х. ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕМИНАР «ЛАД КАК ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. БЕЛОВА».....	109
Егорова Л.В. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НИКОЛАЙ РУБЦОВ НА ТОТЕМСКОЙ ЗЕМЛЕ / [авторы основного текста и составители: Г.А. Мартюкова, А.М. Новосёлов]; ВРО ОДОО МАН «Интеллект будущего», Тотемское музейное объединение. Вологда: Древности Севера, 2021. 503 с.	113
Судаков Г.В. СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РЕГИОНА: ТРАДИЦИИ, ОПЫТ, НОВАЦИИ.....	117

ЮБИЛЕИ

Саблин В.А., Черкасова М.С. ЮБИЛЕЙ ИЗВЕСТНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ Д.А. ПШЕНИЦЫНА	118
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	126
--------------------------	-----

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> VOLOGDA REGION – THE ANCESTRAL SUPPORT OF THE RUSSIAN STATE: HISTORICAL AND PATRIOTIC DISCOURSE OF THE 9TH–15TH CENTURIES	7
--	---

HISTORY

<i>Ippolitov V.A.</i> LETTERS TO NEWSPAPERS AS INDICATORS OF PUBLIC SENTIMENTS OF PEASANTS FROM THE «REVOLUTIONARY TURNING POINT» GENERATION IN 1924–1928	8
<i>Kalinina E.A.</i> SPORTS ACTIVITIES OF TRADE UNIONS IN THE EUROPEAN NORTH OF THE USSR IN THE 1920s.....	14
<i>Malakhov R.A.</i> GOVERNMENT OFFICIALS' DEVIDED OWNERSHIP IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 1940s.....	18
<i>Malygina A.A.</i> LETTERS OF CREDENCE IN DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND ENGLAND (1553–1583)	22
<i>Popov S.A.</i> CRITERIA FOR THE FORMATION OF VOLOSTS IN THE STATE VILLAGE ACCORDING TO LEGISLATIVE SOURCES OF THE END OF THE 18TH – SECOND HALF OF THE 19TH CENTURIES.....	28
<i>Sablin V.A., Timoshina S.V.</i> STATISTICALLY COMPETENT MARKERS IN THE STUDY OF THE LIVESTOCK SECTOR OF A PEASANT HOUSEHOLD IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA DURING THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR OF 1917–1921	33
<i>Stoletova, A.S., Kushnereva K.V.</i> LITERARY AND IDEOLOGICAL CRITISISM OF THE PRODUCTION NOVEL <i>THE ERSHOV BROTHERS</i> BY V.A. KOCHETOV	38
<i>Tereshchuk A.A.</i> THE IMAGE OF THE CARLIST GENERAL T. DE ZUMALACÁRREGUI IN THE RUSSIAN PRESS OF THE 1830S	43
<i>Trofimov I.A.</i> DUTIES OF THE TRUSTEE IN ST. PETERSBURG EDUCATIONAL DISTRICT UNDER ALEXANDER III	47
<i>Tsoy I.I.</i> DEVOTION TO THE PEOPLE IN V.O. KLYUCHEVSKY'S ESTIMATION OF THE 1860S	50

LITERATURE STUDY

<i>Efremova L.L.</i> OLGA FOKINA'S GENEALOGY IN THE UNIQUE ARCHIVAL DOCUMENTS OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES.....	55
<i>Sudakov G.V., Sushilina I.K.</i> VALERY BRYUSOV'S <i>RUSSKIE SIMVOLISTY</i> AND PAUL VERLAINE'S <i>ROMANCES SANS PAROLES</i> FROM THE ASPECT OF PARATEXTUALITY	64
<i>Cherkasov V.A. V.V.</i> NABOKOV'S AND D.I. CHYZHEVSKY'S INTEPRETATIONS OF <i>EUGENE ONEGIN</i> BY A.S. PUSHKIN.....	68
<i>Sharapenkova N.G., Sukhotskaya I.V.</i> GENRE POETICS OF THE NOVEL BY S. DAGERMANS <i>ISLAND OF THE DOOMED</i>	75

LINGUISTICS

<i>Golovkina S.H.</i> FUNCTIONING OF SMALL GENRE FOLKLORE TEXTS IN THE WORKS BY V.I. BELOV	79
<i>Zagumennov A.V.</i> EXPRESSIVE SYNTAX AS A MANIFESTATION OF A LINGUISTIC PERSONALITY IN THE «LIFE» OF EPIPHANY SOLOVETSKY (BASED ON THE MATERIAL OF THE «PUSTOZERSKY COLLECTION BY I.N. ZAVOLOKO»)	83
<i>Ivanova E.N.</i> SEMANTIC DEVELOPMENT OF WORDS WITH THE PROTO-SLAVIC ROOT *GOJ-/ *GAJ- IN VOLOGDA DIALECTS	88
<i>Manik S.A., Shamova N.A.</i> CORPUS LEXICOGRAPHY: DIACHRONIC PERSPECTIVE	91
<i>Nemich N.N.</i> REPRESENTATION OF OLFATORY AND GUSTATORY MODES OF PERCEPTION THROUGH CONSTITUENT PARTICIPATION OF SEMANTICS OF INEXPRESSIBLE	95
<i>Ten Yue.</i> DIFFERENCES IN BORROWING METHODS AND THEIR FUNCTIONING IN MODERN RUSSIAN AND CHINESE	100
<i>Hadasheva S.A., Tsarikaeva F.A.</i> THE ROLE OF OSSETIAN REGIONALISMS IN I. KANUKOV'S ESSAY <i>IN THE OSSETIAN VILLAGE</i>	104

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Voronina, T.N., Golovkina S.H.</i> ALL-RUSSIAN LITERARY SEMINAR «HARMONY AS AN IMAGE OF THE NATIONAL WORLDVIEW IN BELOV'S WORKS»	109
<i>Egorova L.V.</i> BOOK REVIEW: NIKOLAY RUBTSOV AND TOTMA LAND / [authors of the main text and compilers: G.A. Mart'yukova, A.M. Novoselov]; «Intellect of the future», Totma Museum Association. Vologda, 2021. 503 p.....	113
<i>Sudakov G.V.</i> MODERN EDUCATION IN THE REGION: TRADITIONS, EXPERIENCE, INNOVATIONS	117

ANNIVERSARIES

<i>Sablin V.A., Cherkasova M.S.</i> ANNIVERSARY OF THE FAMOUS RESEARCHER D. A. PSHENITSYN.....	118
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	129

В.А. Саблин

главный редактор научного журнала
«Вестник Вологодского государственного университета.
Серия: Исторические и филологические науки»,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета

ВОЛОГОДЧИНА – ИСКОННАЯ ОПОРА РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ: ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС IX–XV ВЕКОВ

В контексте современных геополитических реалий развития страны крайне важно обозначить место и роль каждого региона в формировании и укреплении российской государственности. Данная статья преследует цель обозначить значение Вологодского края в ранней политической истории России.

Древнейшим государственным центром края являлось Белозерье, населенное племенем весь, участвовавшим, по летописи, в призвании в 862 г. варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора. Обширная область Белоозера достается Синеусу. Именно с этой даты в нашей истории ведется исчисление российской государственности и правящей в IX–XVI веках династии Рюриковичей.

К середине XIII века, по свидетельству автора «Слова о погибели земли Русской», в целом территория края представляла собой самую северо-восточную окраину Древней Руси: «...от немец до корелы, от корелы до Устюга, где тамо бяху тоймици погани и за Дышачим морем, от моря до болгар... – то все покорено было Богом крестияньскому языку, поганския страны, великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому; деду его Володимеру Мономаху».

В XII–XIII веках край становится зоной соперничества из-за северной пушной дани между Новгородским и Ростово-Суздальским княжествами, а также Волжской Булгарией. По смерти Ярослава Мудрого Белоозеро в составе Ростовско-Суздальской земли находилось во владении Всеволода Ярославича. Расширение территории Владимиро-Суздальской земли в последней четверти XII – начале XIII в., увеличение ее людских и материальных ресурсов дали возможность Всеволоду выделить на северо-востоке земельные владения в удел своим сыновьям. В 1207 г. Всеволод Большое Гнездо передал Ростов своему старшему сыну Константину и «инѣхъ 5 городовъ да ему к Ростову». По данным А.Н. Насонова, эти 5 городов – Устюг, Углич, Молога, Ярославль и Белоозеро.

Влияние Ростова распространялось также на места сбора дани по Кокшеньге и Устье, на низовья Сухоны и Юга.

Новгородское влияние распространялось на современную Карелию, Заонежье, северное Заволочье, Подвинье и Югорские земли.

Влияние государства волжских булгар распространялось на огромную территорию от Волго-Окского междуречья до отрогов Урала, и от Каспия до Крайнего Севера. По свидетельству Абу Хамида ал-Гарнати (его сведения относятся к 30–40-м гг. XII в.), булгары взимали дань (харадж) с веси и вели оживленную торговлю с Югрой – племенами, населявшими огромное пространство от Белого озера на западе до рек Печоры и Оби на востоке.

Монгольское нашествие в 1237–1238 гг. резко изменило политическую, экономическую и социальную жизнь во всех русских землях. В 1238 г. был захвачен Ростов и в этом же году погиб ростовский князь Василько Константинович (внук Всеволода Юрьевича). Из его владений в 1251 г. выделилось Белозерское княжество, первым князем которого стал младший сын Василька Константиновича – Глеб Василькович (1237–1278).

С конца XIV в. из Белозерского княжества выделяются мелкие уделы, преимущественно по рекам, впадающим в Белое озеро. Эти уделы постепенно дробятся до размеров мелких вотчин.

Неоценимую услугу оказали белозерские князья в 1380 году московскому князю Дмитрию Ивановичу Донскому в знаменитой Куликовской битве. Они храбро сражались и все погибли «яко нарочитые и славнии удалци, и яко един единого ради умре...».

В 1389 году Димитрий Донской отказывает Белозерское княжество своему сыну Андрею Можайскому. В 1485 году Белозерское княжество окончательно присоединяется к Москве.

В 1488 году, вскоре после ликвидации княжества, была составлена знаменитая «Белозерская уставная грамота», определявшая порядок управления краем из единого центра. Примечательно, что текст грамоты составил юридическую основу общерусского Судебника, принятого в 1497 году.

Не случайно, что именно тогда название города вошло в официальный титул Великого князя Василия III Ивановича:

Божием благословением, Мы, Великий Государь Василий, Божиею милостию, Государь всея Руси и Великий Князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волоцкий, и Ржевский, и Белский, и Ростовский, и Ярославский, и Белоозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондийский, и иных.

Вплоть до конца Российской империи название города сохранялось также в официальном титуловании российских императоров:

Божиею поспешествующею милостию, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский... Государь и Великий Князь Новагорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны Повелитель; ...и прочая, и прочая.

Тем самым подчеркивалась роль древнего города в создании и укреплении российской государственности...

В.А. Инполитов

Тамбовский государственный технический университет

ПИСЬМА В ГАЗЕТЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ КРЕСТЬЯН ПОКОЛЕНИЯ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА» В 1924–1928 ГГ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00132

«Поколение “революционного перелома” в судьбе российской деревни первой трети XX века»

Источниками исследования общественных настроений российского крестьянства в середине 1920-х гг. стали письма в редакции центральных и местных газет. Особый акцент делается на изучение мировосприятия крестьян поколения «революционного перелома». Автор рассматривает вопросы отношения сельского социума к власти, социализму, рабочим, кооперации, налогам. Проанализированы восприятие активной части деревни политики большевиков в деревне, отношение крестьян к центральной и местной власти. Показаны особенности межпоколенческого конфликта в нэповской деревне. Сделан вывод о мозаичном характере общественных настроений крестьянства в годы нэпа.

Крестьянство, «письма во власть», поколения, революционный перелом, комсомол, кооперация, социализм, сельскохозяйственный налог, «ножницы цен», кулаки.

Изучение аграрной истории первой трети XX века является одним из самых популярных направлений современной историографии. В статье А.В. Вязинкина рассматривается феномен «поколения революционного перелома», которое принимало активное участие в важнейших событиях начала XX века [3]. А.А. Слезин рассмотрел роль молодежи в развитии сельского социума в первые десятилетия советской власти [37]. Особое значение для изучения социальной истории «поколения революционного перелома», имеет обращение к источникам личного происхождения. Наибольшей информативностью из них обладают письма, ввиду их сохранности и разнообразия. В 1925 г. только одна «Крестьянская газета» получала в среднем 1000 писем в день [35].

Корреспонденция советского периода не является малоизученной темой в отечественной историографии. Начиная с перестроечного времени стало возможным ее объективное исследование. Значительный вклад в изучение и публикацию «писем во власть» внесли А.Я. Лившин и И.Б. Орлов [12; 16; 17], В.В. Кабанов [8], А.К. Соколов [5; 14], С.С. Крюкова [11], И.Е. Кознова [10]. Проблему перлюстрации писем как элемента политического контроля рассмотрел В.С. Измозик [6]. Но неисследованной остается градация писем в зависимости от возраста автора. Таким образом, анализ общественных настроений крестьянства поколения «революционного перелома» остается актуальной темой.

По определению А.Я. Лившина и И.Б. Орлова: «Письмо – это отражение пестрой мозаики повседневности наряду с базисными структурами этнопсихологии и культуры» [12, с. 11]. «Письма во власть» как особая форма общения власти и общества зароди-

лась в 1920-е годы. Традиционная для России патерналистская система была невозможна без обратной связи между обществом и властью. Прямое обращение к центральной власти граждане осуществляли в первую очередь через редакции газет. Письма крестьян, являясь специфическим нарративом, содержат сложные, многослойные данные. Как правило, их авторы придерживались негласных «правил игры» [12, с. 15]. Они включали в себя «верноподданнический» стиль, типичные ролевые модели (простой труженик, бедный крестьянин и др.), демонстрацию лояльности власти и т.д. Дискурс общества и власти предполагал осуждение «грехов» местных начальников, не касаясь вопроса политического режима. Таким образом, письма являются незаменимым источником для изучения общественных настроений населения.

Общественным настроением обычно называют социально-психологический феномен, выражающийся в конкретном состоянии чувств и умов, характерных для определенной социальной группы, всего общества в данный период времени [38]. Сложность в изучении крестьянского мировосприятия определяется его эклектичностью и ситуативностью. Для «нэповского» крестьянства было характерно сочетание различных пластов общественного сознания – традиционалистского и условно социалистического. Кроме того, частые колебания общественно-политической жизни 1920-х годов сформировали атмосферу неустойчивости в сельском социуме.

Хронологические рамки статьи составляют 1924–1928 гг. Начальная дата связана с провозглашением XIII съездом РКП(б) курса «лицом к деревне». Эта политика включала в себя укрепление союза рабочих

и крестьян путем «демократизации» советов, восстановление правопорядка, активизацию работы деревенских ячеек РКП(б) и снижение налогового гнета. Верхняя граница обусловлена возвращением партии к методам «военного коммунизма» в решении хлебозаготовительного кризиса. В конце 1920-х гг. был пересмотрен основополагающий принцип нэпа, заключавшийся в праве крестьянина распоряжаться выращенным урожаем.

Основным источником исследования являются письма крестьян в различные газеты, хранящиеся в фонде 17 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Рассматривались также письма, опубликованные в документальных сборниках [5; 11; 18]. Для удобства работы данные заносились в таблицу Microsoft Excel. Были выделены следующие категории при анализе содержания писем: год написания, социальное положение автора, партийность, отношение к власти, сельскохозяйственному налогу, кооперации, беднякам, «кулакам», коллективным хозяйствам. Всего в таблицу внесено более 100 писем, что позволяет сделать определенные выводы, так как выбраны наиболее информативные документы. Вместе с тем актуальна перспектива дальнейшего заполнения таблицы.

Первые годы нэпа в деревне характеризовались голодом, экономическим упадком и социальной апатией. Большинство крестьян, занятых выживанием и подъемом своего хозяйства, не имело мотивации для выражения своих общественно-политических настроений. Примерно к середине 1920-х годов положение в стране приобретает некоторую стабильность.

Революция и гражданская война дала мощный толчок политическому самосознанию крестьян. Большинство жителей села было убеждено, что «без участия крестьянства революция бы проиграла» [36]. По их мнению, заслуги самого многочисленного социального слоя на фронте должны учитываться «народным» правительством. Одним из мотивов написания «писем во власть» была надежда добиться справедливости в отношении деревни.

В 1920-е годы большевики еще не достигли существенных успехов в коммунистической индоктринации деревни. Подавляющее большинство крестьян сохраняло традиционное мировоззрение. Писатель П.И. Замойский (1896–1958 гг.), сам принадлежавший к поколению «революционного перелома», определял особенность крестьянского самосознания следующим образом: «с молоком всосанная косность, ограниченность, неподвижность, боязнь всего нового, опаска, оглядка» [4, с. 146]. Эти психосоциальные особенности жителей деревни ярко проявились в их эпистолярном наследии.

Народное представление о социализме было неоднозначным – в нем сочетались элементы традиционализма с партийной пропагандой. Судя по письмам, крестьяне понимали коммунизм как «открытие нового земного царства» [11, с. 102]. В общем незымным атрибутом справедливого общества крестьяне понимали равенство, но основанное на трудовом индивидуальном хозяйстве. Социализм должен был удовлетворить в первую очередь незамысловатые потребности крестьян в обильной пище и качественной одежде.

В.П. Булдаков отмечал, что представления о социализме складывались в умах крестьян на «основе традиционных утопий, порой подкрашенных наивным технократизмом» [1, с. 266]. На начальном этапе нэпа крестьянство в основном проявляло веру в возможность построения нового общества. Но к концу 1920-х гг. эти надежды разрушились грабительскими хлебозаготовками и насильственной коллективизацией. Можно согласиться с В.О. Великановой, которая считает, что «десять лет после революции – предел, за которым потенциал надежд и иллюзий в народном сознании исчерпывается» [2, с. 217].

Анализируя отношение нэповского крестьянства к политическому руководству, нельзя не заметить дихотомию в оценке верховной и местной власти («хороший царь и плохие бояре»). В 1924–1925 гг., по данным перлюстрации, в 64,7% писем отношение к советскому правительству было положительным, но в то же время отрицательно оценивалась работа местных властей в 96,3% документов [7, с. 34]. Интересное наблюдение приводит И.Е. Любимов в записке для И.В. Сталина, составленной в 1925 году на основе деревенских писем. По мнению автора, «крестьяне знают и цитируют речи Калинина, Рыкова, Сталина из их последних выступлений... Деревня чего-то ищет, но еще не нашла. Деревня самоопределяется, но окончательно еще не самоопределилась. Деревня советская, но еще не может разделить полностью, что есть в мероприятиях советской власти» [33]. Таким образом, нэп являлся своеобразным водоразделом в развитии общественно-политических настроений крестьянства. Традиционное прошлое сосуществовало с модернистским социалистическим настоящим.

«Письма во власть», как правило, начинались со словословий в адрес партийных вождей. В то же время в анонимных посланиях подобного не наблюдалось. Крестьяне с осторожностью относились к созданию писем, опасаясь возможных санкций за нелояльность, поэтому восхваление коммунистических лидеров следует воспринимать с определенной долей скептицизма. На начальном этапе нэпа наблюдается в целом доверительное отношение к РКП(б). Так, крестьянин Брянской губернии Куприн в письме в газету «Батрак» отмечал: «Хотя в трудных условиях живем, но знаем, что наша коммунистическая партия, как светило нашего темного пути, дает свет» [16, с. 393]. Симптоматично, что к политическим лидерам относились не без традиционного прагматизма. В частности, недовольство вызывали слишком большие траты на увековечивание памяти о В.И. Ленине. В 1925 г. крестьянин Виноградов из Витебской губернии возмущался отсутствием денег на школу, «а на какой-нибудь шалаш, где тов. Ленин спал, отпускается три тысячи рублей» [11, с. 70]. По мнению земледельца, такие меры вовсе не способствовали прославлению основателя государства.

Крестьянские настроения зачастую были спонтанными реакциями на локальные события или происшествия. Житель Стодолищенской волости (Смоленская губерния) Н.Е. Никипоренко писал в газету «Батрак»: «Крестьяне стонут и проклинают Советскую власть. Они ненавидят ее от всей души, потому что она в лице своих низовых представителей сознательно душит и гонит нашего брата, мужика, усили-

вая свои издевательства раздающимися сверху хорошими красными словами о поднятии культурности крестьянского хозяйства» [27]. Из письма видно, что столь эмоциональная критика власти была вызвана нерасторопностью местной милиции в поисках украденной лошади. Гиперболизация жизненных неурядиц была характерна для посланий из деревни. Характерно, что свое личное недовольство адресанты распространяли на все сельское население.

К концу 1920-х годов сочувственное отношение крестьян к власти сменяется враждебным. Исключение составляет сельская беднота, уже привыкшая к тому времени существовать за счет государственной помощи. Примечательно, что недовольство стали проявлять члены комсомола, которые были ближе к правящей элите, чем рядовые сельчане. Комсомолец В. Петров из деревни Воловино Новгородского округа в письме в «Крестьянскую Правду» отмечал, что власть делает все, чтобы «мужик из лаптей не выходил. Он хотел обуться в сапоги, вы говорите, ходи в лаптях и купи хряпу [капусту], а то захотели кушать мясо. Николай Кровавый брал одну шкуру, а Советская власть две» [21]. Молодого человека также возмущало чрезмерное налоговое давление на среднее и зажиточное крестьянство. Аналогично по настроению письмо крестьянина Новгородского округа, который сетует на то, что «советскому правительству как будто приятнее иметь в управляемом им государстве сплошную сельскую бедноту, чем зажиточного крестьянина» [19]. Крестьяне не без основания полагали, что, повышая налогообложение, власть подталкивает их к вступлению в коллективные хозяйства.

Административные методы давления на сельский социум вызвали сдержанное недовольство крестьян, что нашло отражение в множестве жалоб М.И. Калинин, И.В. Сталину и др. Типичный случай произошел в деревне Гойки Новгородского округа, когда собрание не приняло нужный местной власти уровень самообложения, на другой день прибыли председатель РИКа, народный судья, начальник милиции, представитель ячейки ВКП(б). Среди крестьян тут же прошел слух, что «приехали взять на испуг». Действительно, последовали угрозы закрыть школу и аресты граждан, которые «много говорили и задавали вопросы» [22]. В Лужском округе врач не принимала даже тяжелых больных, если они не брали облигаций государственного займа [23]. Для выступавших против чего-либо крестьян всегда был готов аргумент: «Значит тебе советская власть не нужна» [24]. Подобный произвол еще вызывал недоумение крестьян, а с 1929–1930 года эти методы станут практиковаться повсеместно.

В большинстве крестьянских писем заметен прагматичный подход к местной власти. К примеру, В. Дмитриев из Саратовской губернии писал, что мужики говорят: «Дайте нам таких коммунистов, которые бы умели вести нас к новому социалистическому обществу. Таких коммунистов, которые не могут трем курам замесить – нам не надо» [32]. Но в действительности, по мнению сельчан, «некоторые партийные держат себя очень гордо, по отношению к беспартийным, подобно старым офицерам» [31]. Ставропольский крестьянин жаловался в 1925 году, что «секретари комячейки вообще люди молодые, совер-

шенные ребятишки, не жили мужиками и совершенно не знают нашу крестьянскую психологию. ...Портфель подмышку – и барин, а там хоть травушка не расти» [16, с. 413]. Конфликт местной администрации и сельского социума усугубляло положение, когда «деревенские коммунисты и комсомольцы (или вообще молодежь) не разделяли крестьянских ценностей» [15, с. 527].

**Отношение крестьян к
сельскохозяйственному налогу
по письмам 1924–1928 гг.**

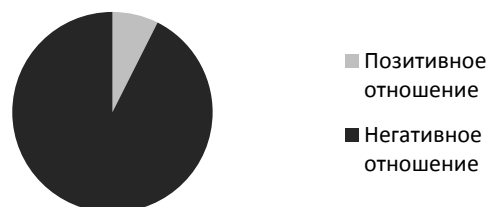

Диаграмма 1

Проблема налогов являлась ключевой в отношениях сельского социума и любой власти. Жалобы на непомерные платежи были характерны на протяжении всего изучаемого периода. Лишь в 7% посланий фиксируется позитивное отношение к единому сельскохозяйственному налогу (см. диаграмму 1). В 1924–1925 гг. основным мотивом писем было отсутствие, вследствие высоких выплат, перспектив расширения хозяйства. Л. Коробов из Переяславского уезда Владимирской губернии отмечал: «Долго ли будет длиться непосильность сельскохозяйственных налогов. Ведь невыносимо, что семья за лето нарабатывает то Советская власть за зиму у ней заберет и остаются люди на произвол судьбы раздеты, разуты и скудно питаюсь. ...власть эксплуатирует крестьян, так было только при буржуазном классе» [28]. В оценках жителей деревни, – «единый сельскохозяйственный налог – это хомут: жмет, давит» [30]. Угнетали крестьян также самообложение, налоги на скот и сельскохозяйственную технику. Из-за опасения попасть на глаза члену партии земледельцы, покупая новые машины, вынуждены были перевозить их ночью. Анализ писем позволяет сделать вывод, что крестьяне отрицательно относились к стремлению правительства восстановить экономику за счет деревни.

К 1928 г. резко возрастает поток жалоб на несправедливое налогообложение. Зажиточные крестьяне, следующим образом описывали свое поведение в новых условиях, – «постараться сравняться с беднотой, образуя единое “мощное” общество, доводя свое хозяйство до единой лошаденки, коровенки, петуха, да курицы, запахивая такой “клин”, который дал бы возможность, хотя впроголодь прокормить свою семью и ни одного фунта на рынок» [19]. Анонимный автор в письме в «Крестьянскую Правду» сетовал на то, что «теперь всех единоличников, хотят загнать в комму-ну. Обманывайте лентяев, сгоняйте их и давайте им побольше. Кто кого обманет. Немного с них возьмешь, а мы трудовки для себя как-нибудь посеём голодом сидеть тоже не будем» [20]. Таким образом, тяжелый налоговый гнет, обрушившийся на крестьянство в конце 1920-х годов, вынуждает их сворачивать

производство. Льготами для крестьянской бедноты, по мнению В.А. Надеждиной, «государство поддерживало и укрепляло в русской крестьянской среде патерналистские установки противоречившие целям и ценностям модернизации» [13, с. 201]. Дальнейшая перспектива натурализации хозяйства привела большевиков к форсированному проведению насильственной коллективизации и раскулачивания.

Целый пласт крестьянских писем посвящен неравенству положения крестьян и рабочих. Представление о том, что горожане живут лучше сельчан, сохранялось на протяжении всего нэпа. В 1925 г. М.И. Зуперман житель Майкопского округа, задавал вопрос редакции «Крестьянской газеты»: «Разве допустимо, чтобы рабочие пользовались привилегиями за счет каторжного труда хлебороба?» [26]. Крестьян возмущали привилегии пролетариата в зарплате, налогообложении, образовании, жилищных условиях, 8-часовой рабочий день. Благополучие горожанина, по мнению сельчан, резко контрастировало с бедностью нэповской деревни. Сельчане писали, что крестьяне «роются темными кротами целые 17 часов в сутки», после чего «лицо в 30-35 лет принимает цвет земли» [29]. Смоленский земледелец В. Борисов 1898 года рождения писал в «Крестьянскую Газету»: «Возьмите условия жизни крестьянина пища его хлеб да вода советская еда о чае мы забыли ребенок у нас питается теми-же суррогатами» [18, с. 39].

Немаловажной чертой общественных настроений крестьянства поколения «революционного перелома» была ностальгия по дореволюционной эпохе. Сравнение с уровнем жизни при царе, в основном, завершалось не в пользу советской власти. Симптоматично, что сельчане регулярно жаловались на «ножницы цен» и проводили в качестве примера стоимость дореволюционных товаров. В 1925 г. В. Нестеров из Московской губернии писал, скоро «цены на хлеб падут до 75 копеек за пуд, то есть снизятся до довоенных цен, а цены на продукты городского производства будут в 2–3 раза выше довоенных. Сахар [стоил] раньше 13 копеек фунт – теперь 35–37 копеек. Сапоги 5-6 рублей теперь 15-18» [26]. Аналогичные жалобы встречаются в подавляющем большинстве писем посвященных вопросу цен. Как видим, неэквивалентный обмен между деревней и городом с целью «социалистического накопления» был одним из раздражающих факторов для крестьянства.

Отношение крестьян к кооперации по письмам 1924–1929 гг.

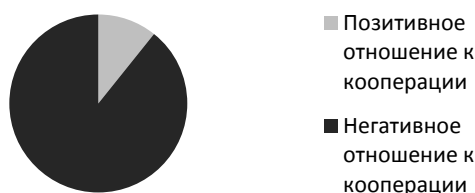

Диаграмма 2

Советская кооперация в основном не отвечала запросам населения в деревне. По данным диаграммы 2, лишь 11% крестьян позитивно оценивали ее работу. Недовольство вызывали цены, качество и распределение

товаров. Кроме того, в письмах, жители деревни красочно описывают разложившихся работников кооперации. Крестьянин Н.С. Пастухов из хутора Иванищево (Ярославский уезд) писал М.И. Калинину: «Хорошо известно, что в старой дореволюционной кооперации таких растрат, хищений и подлогов не было, и кооперация имела доверие от населения, и была им удовлетворена, и могла конкурировать против частной торговли, а современная кооперация пасует во всем» [16, с. 491]. Общим желанием земледельцев были свободные выборы правлений кооперативов, которые должны отчитываться перед пайщиками. Но правительство на это пойти не могло, так как власти был нужен лишь аппарат «пусть неуклюжий и громоздкий, но зато послушный» [9, с. 187].

Межпоколенческий конфликт 1920-х годов проявлялся в письмах крестьян, жаловавшихся на радикально настроенную молодежь. Нередко воспитанная при новой власти молодежь вызывала настоящую ненависть «стариков». Сельчане роптали, что коммунисты «разрушают семью, религию, разрушают и собственность, натравливают молодежь на стариков и попов. Свои ряды коммунисты стараются укрепить неопытной крестьянской молодежью, освобожденной от опеки родителей и ставшей опричниной и крестьянским пролетариатом [31]. Характерно, что в обобщенных требованиях крестьян по письмам «Крестьянскую газету» в 1925 году, для В.М. Молотова значился тезис: «Надо сделать так, чтобы молодежь (комсомольцы, допризывники), хоть немного считались с авторитетом старших и не «крыла их матом» по всякому поводу, а особенно – не осмеивала верующих [34]. Бесспорно, что бытовой, семейный фактор имел важное значение в социалистической перестройке сельского хозяйства. Власть, по сути, провоцировала поколенческий разрыв в деревне. Времена нэпа являлись переломным моментом истории, когда происходила ломка общественного сознания.

Отношение крестьян к кулакам по письмам в 1924–1928 гг.

Диаграмма 3

Отношение крестьян к беднякам по письмам в 1924–1928 гг.

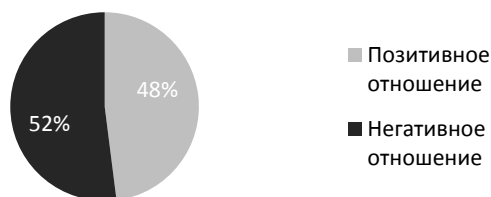

Диаграмма 4

Неоднозначным было отношение крестьянства к попыткам большевиков расколоть сельский социум. Четкое разделение деревни на три слоя в основном не находило поддержки у населения. Кроме того, отсутствие общепринятых критериев определения «класса» вызывало недоумение крестьян. Для середняков в большей степени было характерно стремление сохранить традиционные общинные ценности. Типично письмо А. Химановича из Богучарского уезда Воронежской губернии в «Крестьянскую газету»: «Середняк это не что иное, как усиленно трудящийся человек. Идя навстречу социализму, давайте бросим разделение крестьянства, оно ведет к разорению государства» [25]. В то же время классовая неприязнь, вызванная большевистской политикой, была характерна в равной мере для бедняков и кулаков.

В целом деревня с большим сочувствием относилась к беднякам, чем к кулакам или зажиточным (см. диаграммы 3, 4). В крестьянской среде бедняки делились на «лодырей» и тружеников, причем к первым было исключительно негативное отношение. Критериями кулацкого хозяйства считались использование наемного труда, ростовщичество и торговля. В большинстве случаев авторы писем трудились в уравнилельно-передельной общине и с осторожностью наблюдали за первыми коллективными хозяйствами.

Власть в представлениях крестьян 1920-х годов должна была быть справедливой, учитывать их интересы. Также для большинства писем характерна фетишизация вождей. Типичным для крестьянского мировоззрения являлось принятие советской власти, но недовольство ее практическими мероприятиями. Нарастал разрыв между благоприятными для крестьян «словами» власти и ее «делами». В принципе большинство крестьян были готовы соблюдать законы, но их возмущали «перегибы» на местах. Негативную реакцию вызвало стремление власти расколоть деревню по имущественному и поколенческому принципу. Все это определило мозаичный характер общественных настроений поколения «революционного перелома».

Эклектичность крестьянских настроений проявлялась в парадоксальном сочетании утопической веры в социализм с тоской по более зажиточным дореволюционным временам. Даже в наиболее благополучные годы нэпа сохранялся антагонизм земледельцев в отношении города и «господствующего» рабочего класса. В этой ситуации ощутимый рост общественного самосознания сельского социума представлял опасность для власти. Поэтому подавлялись любые попытки сельского сопротивления, начиная от общинной солидарности, заканчивая идеей Крестьянского союза.

В главном вопросе о налогах крестьяне демонстрировали понимание его необходимости. Возражение вызывали его размеры, практики сбора и сроки уплаты. Стихийно осознавая рыночные механизмы, сельчане выражали недовольство тем, что массовая продажа зерна осенью понижает его цену. По мере усиления налогового гнета крестьяне отвечали пассивным сопротивлением в виде натурализации хозяйства. Автор солидарен с мнением В.П. Булдакова, что «разоренное хозяйство отцов, психология “агрессивной безответственности” сыновей и неуверенная аг-

рарная политика большевиков объективно подводили их же к идее тотальной коллективизации» [1, с. 299]. Хотя в основной массе крестьяне оставались верны общинной системе землепользования, тем не менее, с 1928 г. нэповская модель развития сменяется сталинской командно-репрессивной системой.

Литература и источники

1. Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920–1930 гг. / В. П. Булдаков. – Москва : РОССПЭН, 2012. – 756 с.
2. Великанова, О. В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. / О. В. Великанова. – Москва : РОССПЭН, 2017. – 295 с.
3. Вязинкин, А. Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблематика историографии / А. Ю. Вязинкин. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46 // Вопросы истории. – 2022. – № 7–2. – С. 153–165.
4. Замойский, П. И. Лапти / П. И. Замойский. – Москва : Советская Россия, 1989. – 720 с.
5. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / ответственный редактор А. К. Соколов. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 328 с.
6. Измозик, В. С. Глаза и уши режима : Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. / В. С. Измозик. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1995. – 164 с.
7. Измозик, В. С. Перлюстрация в первые годы советской власти / В. С. Измозик // Вопросы истории. – 1995. – № 8. – С. 26–36.
8. Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества : курс лекций / В. В. Кабанов. – Москва : РГГУ, 1997. – 385 с.
9. Кабанов, В. В. Кооперация, революция, социализм / В. В. Кабанов. – Москва : Наука, 1996. – 206 с.
10. Кознова, И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства / И. Е. Кознова. – Москва : ИФ РАН, 2000. – 208 с.
11. Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / составитель С. С. Крюкова. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 232 с.
12. Лившин, А. Я. Власть и общество: Диалог в письмах / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 208 с.
13. Надеждина, В. А. «... все к социализму иду и никак не могу прийти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа / В. А. Надеждина. – Уфа : РИО БашГУ, 2005. – 266 с.
14. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / ответственный редактор А. К. Соколов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 352 с.
15. Окуда, Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты в процессе раскрестьянивания / Х. Окуда. // История сталинизма: итоги и проблемы изучения – Москва : РОССПЭН, 2008. – С. 495–528.
16. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям документах / составитель А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 664 с.
17. Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / составитель А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 528 с.
18. Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты» : Материалы по социальной истории провинции середины 1920-х годов / составитель М. В. Ка-

иль, О. В. Кобец. – Смоленск : Издательство СмолГУ, 2011. – 56 с.

19. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 5.

20. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 6.

21. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 7.

22. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 19.

23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 24.

24. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 27.

25. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 16.

26. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 17.

27. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 36.

28. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 87.

29. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 91.

30. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 137.

31. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 119.

32. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023. Л. 6.

33. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023. Л. 65

34. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023. Л. 86.

35. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023. Л. 88.

36. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1024. Л. 11.

37. Слезин, А. А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин. – DOI 10.31166/Voprosy Istorii202208Statyi32 // Вопросы истории. – 2022. – № 8–2. – С. 106–128.

38. Социологический справочник / составитель В. И. Воллович [и др.]. – Киев : Политиздат Украины, 1990. – URL: <http://sociology.niv.ru/doc/dictionary/sociological/articles/93/obshchestvennoe-nastroenie.htm> (дата обращения: 31.08.2022). – Текст : электронный.

V.A. Ippolitov

LETTERS TO NEWSPAPERS AS INDICATORS OF PUBLIC SENTIMENTS OF PEASANTS FROM THE «REVOLUTIONARY TURNING POINT» GENERATION IN 1924–1928

*The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>*

Letters to the editors of central and local newspapers became the sources for studying public sentiments of the Russian peasantry in the mid-1920s. Particular emphasis is placed on studying the worldview of peasants from the «revolutionary turning point» generation. The author examines the attitudes of rural society towards power, socialism, workers, cooperation, and taxes. The perception of the Bolsheviks' policy by the active part of the village, as well as the attitude of peasants towards the central and local authorities are analyzed. The features of the intergenerational conflict in the NEP village are shown. The conclusion about the mosaic nature of the peasantry public sentiments during the NEP years is made.

Peasantry, «letters to the authorities», generations, revolutionary turning point, Komsomol, cooperation, socialism, agricultural tax, «price scissors», kulaks.

Е.А. Калинина
Петрозаводский государственный университет

СПОРТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ СССР В 1920-Е ГОДЫ

В статье на основе архивных и документальных материалов автор показывает развитие физической культуры и спорта по линии профсоюзов через организацию кружковой работы и спортивных соревнований по различным видам спорта.

Профессиональные союзы, спорт, физическая культура, спортивные соревнования, физкультурные кружки.

Профессиональные союзы в 1920-е гг. активно включились в работу по развитию физической культуры и спорта, рассматривая их как составные части своей деятельности.

В решениях XII съезда РКП(б), состоявшегося в апреле 1923 г., указывалось, что «усилившаяся среди рабочей молодежи тяга к спорту должна быть использована партией для физического оздоровления подрастающего поколения рабочего класса... На фабриках и заводах следует объединить рабочую молодежь в кружки физической культуры» [2, с. 128]. Профсоюзные организации, выполняя решения партийного съезда, на промышленных предприятиях открывали спортивные кружки для молодежи и взрослого населения.

В апреле 1924 г. Президиум ВЦСПС утвердил «Положение о фабрично-заводских и клубных кружках физкультуры», которые являлись звеном физкультурного движения. В ноябре того же года был проведен VI съезд профсоюзов СССР, где профсоюзным организациям предлагалось использовать физическую культуру для сплачивания рабочих вокруг союзов физического оздоровления пролетариата. В связи с этим в работе профессиональных союзов в 1923–1926 гг. особое место занимали организация спортивных кружков и проведение спортивных соревнований по различным видам спорта. В этой связи губернские руководители профсоюзных советов в своих ежегодных отчетах о проделанной работе обязаны были освещать вопросы развития физической культуры. Так, председатель Вологодского профсоюзного совета Шарапов на VI съезде профсоюзов в Вологде в июне 1925 г. отметил, что среди членов профсоюзов «проявляется интерес к физической культуре, в результате мы имеем 13 кружков, 629 участников» [16].

Профессиональный союз железнодорожников стал одной из первых организаций, успешно развивающих спортивную кружковую работу. Примеру железнодорожников последовали профсоюзы леса и сплава, металлостроителей, торговых служащих, печатников и другие организации. Как правило, кружков по отдельным видам спорта не существовало. Во многом от желания руководителя зависело то, по каким видам спорта бу-

дут проходить занятия. Индивидуальные запросы физкультурников учитывались мало, а физическая культура рассматривалась ими только с гигиенических позиций и оздоровления населения.

Руководители региональных комитетов профессиональных союзов способствовали расширению численности профсоюзных спортивных кружков и их регулярной деятельности. В зимнее время кружковцы занимались лыжами, коньками, хоккеем, летом – легкой атлетикой (бег на короткие и длинные дистанции, метание копья, диска, молота, толкание ядра, прыжки в длину и в высоту с разбега) и спортивными играми. На предприятиях создавались лыжные, хоккейные, баскетбольные и футбольные команды.

Профсоюзные комитеты организовывали лыжные, пешие, велосипедные походы выходного дня в лес, многодневные звездные пробеги, легкоатлетические эстафеты по городским улицам, шахматно-шашечные турниры и т.д. Рабочие и служащие имели возможность участвовать в спортивных состязаниях по разным видам спорта. Как правило, организаторами соревнований в 1920-е гг. являлись губернские советы физической культуры и профсоюзные комитеты. Судя по архивным документам и опубликованным материалам в периодической печати, численность соревнований, главными организаторами которых являлись профсоюзы, ежегодно увеличивалась, при этом деятельность советов физической культуры в этом направлении постепенно снижалась. Например, если в 1926 г. Карельский совет профсоюзных организаций из шести проведенных спортивных состязаний провел два, то в 1929 г. из 28 – 12 соревнований.

Деятельность профсоюзных организаций в области спорта в эти годы проявлялась в проведении вечеров спорта, на которых выступали члены спортивных кружков с показательными выступлениями гимнастов, боксеров и борцов.

Численность кружковцев ежегодно возрастала. Так, в РСФСР в 1923 г. в кружках физической культуры занималось 126 000 человек, в 1924 г. – 244 267 участников, а в 1926 г. в Советском Союзе в 10 396 кружках насчитывалось 874 750 человек (см. таблицу 1).

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КРУЖКОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РСФСР – СССР В 1923–1926 ГГ. [5, с. 25; 6, с. 10]

Год	Количество кружков	Количество кружковцев
1923	нет данных	126 000
1924	2482	244 267
1925	6370	668 258
1926	10 396	874 750

На Европейском Севере СССР первые кружки физической культуры появились в отделениях Мурманской и Северной железной дороги: в Петрозаводске, Архангельске, Вологде. Для них были организованы кружки по футболу, баскетболу, легкой атлетике. Члены спортивных кружков являлись активными участниками всех спортивных соревнований. В 1929 г. в Вологодском отделении среди железнодорожников было организовано 11 физкультурных кружков [7].

В Архангельской области и в Карелии активную спортивную деятельность развила профсоюзная организация деревообделочников. В это время на архангельских лесозаводах имелись физкультурные кружки по футболу, хоккею, легкой атлетике, борьбе, боксу, гимнастике, фехтованию. Основную массу физкультурников составляли рабочие заводов Архангельска, Онеги, Мезени, Печоры. Занятия проводились в заводских клубах. Как отметил М. Френкель, корреспондент архангельской газеты «Правда Севера» в 1928 г.: «В Верхнезаводском районе на девяти лесозаводах занимались физкультурой 336 человек, в том числе 123 женщины» [14, с. 7].

В Кемском уезде (Карельская АССР) в 1926 г. на лесозаводах действовало 12 спортивных кружков: в Кеми, Сороке, Сегеже, Лоухах, Чупе, Кандалакше. В Петрозаводском уезде – в Медгоре, в Суне, в Кондопоге, в Соломенном. В Петрозаводске спортивная работа проводилась на Онегзаводе (профсоюз металлистов). В 1929 г. в Карелии работало 24 профсоюзных кружка (687 мужчин и 329 женщин, всего 1016 человек) [3]. Здесь следует заметить, что на Европейском Севере СССР в 1920-е гг. кружки физической культуры начали свою работу также в профсоюзах: советских и партийных органов (совслужащие), работников торговли (совторгслужащие), деятелей культуры и искусства (Рабис) и т.д.

Однако выполнить в полной мере решения XII съезда РКП(б) по организации кружковой работы на промышленных предприятиях Европейского Севера Советского Союза не удалось. Членами спортивных кружков становилась молодежь, а взрослое население занятиями физической культурой не интересовалось. Тормозило работу повсеместное отсутствие инструкторов спорта, а также недостаточная материально-техническая база.

Руководители кружков постоянно жаловались на отсутствие помещений для занятий физической культурой. Например, в Сороке (Карелия) в 1925 г. члены гимнастических кружков занимались в сельском клубе. Руководитель кружков И. Бурый неоднократно обращался в Кемский Совет физической культуры: «помещение противоречит всем гигиеническим требованиям, пол не моется, грязь, на полу окурки и т.п. ... Учреждения навстречу не идут, смотрят на спорт как на детскую забаву, срывают занятия, предостав-

ляя помещение под кино» [10, л. 18]. Этот вопрос рассматривался на заседании районного СФК в марте 1925 г., председатель И. Медников неоднократно обращался к заведующему клуба и руководству Сороцкого лесозавода с просьбами о помощи, однако положение не улучшилось. В с. Ковда Кемского уезда для занятий спортивного кружка пытались приспособить здание бывшей церкви. Отметим, что данная проблема была повсеместной.

Какие же профсоюзные спортивные соревнования проводились? Какие профсоюзные организации являлись лидерами физической культуры и спорта?

В 1920-е гг. спектр профсоюзных спортивных соревнований был разнообразен. Первоначально проводились состязания на конкретных предприятиях внутри коллективов – межбригадные, межцеховые и т.п. Далее – соревнования между предприятиями одной отрасли, затем представители каждого профессионального союза проводили свои состязания по разным видам спорта на уровне Северо-Западного, Сибирского, Западного, Южного регионов и только потом победителей приглашали на Всесоюзные профсоюзные спортивные праздники.

В Карелии первые низовые соревнования среди производственных коллективов провели в 1926 г. среди членов профсоюза работников искусства (Рабис) по шахматам и шашкам и среди рабочих Мурманской железной дороги по легкой атлетике, городкам, футболу, баскетболу. Участниками этих соревнований стали железнодорожники Петрозаводска, Медгоры, Лодейного Поля [11; 15]. Ежегодные лыжные состязания среди рабочих проводились также на Соломенском, Лососинском лесозаводах и Онежском заводе. Победителям вручались призы – финские сапоги, вязанные рубашки, шарфы, перочинные ножи, мужские ремни [13]. В 1928 г. в Петрозаводске было организовано лыжное первенство среди профсоюзов. В нем участвовали военнослужащие, финский клуб, деревообделочники и совторгслужащие. Всего 63 человека. Лучшими стали: среди мужчин: Тирикка, Лейтонен, среди женщин: М. Минина, Одинцова и Петренко [8]. В 1929 г. межцеховые спартакиады прошли на Онегзаводе (профсоюзная организация металлистов), среди рабочих Соломенского лесозавода (профсоюзная организация деревообделочников) и служащих торговых организаций (профсоюзная организация совторгслужащих). Примечательно, что ежегодные лыжные соревнования для членов физкультурных кружков профсоюзных организаций проводились также и на лесозаводах в Архангельске и в Череповце.

Отметим, что каждый профсоюз первенствовал в каком-то отдельном виде спорта. Например, на Онегзаводе было создано шесть футбольных команд, которые неоднократно становились победителями республиканских весенних и летних розыгрышей по футболу.

лу. На Соломенском лесозаводе работали победители Всекарельских лыжных соревнований, а лучшая в Петрозаводске хоккейная команда состояла из членов профсоюза совторгслужащих.

Под эгидой Вологодского совета профсоюзов в феврале 1926 г. были организованы губернские лыжные соревнования. Объединенный клуб профсоюзов утвердил переходящий приз этих соревнований – Красное знамя. В них приняли участие девять мужских и женских команд Клуба интернациональной молодежи (КИМ), объединенной команды профсоюзов, Свердловский клуб (из с. Свердлово), фабрика «Сокол», красноармейцы и Мелютинский завод [1].

С 1926 г. профсоюзным комитетом Северной железной дороги также стали проводиться ежегодные «дорожные» лыжные соревнования. Как правило, в них принимало участие более 100 рабочих железнодорожных станций: Москва, Савеловский, Александровск, Иваново, Ярославль, Шарья, Буй, Няндомы, Бабаево и Вологда. В 1926 г. победителями таких соревнований стала команда Московского участка железной дороги, второе место заняла команда из Ярославля и третье – из Вологды [4]. С 1928 г. спортивные состязания по зимним видам спорта в Вологде стали организовывать профсоюзы строителей, бумажников.

В 1928 г. карельская команда деревообделочников выиграла всесоюзные профсоюзные соревнования по лыжам среди рабочих лесозаводов. Лучшим был лесоруб Тирикка [12, с. 13].

Особо необходимо отметить организацию нового вида спортивного мероприятия – двухнедельника физической культуры, который по решению ВЦСПС проводился для членов профсоюзов с 28 июля по 11 августа 1929 г. по всему Советскому Союзу. В календарный план спортивных мероприятий на предстоящие две недели вошли: агитпробег на велосипедах, парад, митинги в клубах и спортивных площадках, массовые экскурсии в военные части, расположенные вблизи населенных пунктов, беседы с врачом о профвредности, кружковые соревнования по городам, легкой атлетике, перетягиванию каната, водному спорту [9]. В Карелии активное участие в двухнедельнике приняли профсоюзные организации совторгслужащих, железнодорожников, медиков, строителей. Победителем двухнедельника в общем зачете стала профсоюзная организация металлистов Онегзавода. Важно отметить, что двухнедельники физической культуры проводились и в районах республики среди рабочих карельских лесозаводов.

В сентябре 1925 г. ВЦСПС прошел в Москве первый Всесоюзный профсоюзный праздник физической культуры. В соревнованиях по легкой атлетике, спортивным играм, велосипеду, стрельбе участвовало 600 человек – представители шести профессиональных союзов (металлистов, горняков, железнодорожников, химиков, текстильщиков и совторгслужащих). Спортивные достижения на этих соревнованиях были невысокими. Тем не менее, этот праздник имел большое значение: он положил начало спортивной традиции – регулярным всесоюзным соревнованиям, организуемым профессиональными союзами. Впоследствии такие спортивные праздники стали проводиться и на местах.

В ноябре 1930 г. Всесоюзная конференция профсоюзов по физической культуре приняла решение о переходе от клубно-территориального принципа построения физкультурной работы к производственному. Взамен кружков физкультуры при рабочих клубах были созданы коллективы физической культуры на заводах, фабриках и в учреждениях. Коллективы физкультуры стали основным звеном советского физкультурного движения.

Таким образом, кружки физической культуры, организованные профессиональными союзами сыграли значительную роль в развитии спорта на Европейском Севере СССР в 1920-е гг. Молодежь и взрослое население вовлекались в регулярные занятия физкультурой. Участвуя в спортивных соревнованиях, жители северных регионов знакомились с новыми видами физкультурной деятельности. Среди физкультурников культивировались ранее неизвестные им виды спорта (волейбол, баскетбол, борьба, бокс). Активная деятельность профсоюзных организаций в развитии физической культуры и спорта в 1926–1929 гг., несомненно, способствовала распространению лыжного спорта среди населения страны. На производственных предприятиях начали работу лыжные секции, профсоюз начал проводить спортивные соревнования. Повсеместно устраивались лыжные станции, где напрокат можно было получить лыжный инвентарь. Так зарождался опыт по организации секционной работы, а также по проведению спортивных состязаний и турниров, агитпробегов, звездных эстафет.

Литература

1. Губернские соревнования по лыжам // Красный Север. – 1926. – 12 февраля.
2. Двенадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и пленумов ЦК (1922–1925 гг.). – Москва, 1984. – Т. 3. – С. 128.
3. Доклад председателя ГСФК Данилова на IV сессии Карельского ЦИКа // Красная Карелия. – 1928. – 22 июля.
4. Дорожные соревнования по лыжам // Красный Север. – 1925. – 14 февраля.
5. Иттин, А. Г. Физкультура в профорганизациях СССР / А. Г. Иттин // Теория и практика физической культуры. – 1927. – № 5. – С. 25.
6. Крадман, Д. А. 40 лет назад / Д. А. Крадман // Физическая культура в школе. – 1987. – № 3. – С. 10.
7. Лыжный пробег железнодорожников // Красный Север. – 1929. – 19 января.
8. Лыжные соревнования профсоюзов // Красная Карелия. – 1928. – 25 января.
9. Матилайнен, А. Двухнедельник физкультуры профсоюзов в Карелии / Матилайнен А., Сайк Н. // Красная Карелия. – 1929. – 26 июля.
10. Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 18.
11. Новожинов. Спорт-соревнования 2-го района железной дороги // Красная Карелия. – 1926. – 7 августа.
12. По стране Советов // Физкультура и спорт. – 1928. – № 6. – С. 13.
13. Участник. Лыжные состязания в Соломенном // Красная Карелия. – 1926. – 10 февраля.
14. Френкель, М. Архангельск / М. Френкель // Физкультура и спорт. – 1928. – № 11. – С. 7.
15. Шахматный турнир // Красная Карелия. – 1926. – 10 февраля.
16. VI губернский съезд профсоюзов // Красный Север. – 1925. – 4 июня.

E.A. Kalinina

**SPORTS ACTIVITIES OF TRADE UNIONS
IN THE EUROPEAN NORTH OF THE USSR IN THE 1920s**

Using archival and documentary materials the author shows the introduction of physical culture and sports by trade unions while organizing sports clubs and holding sports competitions in various kinds of sports.

Trade unions, sports, physical culture, sports competitions, sports clubs.

Р.А. Малахов

Вологодский государственный университет

РАЗДЕЛЕННОЕ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ЧИНОВНИЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГОДОВ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20–09–00031
«Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации
Советского государства (конец 1920-х – 1960-е гг.)»*

Экономический строй Советского государства автором статьи понимается как капитализируемая система. Данный подход обоснован в трудах М.А. Безнина и Т.М. Димони. К региональному чиновничеству отнесены ответственные работники органов власти, предприятий и организаций сельского, районного и областного уровней. Статья нацелена на исследование участия чиновников в реализации разделенного права собственности. В работе изучены характерные черты экономического поведения и деятельности низовых управленцев.

Исследование реакции местных чиновников на нарушения Устава сельскохозяйственной артели в колхозах позволило определить восприятие управленцами процесса изъятия прибавочного и необходимого продуктов, установить степень вовлеченности в эти процессы ответственных работников районного уровня.

Автор пришел к выводу о том, что руководящие работники различных организаций распоряжались результатами производства и имуществом сельскохозяйственных предприятий, использовали колхозную собственность. В этом процессе осуществлялось разделенное право собственности местного чиновничества на средства и результаты сельского производства.

Машинно-тракторная станция, колхоз, разделенное право собственности, райисполком, райком ВКП(б), сельсовет, Устав сельскохозяйственной артели, чиновничество.

Концептуальной основой данной статьи является подход к экономическому строю Советского государства как капитализируемой системе [1]. В задачу настоящей работы входит исследование участия чиновников в реализации разделенного права собственности. В этой связи важно выявить характерные черты деятельности низовой (сельской и районной) социально-профессиональной управленческой группы. Это позволит продолжить осмысление трансформации социально-экономических отношений аграрного общества и формирование системы, характерной для капитализированного социума.

Изучение реакции местных чиновников на нарушения Устава сельскохозяйственной артели в колхозах позволит определить восприятие управленцами указанных фактов и отношение к процессу изъятия прибавочного и необходимого продукта, установить степень вовлеченности ответственных работников районных органов власти, учреждений и организаций в эти процессы. С точки зрения автора данной статьи, иерархия чиновников может быть понята путем изучения характера наказания ответственных работников за экономические правонарушения.

В категорию «региональное чиновничество» включены ответственные работники органов власти, предприятий и организаций сельского, районного и областного уровней (от председателей колхозов и сельсоветов, директоров машинно-тракторных станций до секретарей обкомов партии и председателей облисполкомов).

Территориальные рамки исследования включают Архангельскую и Вологодскую области, являющиеся репрезентативными субъектами для Европейского Севера России. Хронология работы объясняется традиционным для отечественной историографии подходом ко второй половине 1940-х гг. как периоду послевоенного восстановления экономики страны. Источниками статьи являлись делопроизводственные документы органов власти Архангельской и Вологодской областей.

В послевоенный период широкое распространение на Европейском Севере России имело прямое и часто безвозмездное использование чиновниками колхозной собственности. Объектами этого процесса являлись земля, скот, продукты питания, имущество, деньги. Обратим внимание на типичные примеры.

В «Информации» в Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) от 25 октября 1946 г. секретарь Вологодского обкома ВКП(б) В.Н. Дербинов отмечал, что «председатель Павлоковского сельсовета Мясинского района... в трех колхозах имел участки пахотной земли в общей сложности 0,85 гектара, причем в пяти колхозах имел сенокосные участки... председатель колхоза («Луна» Пришекснинского района. – Р. М.) ...незаконно получал продукты для своего личного пользования... директор Череповецкой машинно-тракторной станции... в мае 1946 г. предложил председателю колхоза «Рослино»... выделить участок земли для подсобного хозяйства машинно-тракторной станции под посев зерновых... (Председатель колхоза. – Р. М.) выделил участок размером

1,62 гектара, который силами самих колхозников был обработан, произведен посев и уборка урожая. Оказалось, что выделенный колхозом участок использован в личных целях директором машинно-тракторной станции... секретарем первичной парторганизации... и другими работниками МТС» [2, л. 136–137]. Приведенные примеры позволяют вести речь о существовании механизма использования колхозной собственности, т.е. наличии системы управленческих отношений, включавшей взаимосвязанную группу руководителей.

В указанный процесс были вовлечены районные и областные чиновники. Например, в той же «Информации» от 25 октября 1946 г. В.Н. Дербинова отмечалось, что «секретарь Бабаевского райкома ВКП(б) по кадрам... злоупотребляя служебным положением, превысил размеры личного приусадебного участка за счет общественной земли колхозов «Красная дубровка», а затем колхоза «Новый путь», где имел посевы 0,1 гектара... старший зоотехник Уломского райзо¹, последнее время исполнявший обязанности заведующего районным земельным отделом... используя свое служебное положение на протяжении всей своей деятельности с 1941 года, допускал злоупотребления и посредством жульнических махинаций присваивал государственное и колхозное имущество...» (Там же, л. 136–139).

В июле 1950 г. секретарь Архангельского обкома ВКП(б) И.С. Латунов направил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову письмо, в котором сообщил о том, что «председатель (Верхне-Тоемского. – *Р. М.*) райисполкома... в 1946 году... без согласия колхозного собрания взял себе в колхозе корову по пониженной цене, которую в 1948 году прирезал, часть мяса сдал в мясопоставки за колхоз им. Павлина Виноградова, за что получил с колхозной фермы лучшую корову. Пользуясь своим служебным положением... в последующем эту корову обменял в подсобном хозяйстве сельпо на более продуктивную. В 1948 и 1949 годах брал в колхозе по пониженным ценам поросят. В 1949 году... незаконно получил в лесхимартели 800 руб. из средств, отпущенных для премирования членов артели...» [3, л. 24].

Анализ отношений руководителей местных предприятий с областными чиновниками приводит к выводу о рентном характере этих отношений по типу «кормлений», когда колхозы и машинно-тракторные станции бесплатно предоставляли продукты питания управленцам областного уровня. Например, в справке, подготовленной в 1946 г. в Вологодском обкоме партии, сообщалось, что «управляющий областной конторой “Тракторосбыт”... управляющий областной конторой “Сельхозснаб”... и главный инженер облзо²... пользуясь служебным положением получали от работников Устюжнской и других МТС продукты – муку, мясо, водку, картофель. Продукты... доставлялись на квартиры и передавались лично им или их родственникам... При беседе в обкоме ВКП(б) все они указанные факты признают и дают свои объяснения». Основной причиной получения продуктов питания от

МТС они называли «тяжелое материальное положение» своих семей [4, л. 59].

Помимо получения продуктов питания, в чиновничьей среде существовала практика изъятия прибавочного продукта в денежной форме. Так, в октябре 1948 г. секретарь Вологодского обкома ВКП(б) В.Н. Дербинов направил секретарю Центрального Комитета ВКП(б) Г.М. Маленкову «Объяснение», в котором признал, что «записка Министра Госконтроля РСФСР тов. Васильева правильно освещает имевшие место факты незаконных поборов денежных средств с государственных и кооперативных организаций партийными, советскими и комсомольскими органами Вологодской области...» [5, л. 113–114].

О масштабах изучаемого процесса в некоторой степени позволяют судить сведения об административном и правовом реагировании на выявленные факты, касающиеся в основном низового чиновничества. Так, в «Информации» в Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) от 25 октября 1946 г. секретарь Вологодского обкома ВКП(б) В.Н. Дербинов отмечал, что «председатель Павлоковского сельсовета Мясинского района... снят с работы и исключен из партии за использование своего служебного положения... Решением общего собрания колхозников колхоза “Луна” Пришекснинского района снят с работы председатель колхоза... за разбазаривание сенокосных угодий, кроме того... незаконно получал продукты для своего личного пользования... Бюро райкома ВКП(б) за нарушение Устава сельскохозяйственной артели и использование служебного положения (директору МТС. – *Р. М.*) ...объявило строгий выговор с занесением в учетную карточку, секретарь парторганизации... снят с работы и ему объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Полученный с участка урожай сдан колхозу...» [2, л. 136–137].

В ноябре 1946 г. секретарь Вологодского обкома ВКП(б) В.Н. Дербинов и председатель Вологодского облисполкома А.М. Лобанов направили письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову и заместителю председателя Совмина СССР А.А. Андрееву «О ходе выполнения постановления Совета Министров СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 19 сентября 1946 года “О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах” по Вологодской области». В этом письме было отмечено, что «сняты с работы 13 председателей колхозов, 7 председателей сельсоветов... За расхищение колхозной собственности осуждены народными судами 39 человек, привлекается к судебной ответственности – 34 члена колхоза, 54 председателя колхоза, 3 председателя сельсовета, предъявлены гражданские иски через суд 22 разным организациям...» [6, л. 5].

В 1946 г. инструктор сельскохозяйственного сектора отдела кадров Архангельского обкома ВКП(б) т. Кочегарова направила секретарю Архангельского обкома партии «Справку о снятии с работы председателей колхозов без санкции обкома ВКП(б) за нарушение Устава с/хоз. артели», в которой сообщила о том, что «по неполным данным, имеющимся от 18 райкомов ВКП(б) снято с работы председателей колхозов без санкции обкома ВКП(б) за нарушение устава с/х артели 35 человек, в том числе отдано под суд 33 чел.,

¹ Райзо – земельный отдел исполкома районного Совета депутатов трудящихся.

² Облзо – земельный отдел исполкома областного Совета депутатов трудящихся.

из них 20 чел. осуждены на разные сроки». Наказание последовало за присвоение хлеба, денег для своих нужд, продажу скота «разным лицам без санкции общего собрания колхозников», пользование двумя приусадебными участками, «за взятие из колхоза по заниженным ценам» хлеба [7, л. 31]. Приведенные цифровые данные о наказании управленцев показывают лишь не большой масштаб явления, так как значительная часть фактов была не выявлена или не обнародована.

Из приведенных сведений следует, что председатели колхозов являлись основным объектом юридического воздействия, низовой и наиболее уязвимой с правовой точки зрения группой чиновников. Результатом этого стала частая сменяемость данных руководителей. В марте 1947 г. заведующий сектором учета кадров Архангельского обкома ВКП(б) т. Железников подготовил «Справку о сменяемости председателей колхозов Архангельской области за 1944–1945–1946 годы», в которой привел следующие сведения: «Всего колхозов (в 26 районах, в Ненецком округе, г. Архангельске): 1944 г. – 1801, 1945 г. – 1873, 1946 г. – 1893. Всего сменилось председателей: 1944 г. – 426, 1945 г. – 523, 1946 г. – 614» [8, л. 11]. Следовательно, в Архангельской области в 1944 г. сменилось 24% председателей колхозов, в 1945 г. – 28%, в 1946 – 32%. Таким образом, после Великой Отечественной войны возросла текучесть кадров руководителей сельскохозяйственных предприятий.

В ряде ситуаций районные руководители не спешили с наказанием низовых руководителей за указанные действия. Так, в справке уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Вологодской области И. Королева от 30 октября 1946 г. было отмечено, что «подавляющее большинство... фактов грубого нарушения Устава сельхозартели Верховажский райком ВКП(б) знал еще по материалам нашей прошлой проверки... Бюро Вологодского обкома ВКП(б) постановлением от 10 сентября сего года обязывало его немедленно и решительно устранить вскрытые недостатки и улучшить руководство колхозами, однако Верховажский райком ВКП(б) до сих пор по-настоящему не разобрался в фактах нарушения Устава и должных большевистских мер к ликвидации их не принял» [9, л. 97]. В докладной записке секретаря Шенкурского райкома ВКП(б) т. Кичева от 29 декабря 1946 г. сообщалось, что «о неправильных взаимоотношениях» директора Шенкурского леспромпхоза «с колхозами я неоднократно говорил секретарю РК ВКП(б)... и все безрезультатно... Без вмешательства областного комитета партии нам этого вопроса на месте не разрешить» [10, л. 56 об.–57]. В июле 1950 г. секретарь Архангельского обкома ВКП(б) И.С. Латунов направил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову письмо, в котором сообщил о том, что «областным комитетом ВКП(б) вскрыто большое количество фактов нарушения устава сельскохозяйственной артели и расхищения колхозной собственности в колхозах Верхне-Тоемского района» и отсутствие противодействия этому со стороны председателя райисполкома [3, л. 24]. Следовательно, районное руководство не всегда проявляло критическую реакцию по поводу нарушений Устава сельхозартели. Ви-

димо, ряд чиновников не считал отмеченные факты, требующими наказания. Вероятно, эти управленцы сами были прямо или косвенно вовлечены в процесс использования собственности.

Вместе с тем, районные чиновники подвергались наказанию за участие в изучаемых экономических отношениях. Так, в «Информации» в Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) от 25 октября 1946 г. секретарь Вологодского обкома ВКП(б) В.Н. Дербинов указывал, что «постановлением бюро обкома ВКП(б) 3 октября 1946 г. ... (секретарь Бабаевского райкома ВКП(б) по кадрам. – *Р. М.*) с работы... снят и ему объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Земельный участок в размере 0,1 гектара вместе с урожаем картофеля возвращен колхозу... Уломский райком ВКП(б)... снял (исполнявшего обязанности заведующего районным земельным отделом. – *Р. М.*) с работы и исключил из партии. Материал о привлечении его к уголовной ответственности направлен прокурору» [2, л. 136–139].

В указанном письме В.Н. Дербинова и А.М. Лобанова от 1 ноября 1946 г. сообщалось, что «снят с работы председатель Междуреченского райисполкома... За поборничество в колхозах привлекаются к ответственности бывший зав. Вологодским райзо... зав. Сокольским райзо... снятый с работы работник Междуреченского райуполминзага... Проверяется материал на бывшего председателя Лежского райисполкома... В облисполкоме и обкоме ВКП(б) установлен систематический контроль за выполнением постановления...» [6, л. 5].

В октябре 1948 г. секретарь Вологодского обкома ВКП(б) В.Н. Дербинов направил секретарю Центрального Комитета ВКП(б) Г.М. Маленкову «Объяснение», в котором отметил, что «Сокольскому ГК ВКП(б) и Вологодскому обкому ВЛКСМ предложено обсудить факты незаконных поборов денежных средств, допущенных работниками Сокольского горисполкома и комсомольских комитетов гг. Вологды и Череповца. По указанию обкома Вологодский горком ВКП(б)... осудил действия бывших первых секретарей райкомов г. Вологды и бывшего председателя Октябрьского райисполкома, занимавшихся поборами денежных средств с государственных и кооперативных организаций... На основе полученных с мест сигналов обком ВКП(б) одновременно принял постановление об имевших место фактах незаконных поборов продуктов и денежных средств с колхозов» [5, л. 113–114].

В июле 1950 г. в письме секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову секретарь Архангельского обкома ВКП(б) И.С. Латунов сообщил о том, что председатель Верхне-Тоемского райисполкома «лично сам систематически нарушал Устав сельскохозяйственной артели... Решением бюро обкома ВКП(б) от 29 июня 1950 года... за нарушение устава сельскохозяйственной артели и пьянство снят с поста председателя исполкома Верхне-Тоемского районного Совета депутатов трудящихся и исключен из членов ВКП(б)» [3, л. 24].

Таким образом, областные чиновники принимали жесткие кадровые решения в отношении районных руководителей и более сурово наказывали нарушителей Устава сельхозартели. Видимо, причина этого

была в том, что ответственные работники региональных органов власти представляли управленческую группу, в меньшей степени связанную финансово-хозяйственными отношениями с низовыми предприятиями, зависимую от центральной власти и реализующую право собственности в основном менее прямолинейным образом.

В данной статье представлен ряд наблюдений, позволяющий изучать процесс формирования капитализированных отношений в Советском государстве второй половины 1940-х гг. Представители низовой (сельской и районной) группы чиновничества обладали разделенным правом собственности на средства производства, результаты сельскохозяйственного труда и распоряжались ими как коллективной собственностью. В изучаемый период в Советской России товарно-денежные отношения сосуществовали с натурально-продуктовыми связями. Вместе с тем, формирование элементов, характерных для капитализи-

рованного социума, неуклонно становилось важнейшим направлением социально-экономической политики государства.

Литература и источники

1. Безнин, М. А. Экономический строй России 1950–1980-х годов : монография / М. А. Безнин, Т. М. Димони, К. А. Гулин. – Вологда : ВоГУ, 2021. – 256 с.
2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 8. Д. 63.
3. Государственный архив Архангельской области. Отдел социально-политической истории (ГАОО. ОСПИ). Ф. 296. Оп. 2. Д. 895.
4. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 8. Д. 116.
5. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 11. Д. 59.
6. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 8. Д. 64.
7. ГАОО. ОСПИ. Ф. 296. Оп. 2. Д. 138.
8. ГАОО. ОСПИ. Ф. 296. Оп. 2. Д. 380.
9. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 8. Д. 66.
10. ГАОО. ОСПИ. Ф. 296. Оп. 2. Д. 80.

R.A. Malakhov

GOVERNMENT OFFICIALS' DEVIDED OWNERSHIP IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 1940s

The conceptual basis of the article is the approach to the economic structure of the Soviet state as a capitalized system. The objective of the article is to study the participation of the bureaucracy in the divided property right implementation. The characteristic actions of the grassroots (rural and district) social professional management group have been studied. The regional bureaucracy include responsible officials, enterprises and organizations of the rural, district and regional levels.

The study of the local officials' reaction to violations of the Ustav selskokhozyaystvennoy arteli (Regulations for Collective Farms) in collective farms makes it possible to determine the officials' perception of these facts and their attitude to the process of withdrawing surplus and necessary product, to establish the degree of involvement of responsible employees of district authorities, institutions and organizations in these processes.

The study reveals that the executives of various organizations disposed of the results of production and the property of agricultural enterprises, used collective farm property. In this process, the divided property right of local officials to the means and results of rural production was carried out.

Mashinno-traktornaya stantsiya / machine tractor station; kolkhoz / collective farm; divided ownership; rayispolkom / district executive committee; raykom VKP(b) / district Party committee of the All-Union Communist Party; selsovet / village council ; Ustav selskokhozyaystvennoy arteli / Regulations for Collective Farms; bureaucracy.

А.А. Малыгина

Институт российской истории Российской академии наук, Москва

ВЕРИТЕЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ В РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1553–1583)

В данной статье рассматривается дипломатический обмен верительными грамотами между Англией и Московским государством в начальный период русско-английских отношений. Также приводятся несколько примеров английских верительных грамот в другие государства. Это позволяет выявить различия и сходства дипломатической практики двух стран. Установлено, что Москва в качестве партнера Лондона на политической арене была таким же контрагентом, как и любое другое европейское государство. Для Англии Московское государство не являлось особым случаем партнерства, в дипломатических отношениях с ним не учитывалась местная специфика.

Иван IV, Елизавета I, русско-английские отношения, верительные грамоты, дипломатия.

Любую дипломатическую миссию сопровождает целый комплекс документов, который обеспечивает ее продвижение, полномочия и статус. В этот «пакет» входят и верительные (верющие) грамоты. Согласно определениям дипломатической терминологии, верительные грамоты являются «документом, удостоверяющим представительный характер дипломатического представителя и аккредитующим его в этом качестве в иностранном государстве» [1, с. 191]. Подобный документ прочно вошел в дипломатическую практику Московского государства. Верительные грамоты использовали и европейские страны, в том числе английское королевство.

Русско-английские отношения периода правления Ивана IV Грозного оставили нам не только саму переписку царя с английскими монархами, но и несколько верительных грамот, как с английской, так и с нашей стороны. В данной работе будут рассмотрены английские верительные грамоты к царю Ивану IV, которые предстоит сравнить с подобными документами к другим европейским монархам и московскими верительными грамотами. Это позволит выявить сходства или различия в составе документов и выяснить, насколько отличалась практика использования верительных грамот в Москве и Лондоне.

В английской историографии авторы не раз обращались к теме верительных грамот. Так, в монографии Рэйн Эллинсон отдельная глава посвящена дипломатической переписке королевы Елизаветы I и царя Ивана IV [2, р. 111–129]. Автор уделяет много внимания не только посланиям, но и верительным грамотам, о которых упоминается повсеместно. В книге, охватывающей взаимоотношения с основными европейскими державами, есть информация как о публикациях верительных грамот, так и о том, какие миссии они сопровождали [3, р. 113, 117, 128]. В недавней коллективной монографии «Иностранная переписка Елизаветы I» подробно описана верительная грамота английского посла Джерома Бауса 1583 г. [4, р. 219]

В приведенных публикациях верительные грамоты упоминаются в связи с другими вопросами и предметом специального анализа не были. В отечественных публикациях верительные грамоты характеризуются кратко, ввиду их типологической схожести и также глубокому анализу не подвергались [5].

Образцом верительной грамоты в русско-английских отношениях периода правления Ивана IV являются два сохранившихся документа: грамоты А.Г. Совина 1569–1570 гг. и из посольства Ф.А. Писемского и Н. Ховралева 1582–1583 гг. [6, ф. 1]. Двух документов вполне достаточно для сравнения, потому что верительные (верющие) грамоты московские, в отличие от английских, имели строгий и неизменный формуляр. Состав документа был следующим: от великого государя, царя, князя (полный титул), к королю (королеве) (полный титул), кто отправляется в посольство, его имя и статус. Далее просьба верить. В грамоте Совина: «И что они (посол А.Г. Совин и дьяк С. Севастьянов. – А. М.) от нас учнут тебе сестре н[аше]й говорить, и ты бы им вѣрила – то есть наши рѣчи». В грамоте Писемского: «И что тебѣ от нас сестрѣ нашей посол наш Федор Писемской и подячей Епифане[й] Неудача учнут говорить, и ты б им вѣрила – то есть наши рѣчи». В эсхатоколе указывалось место, где писалась грамота и дата [7, с. 11]. Заверялся документ большой государственной печатью. Верящую грамоту передавал глава посольства [8, с. 13].

Некоторые из интересующих нас английских верительных грамот Ивану IV впервые были опубликованы в издании Ричарда Хаклюйта [9]. Этот сборник содержит не только документы, связанные с русско-английскими отношениями, но и описывает другие «путешествия английской нации» в XVI в.

Из многочисленного наследия русско-английской переписки на ее начальном этапе (1553–1583 гг.) удастся обнаружить четыре верительных грамоты. Первая грамота относится ко второй миссии Энтони Дженкинсона в 1561 г. [10, л. 1]. Две других – к его четвертой миссии 1571–1572 гг. [11, р. 426–428]. По-

следняя – к посольству Джерома Бауса 1583–1584 гг. [12, л. 1–2].

Ни одна из английских верительных грамот строго не соответствует приведенному в начале данной работы ее определению и стандарту грамот московских, но, тем не менее, выполняет их функции. Первый подобный пример – послание к Ивану IV от 25 апреля 1561 г. Эта миссия была для Энтони Дженкинсона второй и состоялась в 1561–1564 гг. в правление Елизаветы I Тюдор. Состав документа: от королевы (полный титул) к царю (полный титул), приветствие. Далее: преамбула (преемственность отношений, начатых при короле Эдуарде VI), после – изложение обстоятельств миссии Дженкинсона. В конце грамоты – место, дата и субскрипция рукой королевы.

С одной стороны, Елизавета Тюдор обозначает себя в качестве преемника предыдущих монархов, а с другой – представляет своего специального посланника (*special envoy*) и просит оказать ему всяческое содействие в дальнейших путешествиях и торговле. В тексте грамоты королева просит снабдить английского дипломата и путешественника всеми необходимыми документами для проезда в Персию к «Великому Софию». В том числе и верительными грамотами. «Софием» в данном случае именуется второй шах династии Сефевидов Тахмасп I (1514–1576).

Печать грамоты не сохранилась, однако в нижней части листа видны прорези для шнурков, на которые она могла быть привешена. Также Дженкинсон вез с собой грамоту к шаху от Елизаветы.

В послании королевы к царю содержится масса информации. Она представляет не только своего посланника, но и себя. А также просит покровительства для осуществления другой посольской миссии. Подобное представление дипломата, вероятно, было типичным для английского внешнеполитического ведомства.

В последний визит в Москву Дженкинсон был уже официальным послом английского королевства в России [13, р. 416]. Этот визит англичанина 1571–1572 гг. пришелся на крайне сложный период во взаимоотношениях России и Англии и трудные внешние обстоятельства. Речь идет о нашествии Девлет-Гирея и пожаре в Москве в 1571 г., а также лишении англичан торговых привилегий годом ранее. Отправка посла в Москву была хитрым ходом, Дженкинсон, хорошо известный Ивану Васильевичу и уже заслуживший его расположение, мог повлиять на возврат привилегий английским купцам.

Важно сказать, что в «пакете» миссии Дженкинсона было четыре письма: три – датированы 2 июня, одно – 15/16 июня [14, f. 43+v]. Одно из писем от 2 июня [15, f. 37] отправили заранее, вероятно, в день написания, а получили не позднее 9 августа, о чем свидетельствует послание Ивана IV от августа 1571 г. [16, f. 1] Царь сообщает, что еще не принял Дженкинсона, однако уже слышал о его прибытии на территорию России. Отправленное заранее письмо от 2 июня было так называемым «представлением» (*letter of introduction*), как считал Г. Хаттенбах [17, р. 426, f. 37]. По своей форме и содержанию оно близко к типу «верительной грамоты», подобной тем, что были нормой для московских дипломатических миссий. Парадокс заключается в том, что свою основную функцию –

удостоверять и аккредитировать дипломата – письмо не выполняет. Ведь Дженкинсон приехал позже, уже после прочтения его царем Иваном IV.

Грамота (*letter of introduction*) начинается с представления адресанта (королевы), далее – адресат (царь), потом преамбула с упоминанием имени человека, доставившего предыдущее послание царя от 24 октября 1570 г. – Дэниэла Сильвестра. Основной текст содержит информацию о после и причинах, побудивших королеву отправить его в Москву. В основной части нет прямого указания «верить» дипломату – оно завуалировано. Но королева указывает, что ее представитель хорошо знаком Ивану Васильевичу и с ним можно обсуждать даже секретные дела.

Остальные три послания Дженкинсон вручил лично уже в 1572 г., в том числе вторую верительную грамоту от 15/16 июня (*letter of accreditation*). При сравнении «представления» и «аккредитации» становится очевидным близкое сходство их текстов. Лишь некоторые фразы отличаются и английский посол в первом случае назван Джоном, а не Энтони. Однако их смысл разнится.

В составе грамоты (*letter of accreditation*) мы видим в начале от кого она (от королевы), затем к кому (к царю). Далее преамбула, в которой указана причина написания послания, потом основная часть. В завершении текста: «[грамота] дана и т.д.». То есть, в списке нет полной информации относительно места и даты послания. Какой печатью была скреплена грамота – неясно. В самом тексте упоминаний нет ни об этом, ни о подписи королевы – была ли это сигнатура или субскрипция.

Обращаясь к содержанию аккредитационного письма от 15/16 июня 1571 г., мы видим, что Елизавета I уведомляет Ивана IV о получении его послания от 24 октября 1570 г. и решении направить к нему с ответом Энтони Дженкинсона «по многим причинам». Она поясняет, что ее ответ не будет правильно понят без объяснений посла. Дженкинсон здесь, потому что предан королеве и уже заслужил доверие царя. А посему никто другой не сможет быть столь полезным в этом деле. Тем более, он в курсе тех дел, которые обсуждались ранее с послом Совиным в 1569–1570 гг. Королева просит отнестись к своему послу по доброму и с честью.

В этой миссии перед английским послом стояла нелегкая задача. Наступивший годом ранее кризис в русско-английских отношениях мог затянуться. Дженкинсон, с одной стороны, должен был восстановить торговые привилегии Московской компании, а с другой – создать у Ивана IV иллюзию, что военный союз с Англией может быть заключен, хотя, конечно, это было исключено. В первом письме-представлении цель миссии Дженкинсона указана довольно расплывчато, однако есть намеки на «некий тайный союз» или лигу. В письме-аккредитации, цели уже более прозрачны, упоминается русский посол Совин, с которым обсуждались вопросы тайного союза. Английскому послу было разрешено обещать все что угодно, но ни в коем случае не фиксировать это на бумаге [18, р. 422–423].

Таким образом, письмо-аккредитация от 2 июня 1571 г. по своему составу более похоже на послание,

нежели на верительную грамоту, как это было и в предыдущем примере с миссией Дженкинсона в 1561 г. В ней «сплетены» не только представительские функции, но и детали миссии посла, что не соответствует определению «верительной грамоты».

Посольство 1571–1572 гг. было особенно сложным ввиду различных обстоятельств. Возможно, поэтому было принято решение разделить документацию и в том числе написать две верительных грамоты, которые отправлялись поочередно, как бы подготавливая Ивана IV к «правильному» восприятию позиции Лондона. Одна из них, как указано выше, пришла еще до того, как прибыл посланник, а вторая вручена им лично.

Следующая сохранившаяся верительная грамота русско-английской переписки относится к 80-м гг. XVI столетия. Джером Баус приехал в Россию в 1583 г., сопровождая русских послов Ф.А. Писемского и Н. Ховралева. Баус путешествовал в ранге полномочного посла и привез королевскую грамоту. По составу грамота Бауса начинается с полного титула королевы, далее – полный титул царя и приветствие, после – преамбула с представлением посла. Из основного текста следует, что Елизавета I отправляет ответное посольство в Москву для переговоров. Ее представитель Джером Баус – «дворянин ближней и добрый о нас полюблен» [19, № 1, л. 142–144]. Далее речь идет о враче Роберте Якове, которого королева просит отпустить домой в Англию. В эсхатоколе послания: дата и место создания грамоты, благопожелание царю и сигнатура королевы.

В этом послании мы вновь видим несоответствие документа требованиям верительной грамоты. В тексте соединяется реализация различных целей, а не только функция представления и аккредитации английского посла.

На примерах посланий, отправленных в Москву с английской стороны, очевидно, что ни одной грамоты, строго соответствующей стандарту верительных, нет. Как по сравнению с подобными грамотами московскими, так и по определению современного Дипломатического словаря. Чтобы понять, являлась ли такая практика в Англии стандартной для стран, с которыми поддерживались дипломатические отношения, следует рассмотреть и другие примеры подобных документов, которые также будут представлены в хронологическом порядке.

Для Англии были крайне важны отношения с шотландским королевством. Английский дипломат Ральф Сэдлер, находившийся в опале, при Елизавете Тюдор был восстановлен в королевской милости и в 1559 г. отправился в Шотландию для заключения союза с местными протестантами. Послу была выдана верительная грамота от 7 сентября [20, f. 24v–25v]. Она обращена к Марии де Гиз, вдовствующей королеве Шотландии. Письмо начинается с обращения к адресату (без титула), адресант не представлен. Далее изложены обстоятельства дела, обсуждаемого в тексте. В нем также содержатся уверения в дружбе и «сестринской любви». Имя Сэдлера упоминается уже почти в конце грамоты, которая была скреплена «великой печатью». Дипломат назван «экспертом в иностранных делах», что неудивительно. Сэдлер не раз

приезжал в Шотландию при предшественниках Елизаветы Тюдор и был опытным переговорщиком. Список обрывается на полуслове, даты и места создания нет.

В самом письме Марии де Гиз содержится много дополнительной информации, что позволяет говорить о том, что послание выполняет несколько функций, в том числе и верительной грамоты. Такая характеристика – «верительная грамота» – в данном случае вновь наводит на мысль, что подобный состав документа был типичен для английской дипломатии.

На полях списка документа дана запись другим почерком, она начинается со слов «This is a letter of credence», т.е. «это – верительная грамота». Запись, с большой долей вероятности, современна самому списку. Это подтверждается сходной орфографией в написании некоторых слов и их стилистикой, построением предложений. Например, как в самом списке, так и записи на полях слово «ioyn» (в контексте грамоты – присоединение к посольской миссии) написано одинаково.

Слово «credence» в значении «вера» встречается в одном из первых словарей английского языка «Table Alphabeticall», выпущенном Робертом Коудри в 1604 г. [21]. В трех изданиях «Principal Navigations...» Ричарда Хаклюйта 1599, 1809 и 1903 гг. в документах, связанных с посольством Тевтонского ордена к Ричарду II в 1388 г., дважды употребляется слово «credence» [22, р. 12]. Магистр ордена Конрад Зольнер фон Ротенштайн рассчитывал на военную поддержку англичан. Его послы везут с собой «верительные грамоты» (letters of credence). То есть само слово «credence» в значении «веры послам», имеющим с собой соответствующие документы, употреблялось в Англии еще в XIV в. В записках Джерома Горсея встречается другой вариант обозначения верительных грамот (русских послов Писемского и Ховралева в 1582 г.) – «letters comendatory» [23, р. 196, 237]. Слово «comendatory» согласно словарю Джонсона определяется как «благоприятно представленный, содержащий похвалу» [24, р. 52]. Таким образом, смысл определения Горсея достаточно близок к слову «credence».

Позднее, в 1730 г., в «Dictionarium Britannicum» появляется слово «credentials», обозначающее «аккредитивы или рекомендательные письма, особенно для предоставления полномочий послу, полномочному представителю» [25, р. 200].

Продолжая тему Шотландии, приведем другой пример верительной грамоты в королевство из Англии. Генри Килигрю был английским дипломатом, несколько раз участвовал в переговорах с Шотландией. Верительная грамота данная ему датирована 14 июня 1575 г. [26, 228. f. 524]. Оригинал документа начинается с обращения к адресату (без титула), имени и титула адресанта нет, далее изложение обстоятельств дела с упоминанием имени английского посланника. В эсхатоколе документа – дата и место создания, после – благопожелание королевы и сигнатура.

Елизавета Тюдор обращается к регенту Джеймсу Дугласу, графу Мортону, называет его «кузеном» ввиду более низкого статуса властных полномочий. Генри Килигрю назван «слугой» и никак иначе, который доставит резолюцию королевы с отказом заклю-

чить вечный союз с Шотландией, назначить выплаты регенту и лордам и опекать королеву Марию Стюарт. В тексте прописано, что грамота скреплена «печаткой» (личной печатью монарха – *signet*). Важно отметить, что оригинал документа, видимо, так и не был отправлен. Следов печати на нем нет. В этом случае Килигрю передает документы от своей королевы, его полномочия четко очерчены. Он предстает в качестве посланца, выражающего волю монарха.

Верительные грамоты на континент были сходны по своей форме с предыдущими примерами и тоже не подходят в полной мере под определение. Джон Герберт был валлийским юристом, дипломатом, членом палаты общин, принимал участие в торговых переговорах с Речью Посполитой в 1583–84 гг. в качестве посла королевы. Его верительная грамота датирована 6 июля 1583 г. [27, f. 41] Состав документа: от королевы (без титула – *etc.*) к королю (также без титула), далее преамбула, после – изложение обстоятельств дела с упоминанием города Эльбинга. Затем следуют имена послов королевы, описание их миссии и в конце – дата, место и благопожелание королевы без подписи (перед нами список).

Королева обращается к Стефану Баторию, представляет своих послов Джона Герберта и Уильяма Салкинса. Последний ранее был там с посольством в 1581 г. [28, p. 177–178]. Речь в грамоте идет о торговле, о привилегии так называемой Эстляндской компании в Эльблонге (нем. Эльбинг), которая была основана в 1579 г.

Форма списка грамоты сходна с другими вышеуказанными примерами. Что вновь подтверждает наличие у англичан единой дипломатической практики по отношению к европейским державам, в список которых входило и Московское государство. По содержанию грамота близка к тексту подобных документов миссии Дженкинсона 1571–1572 гг., также речь идет о торговых делах, далее представляются послы, которые смогут уладить все вопросы, разъяснить позицию королевы. Какой была печать – в тексте не упоминается. Кроме верительной грамоты конволют содержит и списки других документов миссии Джона Герберта.

Далее приведем пример грамоты в одну из стран – соседей английского королевства. Джон Норрис был английским военным, принимал участие в религиозных войнах во Франции, Фландрии, в войне за независимость Нидерландов, Англо-Испанской войне и завоевании Ирландии. Его верительная грамота датирована 6 января 1591 г. [29, f. 198r-199v]. В начале документа – адресат (Генеральные Штаты) без упоминания адресанта, далее речь идет о послых королевы и изложение основных обстоятельств. В эсхатоколе – место и дата создания документа. О печати в тексте упоминаний нет.

Королева обращается к Генеральным Штатам Нидерландов за помощью, чтобы сокрушить общего врага – короля Испании, то есть она предлагает заключить военный союз, дабы поддержать короля Франции. Дает грамоту Джону Норрису и Томасу Бодли (основатель Бодлианской библиотеки в Оксфорде) со всеми полномочиями для заключения союза. Джон Норрис представлен как человек больших заслуг перед этой страной, оказавший «выдающиеся услуги».

Бодли – верный слуга и советник. В этом случае грамота также носит представительский характер, аккредитуя послов королевы, но в то же время содержит информацию с предложением военного союза.

Остановимся также на вопросе о том, какими языками пользовались в Англии для дипломатических целей? В том числе при создании верительных грамот? В перечисленных примерах мы видим достаточное разнообразие – три языка (латинский, английский и французский).

Латинский язык был одним из основных в XVI в. и позиция латинского делопроизводителя английского королевского секретариата имела большое значение. Один из латинских секретарей, сэр Джон Уолли в 1593–1596 гг. делил должность главного секретаря с Робертом Сесилом. Подпись латинского секретаря часто встречается на грамотах того времени в левом нижнем углу листа [30, p. 27].

Вторым по значимости был французский язык. Это связано с памятью о норманнском завоевании. Так, лишь в правление Генриха V английский язык становится государственным [31]. Еще одним популярным языком был итальянский. Как ни парадоксально, родной язык был последним из языков английской дипломатии.

В английской дипломатической практике в начальный период русско-английских связей на родном – английском языке писали только в Шотландию. Это касается не только верительных грамот, но и собственно посланий. Правда, есть одно исключение: в правление Марии I и Елизаветы I сохранилось по одному посланию от каждой королевы на английском языке к Ивану IV. К верительным грамотам это положение не относится.

В остальных же случаях английская дипломатия пользовалась языками, понятными для их контрагентов. Как указано выше, это мог быть французский, итальянский языки для стран Западной Европы или, когда дело касалось стран Восточной Европы, таких как Московское государство и Речь Посполитая, – то предпочитали язык международного общения – латынь.

Также нам кажется важным остановиться на вопросе печатей. В трех верительных грамотах есть прямое указание, какой была печать. Грамоты Джерома Бауса и Ральфа Сэдлера скреплены «великой» или Большой государственной печатью (*Great seal*). А грамота Генри Килигрю – «печаткой» или Личной печатью монарха (*Signet*). Может показаться, что «великая» печать могла скреплять верительные грамоты тех дипломатов, кто ехал впервые, как в случае с Баусом. Однако Сэдлер, как указано выше, бывал в Шотландии ранее и хорошо себя зарекомендовал. А грамота Килигрю скреплена «печаткой». Таким образом, здесь представлены два варианта печатей английского королевства, и мы не можем сделать однозначного вывода о принципе их использования.

Как известно, никакие документы, в том числе дипломатические, московские правители XV–XVII вв. не подписывали. Для удостоверения подлинности документа (грамоты) достаточно было печати. В западноевропейских странах было скорее наоборот. Большее значение имела как раз собственноручная

подпись монарха, в частности королевы Елизаветы Тюдор или ее предшественников. Печать была своего рода символом статуса правителя и дополняла его подпись [32, с. 275]. Т.е. королева могла использовать Большую государственную печать (Great seal) или Малую государственную печать (Privy seal) и даже Личную печать (Signet).

Описывая и анализируя верительные грамоты, мы опирались на определение отечественного Дипломатического словаря. Но так ли оно универсально? Как соотносятся эти определения в русском и английском языках? Как описано выше, слово «credence» в отношении документов, используемых в качестве верительных грамот, употреблялось в Англии как минимум с XIV в. Однако важно отметить, что речь идет об обозначении грамот контрагентов.

Среди приведенных примеров английских верительных грамот в XVI в. выделяется послание Елизаветы Тюдор к Марии де Гиз. Как уже было сказано, собственно письмо в записи на полях именуется «a letter of credence», то есть – верительная грамота.

Таким образом, мы видим значительные отличия в практике составления верительных грамот в Московском государстве и Англии. В Московском государстве это был краткий документ с устоявшейся формулой, составленный на родном языке и заверенный государственной печатью. В Англии в рассматриваемый период верительные грамоты не имели строгого формуляра, содержали дополнительную информацию о дипломатических миссиях, выбор языка зависел от особенностей каждой конкретной миссии. Грамоты скреплялись различными печатями и удостоверялись подписью правителя.

Очевидно, что англичане не могли не заметить этих различий, но не посчитали необходимым как-то реагировать на специфику московской дипломатической практики. Мы приходим к выводу о том, что Московское государство для Англии было одним из многих дипломатических партнеров, аналогичным любой другой европейской стране. Составляемые для отправки в Москву верительные грамоты по своей форме ничем не отличаются от подобных документов в другие страны, что говорит о наличии единого стандарта для европейских контрагентов. Англичане, вероятно, не видели смысла учитывать местную специфику и московский посольский обычай.

Все вышеописанные документы, несмотря на разницу дипломатических практик двух стран – Московского государства и Англии, выполняли свои функции в качестве верительных грамот в полной мере.

Литература

1. Дипломатический словарь : в 3 томах. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1985. – С. 191.
2. Allinson, R. A Monarchy of Letters. Royal Correspondence and English Diplomacy in the Reign of Elizabeth I / R. Allinson. – New York, 2012. – P. 111–129.
3. Ibid. P. 113, 117, 128.
4. Bajetta, C. Elizabeth I's Foreign Correspondence / C. Bajetta, G. Coatalen, J. Gibson. – New York, 2014. – P. 219.
5. Сергеев, Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. / Ф. П. Сергеев. – Кишинев, 1971; Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / составитель

Н. М. Рогожин. – Москва, 1990 ; Рогожин, Н. М. У государевых дел быть указано / Н. М. Рогожин. – Москва, 2002.

6. Лондон. National Archives. Public Record Office. EXT 9/54 (рус.); Лондон. The National Archives. SP 102/49/2 (рус.).

7. Обзор посольских книг из фондов коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / составитель Н. М. Рогожин. – Москва, 1990. – С. 11.

8. Там же, с. 13.

9. Hakluyt R. The Principall Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation: Made by Sea or Over Land to the Most Remote and Farthest Distant Quarters of the Earth at Any Time within the Compasse of These 1500 Years: Divided into Three Several Parts According to the Positions of the Regions Whereunto They Were Directed; the First Containing the Personall Travels of the English unto Indæa, Syria, Arabia... the Second, Comprehending the Worthy Discoveries of the English Towards the North and Northeast by Sea, as of Lapland... the Third and Last, Including the English Valiant Attempts in Searching Almost all the Corners of the Vaste and New World of America... Whereunto is Added the Last Most Renowned English Navigation Round About the Whole Globe of the Earth. London: Imprinted by George Bishop and Ralph Newberie, deputies to Christopher Barker, printer to the Queen's Most Excellent Majestie. 1589. Tomus II. Folio.

10. Ibid. P. 359–361. Москва. РГАДА. Ф. 35. Оп. 2. № 2. Оригинал (лат.).

11. Huttenbach H.R. The Search for and Discovery of New Archival Materials for Ambassador Jenkinson's Mission to Muscovy in 1571–72: Four Letters by Queen Elizabeth I to Tsar Ivan IV // Canadian-American Slavic Studies. – 1972. – Vol. 6, № 3. – P. 426–428.

12. Hakluyt 1589. P. 489–490. Москва. РГАДА. Ф. 35. Оп. 2. № 4. Оригинал, 2 л. (лат.).

13. Huttenbach, 1972. – P. 416.

14. Кембридж. Cambridge University Library. The Department of Manuscripts and University Archives. Dd. 3.20, f. 43r+v (лат.). Список.

15. Кембридж. Cambridge University Library. The Department of Manuscripts and University Archives. Dd. 3.20, f. 37 (лат.). Список.

16. Huttenbach 1972. P. 418; Лондон. The National Archives. Public Record Office. EXT 11/90.

17. Huttenbach 1972. P. 426; Кембридж. Cambridge University Library. The Department of Manuscripts and University Archives. Dd. 3. 20. F. 37. (лат.). Список.

18. Huttenbach, 1972. – P. 422–423.

19. РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 1. Л. 142–144. Копия XVI в.

20. Лондон. British Library. Cotton MS Caligula BX/1 ff. 24v–25v. (англ.) Список.

21. Cawdrey R. A Table Alphabeticall, conteyning and teaching the true writing, and vnderstanding of hard vsuall English wordes, borrowed from the Hebrew, Greeke, Latine, or French, &c. With the interpretation thereof by plaine English words, gathered for the benefit & helpe of Ladies, Gentlewomen, or any other vnskilfull persons. Whereby they may the more easilie and better vnderstand many hard English wordes, which they shall heare or read in Scriptures, Sermons, or elsewhere, and also be made able to vse the same aptly themselves. – London. 1604. – URL: <https://leme.library.utoronto.ca/lexicons/276/details#details> (10.11.2022). – Text : Electronic.

22. Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, in Five Volumes. London 1599. Vol. I. P. 162, 165; Hakluyt R. The Principall Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. London 1809. Vol. I. P. 162, 165; Hakluyt R. The Principal navigations, voyages, traffiques& discoveries of the English nation made by sea or over-land to the remote and farthest distant quarters of the earth at any time within the compasse of these 1600 yeeres. Glasgow. 1903. Vol. II P. 12.

23. Bond, E. A. *Russia at the Close of the Sixteenth Century comprising the Treatise Of the Russe Common Wealth and the Travels of Sir Jerome Horsey*, now for the first time printed entire from his own Manuscript / ed. By E. A. Bond. – London, 1856. – P. 196, 237.

24. Johnson, S. *Dictionary of the English language* / S. Johnson. – London, W. Pickering, 1828. – P. 52.

25. Bailey, N. *Dictionarium Britannicum: or a more compleat universal etymological English dictionary than any extant...* Collected by several hands, the mathematical part by G. Gordon, the botanical by P. Miller / N. Bailey. – London, 1730. – P. 200.

26. Лондон. British Library. Cotton MS Caligula C III 481. 228. F. 524. (англ.) Оригинал.

27. Лондон. British Library. Cotton MS Galba D XII. F. 41 r. (лат.). Список.

28. Szelagowski, A., & Gras, N. S. B. (1912). *The Eastland Company in Prussia, 1579–1585*. *Transactions of the Royal Historical Society*, 6, 163–184. <https://doi.org/10.2307/3678245>. P. 177–178.

29. Лондон. British Library. Harley MS 287 ff. 198r–199v. (фр.). Список.

30. Allinson, 2012. – P. 27.

31. Ibid.

32. Юзефович, Л. А. *Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал* / Л. А. Юзефович. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 275.

A.A. Malygina

LETTERS OF CREDENCE IN DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND ENGLAND (1553–1583)

The study analyzes diplomatic exchange of letters of credence between England and Muscovy in the early period of their relations. Several English letters of credence to other countries are also considered. It allows to compare and contrast diplomatic practice of both countries. It is determined that Moscow as London's political partner was one of the European countries counterparties. England did not consider Muscovy as a special type of partnership. In diplomatic relations with it London did not take into account local peculiarities.

Ivan IV, Elizabeth I, Russian-English relations, letters of credence, diplomacy.

С.А. Попов
Институт языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра
«Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

КРИТЕРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ВОЛОСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ КОНЦА XVIII – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

*Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России»
(№ государственного учета 122040800166-0)*

Анализируются критерии образования волостей в государственной деревне в период с 1797 по 1866 гг. на основе сопоставления нормативных актов, определявших начало нового этапа в развитии волостной организации: 1) доклад Экспедиции государственного хозяйства 7 августа 1797 г.; 2) проект 30 апреля 1838 г., являвшийся частью реформы П.Д. Киселева; 3) Общее Положение о крестьянах 19 февраля 1861 г. Автор считает, что в XIX в. правительство находилось в поиске оптимальных размеров волостей. Это выражалось в изменении допустимой численности ее населения и расположения деревень от волостного правления. Впрочем, установленные законами нормы не были универсальными для всех губерний, поэтому местным властям позволялось отступать от них.

Государственные крестьяне, волость, законодательный акт, критерии формирования, Павел I, реформа П.Д. Киселева, Великие реформы.

Термин «волость» встречается в исторических источниках с конца X в. [4, с. 13–18]. В документах понятие использовалось в нескольких значениях, а его семантика развивалась параллельно становлению социально-политического строя и административно-территориального устройства государства. В историографии волость определяется, с одной стороны, как конкретная территориальная единица. В этом статусе она идентифицируется как с отдельным населенным пунктом, так и с небольшим административным округом, объединявшим несколько населенных пунктов, или с совокупностью этих административных округов [3, 6, с. 22; 16, с. 173, 176]. С другой стороны, она отождествляется с административно-хозяйственным институтом, социокультурным сообществом крестьян, т.е. с общиной [2, с. 47; 9, с. 6; 17, с. 39–40; 18, с. 188].

На фоне разнообразных направлений исследования волостной организации представляется недостаточно проанализированным вопрос ее формирования как административно-территориальной единицы управления. Совершенно незатронутыми остаются законодательные нормы, которые предъявлялись к образованию волостей у государственных крестьян. В свою очередь, этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, т.к. с конца XVIII в. он являлся неотъемлемой частью реформирования системы управления казенной деревней. В представленной работе охарактеризованы критерии образования волостей в государственной деревне, установленные нормативными документами конца XVIII – XIX вв.

В основе анализа – законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи. Акцент сделан на высочайше утвержденные

документы: доклад Экспедиции государственного хозяйства 7 августа 1797 г.; проект 30 апреля 1838 г., являвшийся частью реформы П.Д. Киселева; Общее Положение о крестьянах 19 февраля 1861 г. Дополнительно привлекались неопубликованные источники, выявленные в историческом архиве Санкт-Петербурга. Они представлены делопроизводственными материалами центральных учреждений Российской империи.

Со второй половины XVIII в. волость по инициативе правительства начала приобретать статус словесной единицы административно-территориального управления. Этому способствовало развитие социальных институтов общества и политика верховной власти. К середине столетия завершился длительный процесс юридического оформления государственного крестьянства в единое сословие. Перед властью возникла задача формирования целостной системы управления казенной деревней на местах. В течение последующего времени она вела активный поиск решения этого вопроса. Исследователь истории Русского Севера А.В. Камкин выделил три основополагающих нормативных акта в этом направлении: 1) реформа 1775 г., когда местные органы получили наиболее завершенную бюрократическую форму в духе идей «просвещенного абсолютизма»; 2) закон 1787 г. об оформлении единообразной системы крестьянских органов; 3) закон 7 августа 1797 г. об организации волостного управления, когда «мир» был окончательно подчинен бюрократической власти [8, с. 177].

Результатом административных преобразований в сфере управления деревней, начатых Екатериной II и продолженных Павлом I, стало создание самоуправляющейся волости. Высочайше утвержденный доклад

Экспедиции государственного хозяйства 1797 г. придал ей юридический статус единицы административного управления на местах [21]. По сути, волость была выведена из структуры территориального деления государства и перестала выступать географическим подразделением уезда, как это было ранее. С этого времени и до 1917 г. в его состав входило определенное количество волостей, которые, как указывает П.П. Котов, «обнимали крестьянские земли», не покрывая всей площади уезда сплошными участками. Они занимали по нему небольшие пространства среди угодий казны, удела, помещиков и других владельцев земли [14, с. 14].

Таким образом, доклад 7 августа 1797 г. определил волостную организацию государственной деревни. По мнению П.А. Колесникова, это выражалось в укрупнении волостей и создании новой структуры волостных и деревенских «миров» [13, с. 93]. Цель проводившихся преобразований – улучшение порядка в сельском управлении, что выражалось в установлении эффективного контроля за функционированием крестьянского самоуправления и в обеспечении своевременного поступления причитавшихся с поселян податей и сборов. За образец был взят опыт сельского управления в удельном ведомстве, где указом 5 апреля 1797 г. на местах формировалась система административно-территориального устройства в форме приказов [15]. Заметим, что правительством эти образования – волость и приказ – по статусу приравнивались, а их основу составляли сельские общества [28, л. 4].

В конце XVIII столетия на законодательном уровне были прописаны четкие критерии образования волостной организации. При ее формировании должны были учитываться три фактора: социальная категория поселян, численный состав жителей и территориальный принцип. Следовательно, волость образовывалась только из населенных пунктов государственных крестьян. В ее состав не включались казенные селения, ранее причисленные к удельному ведомству и командорству. К последним относились имения из числа государственных земель, пожалованных кавалерам российских орденов [20].

В состав создававшейся административной структуры входили различные типы сельских поселений: село, сельцо, слободка, погост, деревня и др. Господствующими из них, как правило, являлись село и деревня. Однако по губерниям населенные пункты значительно разнились как по числу проживавших в них крестьян, так и по площади. Нередко это обуславливалось региональными особенностями освоения территорий, когда поселяне размещались на землях не только удобных для проживания, но, в первую очередь, пригодных для пашни и животноводства. Так, например, на Европейском Севере в большинстве случаев они расселялись узкой лентой вдоль рек, занимая пойменные луга и открытые и свободные от «дикого» леса приречные земельные участки [12, с. 74]. Значительные колебания в размерах обществ государственных крестьян наблюдались в Сибирском регионе [31].

Реформируя волостную организацию, Экспедиция государственного хозяйства приняла во внимание

данную ситуацию. В представленном докладе не стандартизировался количественный состав новой административной единицы. Правительство установило только максимальное значение, т.е. в нее должно было включаться не более 3000 ревизских душ (6000–6200 лиц обоего пола). Кроме этого, необходимо было соблюдать устоявшийся в империи территориальный принцип распределения землепользователей [21, с. 673]. Определение конкретного числа крестьян, следовательно и поселений, составлявших волость, отдавалось на откуп губернаторам с согласованием с региональными казенными палатами. Местной власти предписывалось не только определить оптимальный численный состав волости, но и соблюсти целостность пятисотных участков, т.е. территориальный показатель. Последние создавались для скорейшего и удобного сбора рекрутов и иных повинностей с сельских жителей посредством условного разделения крупных и объединения мелких селений в территориальные части, насчитывавшие 500 ревизских душ (1000–1050 лиц обоего пола) [19, с. 989].

Таким образом, можно констатировать, что в конце XVIII в. в основе образования волости находились социально-демографические показатели. При этом со стороны власти не придавалось значения ее территориально-географическим характеристикам. Причина такого положения – представление правительства об оптимальном размере административной единицы, который заключался исключительно в ее населенности. Так, волость в количестве 1000–1500 чел. считалась оптимальной, 3000 чел. – крупной, 6000 чел. – с предельной населенностью [10, с. 5].

Следующая стадия трансформации волостной организации – реформа П.Д. Киселева, проведенная в 1837–1841 гг. Изменение принципов образования рассматриваемой единицы было частью комплекса мер, направленных на реформирование системы управления государственной деревней. Как и при Павле I, основная причина преобразований – стремление усовершенствовать вертикаль власти в поселениях, подведомственных Министерству финансов. Разрабатывая положения реформы, П.Д. Киселев опирался не только на собственные взгляды, но и обращался к проектам по преобразованию казенной деревни, составленным как современниками, так и предшественниками. К примеру, Павел Дмитриевич изучил проект Екатерины II «Об устройстве свободных сельских обывателей», который ему предоставил министр иностранных дел К.В. Нессельроде. Однако он признал его «неудобоприменительным» и не стал использовать в своих целях [26, с. 455]. Рассмотренные графом материалы объединялись общим взглядом относительно причины существовавших в сельской местности трудностей. Как указал в диссертационном исследовании А.А. Ачмизов, в их основе прослеживалась идея о том, что все проблемы казенной деревни вызваны недостатками ее системы управления [1, с. 20–21].

Преобразования П.Д. Киселева включали комплекс нормативных актов. Интересующий нас предмет исследования регламентировался законом от 30 апреля 1838 г. [23]. Модернизация волостной структуры проводилась по направлениям, что и на предыдущем этапе, но с изменениями и дополнения-

ми. Во-первых, в состав административной единицы включались сельские общества государственных крестьян всех наименований, а также свободных хлебопашцев. Заострим внимание на уточнении, касавшемся казенного населения, которое в законе неслучайно. В конце XVIII – первой трети XIX в. продолжилось расширение сословия государственных крестьян посредством включения в его состав новых категорий земледельцев. Это происходило в результате как расширения государственных границ, так и социально-экономических преобразований в стране. В итоге, по утверждению Н.М. Дружинина, сословие «превратилось в огромный резервуар, куда стекались различные потоки земледельческого населения». Среди государственных крестьян появились выходцы из мещан, духовенства, военных [5, с. 43].

20 февраля 1803 г. по инициативе графа С.П. Румянцева был издан указ «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии освоенных» [22]. Согласно документу, разрешалось отпускать крепостных на волю, наделяя их землей. После освобождения они, если не входили в состав других сословий, приобретали статус «свободных хлебопашцев». Также их ряды могли пополнять ранее вольноотпущенные дворовые люди и сельские жители, приобретшие землю в собственность. Фактически закон не обрел массового распространения, а численность получивших свободу лиц была незначительной. По данным И.М. Катаева, в царствование Александра I был зафиксирован всего 161 случай освобождения крестьян, с общей цифрой вышедших на волю 47 153 души мужского пола [11, с. 84]. В свою очередь, П.А. Зайончковский, ссылаясь на труд В. Семецкого, приводит цифру – 33 782 мужские души, что составляло менее 0,5% от общего количества крепостных крестьян [7, с. 67].

Новый разряд сельских обывателей приобретал обязанности по оплате налогов и сборов, несению повинностей, возложенных на государственных крестьян, а на заселенных ими территориях распространялась аналогичная казенной деревне система управления. Реформируя волостную организацию, аппарат П.Д. Киселева учел современную социально-демографическую ситуацию в сельском обществе империи. Поэтому им был расширен состав волостных жителей.

Во-вторых, было предложено провести укрупнение волостей по численности населения. В них следовало объединять смежные сельские общества одного уезда с общим количеством не более 6000 ревизских душ (12 000–12 600 лиц обоего пола). Этот факт позволяет рассуждать, что утвержденная Павлом I система формирования волостей правительством Николая I признавалась неэффективной. В свою очередь, вызывает сомнение целесообразность увеличения этого критерия в два раза особенно для таких регионов страны, как Европейский Север и Сибирь. Как отмечает Н.Г. Суворова, в начале XIX в. даже во внутренних губерниях волости, насчитывавшие 1500–3000 ревизских душ, – явление не повсеместное [30, с. 164]. Заметим, что в этих регионах плотность жителей была в разы выше, чем на окраинах.

В-третьих, реформаторы обратились к вопросу регулирования территориального пространства волос-

ти. Впервые законом устанавливалось максимальное расстояние между «главным» населенным пунктом, где находилось правление, и самым удаленным сельским обществом. Последний должен был располагаться от «центра» не более 40 верст или не дальше двух дней пути [23, с. 551]. Следовательно, верховная власть расширила критерий масштаба территории административной единицы, отказавшись от соблюдения количественного показателя целостности пятисотных участков. Однако, как и в предыдущем случае, этот показатель затруднительно считать универсальным для всей империи. Например, данное условие было не просто соблюсти на землях Европейского Севера. Так, П.П. Котов отмечает, что многие селения Коми края¹ располагались от волостных правлений на расстоянии в 100 и более верст [14, с. 17].

Таким образом, результатом реформы П.Д. Киселева в области формирования волости стало расширение критериев ее образования. Реагируя на социальное развитие сельского общества, правительство отошло от мер, основанных исключительно на демографических показателях. Стремление повысить эффективность деятельности крестьянских общественных учреждений потребовало от власти реорганизовать волость с учетом не только ее населенности, но и пространственно-географических характеристик местности.

В 1866 г. в государственной деревне были проведены очередные преобразования системы управления. Нормативным актом от 18 января казенные крестьяне всех наименований переводились из ведения Министерства государственных имуществ в общие губернские и уездные, а также местные по крестьянским делам учреждения [25, с. 34]. Одновременно их общественное управление приводилось в соответствие с нормами Общего Положения о крестьянах, утвержденного 19 февраля 1861 г. [24, с. 147–155]. Эти нововведения сопровождалась реорганизацией принципов устройства рассматриваемой единицы. Она должна была формироваться согласно требованиям, действовавшим на землях бывших помещичьих крестьян, но с условием сохранения ее состава, существовавшего на казенных территориях. Изменения допускались при крайней необходимости и «когда селения крестьян собственников или временно-обязанных находятся между селениями государственных крестьян, и наоборот» [25, с. 35]. В этом случае разрешалось объединить в одну административную единицу деревни указанных категорий населения. Выделенное примечание позволяет рассуждать о намерении правительства в ходе преобразования управления государственной деревней сохранить устоявшиеся внутри ее волостной организации административно-территориальные связи. Следовательно, прописанные в Общем Положении требования к ее

¹ В научной литературе применительно к дореволюционному периоду Коми край являлся в некоторой степени понятием условным, т.к. он не был самостоятельной административной единицей. Традиционно под ним понимаются территории Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии и часть Мезенского уезда Архангельской губернии, которая в 1891 г. была выделена в отдельный Печорский уезд. Основную долю удельного веса в социальной структуре населения края составляли государственные крестьяне, в этническом отношении – коми (зыряне).

формированию должны были применяться к вновь образуемым волостям.

Прежде чем рассмотреть критерии, отметим одно обстоятельство. В процессе разработки материалов, касавшихся составления положений о крестьянах, административным отделением редакционных комиссий, на которое возлагалась разработка вопросов общественного крестьянского устройства, первоначально не предусматривалось формирование волостей. Более того, оно предлагало полностью отказаться от подобного устройства, существовавшего на тот момент в казенной деревне. Так, в докладе от 5 мая 1859 г. за № 1 им рекомендовалось создание сельского общества и поземельной общины, где первое представлялось единственной инстанцией крестьянского самоуправления [27, л. 1–1 об.]. Впервые термин «волость» применительно к проектированным крестьянским учреждениям был использован на заседании общего присутствия редакционных комиссий 30 мая 1859 г., на котором рассматривался упомянутый доклад № 1. В частности, участники данного собрания термин «сельское общество» заменили определением «волость» (Там же, л. 2). И.М. Страховский считал, что сделано это было случайно, по редакционным соображениям. Однако эта правка вызвала важные и неожиданные последствия по существу дела [29, с. 5].

Итак, в результате реформ 1860-х гг. при образовании волостей на территории проживания бывших государственных крестьян предписывалось соблюдать два требования: численный состав населения и территориальный принцип. Обязательство учитывать принадлежность землепользователей к рассматриваемой социальной категории нивелировалось в связи с ликвидацией существовавшего до Великих реформ разделения крестьян по социальному статусу. Это подтверждается и тем фактом, что законом разрешалось образовывать волость в границах действовавшего прихода, если последний «соответствует условиям, в предыдущей статье постановленным» [24, с. 147], т.е. выделенным критериям.

Относительно населенности волости отметим, что Общим Положением о крестьянах 19 февраля 1861 г. максимальная численность крестьян снижалась до 2000 ревизских душ (4000–4200 лиц обоего пола). В результате, правительством в три раза была уменьшена допустимая концентрация жителей в анализируемой единице. Следовательно, установленный в 1840-е гг. максимум снова был признан нецелесообразным с точки зрения эффективности управления деревней. Следует отметить, что при Александре II впервые вводился ее минимальный состав – «около трехсот ревизских мужского пола душ» (Там же). Территориальное пространство волостей также было сокращено. Допустимая отдаленность селений, входивших в ее состав, от места расположения правления устанавливалась в пределах 12 верст. В результате максимальное расстояние между центром и окраиной уменьшалось более чем в три раза относительно норм, определенных реформой П.Д. Киселева.

Несмотря на значительное снижение выделенных показателей, они не были оптимальными для всей территории империи. Во второй половине XIX в. резко возросли темпы роста сельского населения по

сравнению с дореформенным периодом. Однако плотность населения по губерниям по-прежнему значительно различалась. Это понимали и разработчики реформы, поэтому в местностях, где было невозможно выдержать установленные правила, допускалось отступление от них, но с «разрешения Начальника губернии» [24, с. 147].

Таким образом, в законодательной регламентации критериев образования волостей в государственной деревне конца XVIII – XIX вв. можно выделить три периода: 1) установление Павлом I в 1797 г. требований, которые базировались на социально-демографических показателях; 2) преобразование управления казенной деревней П.Д. Киселева, когда законом 1838 г. было установлено учитывать не только ее населенность, но и пространственно-географические характеристики местности; 3) реформирование общественного управления государственной деревни 1866 г. В результате здесь были распространены идентичные с бывшими помещичьими крестьянами правила формирования волостей, а требование обязательного соблюдения социальной категории землепользователей упразднилось.

Модернизация исследованных критериев являлась неотъемлемой частью реформирования института управления казенной деревней, направленного, в том числе, на повышение эффективности функционирования крестьянского общественного самоуправления. Анализ показал, что в XIX в. правительство находилось в поиске оптимальных размеров волостей. Это выражалось в изменении допустимой численности ее населения и расположения деревень от волостного правления. Впрочем, установленные законами нормы не становились универсальными для всех губерний, поэтому местным властям позволялось отходить от них.

Литература

1. Ачмизов, А. А. Государственные крестьяне в России: трансформация правового статуса, управления и сословного самоуправления: XVIII – XIX вв.: историко-правовое исследование : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Аслан Аскерович Ачмизов. – Курск, 2015. – 26 с.
2. Гагиева, А. К. Крестьянская поземельная община на территории Яренского уезда Вологодской губернии в XVIII веке / А. К. Гагиева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6–2 (20). – С. 47–49.
3. Горский, А. А. Об эволюции понятия «волость» / А. А. Горский // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2011. – № 2. – С. 19–21.
4. Древняя Русь: очерки политического и социального строя / А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. Ф. Лукин, П. С. Стефанович. – Москва : Индрик, 2008. – 480 с.
5. Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева / Н. М. Дружинин. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1946. – Т. 1: Предпосылки и сущность реформы. – 631 с.
6. Жеребцов, И. Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население / И. Л. Жеребцов – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 1998. – 176 с.
7. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1954. – 292 с.

8. Камкин, А. В. Крестьянское правотворчество и государственное законодательство (по материалам второй половины XVIII в.) / А. В. Камкин // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.): межвузовский сборник научных статей. – Пермь: [б. и.], 1982. – С. 175–189.
9. Камкин, А. В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII веке: специальность 07.00.07 «Этнография»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Александр Васильевич Камкин. – Москва, 1993. – 39 с.
10. Камкин, А. В. Крестьянские миры-волости Европейского Севера в XVIII веке: размеры, людность, типология / А. В. Камкин // Историческая демография. – 2016. – № 1 (17). – С. 4–8.
11. Катаев, И. М. Законодательство о крестьянах при императорах Павле I и Александре I / И. М. Катаев // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем / редактор А. К. Джигелева, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. – Юбилейное издание. – Москва: Товарищество И. Д. Сытина, 1911. – Т. 2. – С. 70–85.
12. Колесников, П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века / П. А. Колесников. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1976. – 416 с.
13. Колесников, П. А. Камеральные описания – источники по истории государственных крестьян Европейского Севера России конца XVIII – начала XIX веков / П. А. Колесников // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: северный археографический сборник. – Вологда: [б. и.], 1978. – Вып. VI. – С. 91–97.
14. Котов, П. П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX вв. / П. П. Котов. – Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1996. – 165 с.
15. Котов, П. П. Система управления уделами и общинное самоуправление: по материалам Европейского Севера России / П. П. Котов // Жизнедеятельность человека на Севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми): сборник статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2019. – С. 12–24.
16. Малиновский, Ю. В. Административно-территориальное устройство Российского государства в XVI–XVII вв. / Ю. В. Малиновский // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. – 2019. – № 6. – С. 172–177.
17. Мамсик, Т. С. К истории создания крестьянских «обществ» в России: британские идеи и парагвайский опыт / Т. С. Мамсик // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 39–46.
18. Марийцы. Историко-этнографические очерки: коллективная монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. – 336 с.
19. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1. – Санкт-Петербург: Типография II отделения с.е.и.в.к., 1830. – Т. 22, № 16603. – С. 974–1008.
20. ПСЗРИ. Собрание 1. – Санкт-Петербург: Типография II отделения с.е.и.в.к., 1830. – Т. 24, № 17925. – С. 592–593.
21. ПСЗРИ. Собрание 1. – Санкт-Петербург: Типография II отделения с.е.и.в.к., 1830. – Т. 24, № 18082. – С. 672–677.
22. ПСЗРИ. Собрание 1. – Санкт-Петербург: Типография II отделения с.е.и.в.к., 1830. – Т. 27, № 20620. – С. 462–463.
23. ПСЗРИ. Собрание 2. – Санкт-Петербург: Типография II отделения с.е.и.в.к., 1839. – Т. 13. – Ч. 1, № 11189. – С. 405–654.
24. ПСЗРИ. Собрание 2. – Санкт-Петербург: Типография II отделения с.е.и.в.к., 1863. – Т. 36. – Ч. 1, № 36657. – С. 141–169.
25. ПСЗРИ. Собрание 2. – Санкт-Петербург: Типография II отделения с.е.и.в.к., 1868. – Т. 41. – Ч. 1, № 42899. – С. 34–37.
26. Проект Императрицы Екатерины II об устройстве свободных сельских обывателей (сообщено В. И. Вешняковым) // Сборник Императорского Русского исторического общества / [под наблюдением А. А. Половцова]. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1877. – Т. 20. – С. 447–498.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 577. Оп. 50. Д. 284.
28. РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. 1864 г. Д. 1.
29. Страховский, И. М. Как создавалась крестьянская волость (материалы редакционных комиссий) / И. М. Страховский // Вестник права: журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1901. – № 3 (март). – С. 1–31.
30. Суворова, Н. Г. Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. / Н. Г. Суворова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 160–173.
31. Суворова, Н. Г. Оформление низовой административно-территориальной структуры Сибирского региона Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Н. Г. Суворова. – Текст: электронный // Электронный журнал «Сибирская Займка». – URL: <https://zaimka.ru/suvorova-administration/> (дата обращения: 21.07.2022).

S.A. Popov

CRITERIA FOR THE FORMATION OF VOLOSTS IN THE STATE VILLAGE ACCORDING TO LEGISLATIVE SOURCES OF THE END OF THE 18TH – SECOND HALF OF THE 19TH CENTURIES

The criteria of formation of volosts in the state village in the period from 1797 to 1866 are analyzed on the basis of the comparison of the normative acts, which determined the beginning of a new stage in the development of the volost organization: 1) the report of the State Farm Expedition of August 7, 1797; 2) the draft of April 30, 1838, which was part of P.D. Kiselev's reform; 3) the General regulation on peasants of February 19, 1861. According to the author, in the 19th century the government was in search of the optimal size of volosts. It can be seen from a change in the allowable number of its population and the location of villages from the volost government. However, the norms established by laws were not universal for all provinces, so local authorities were allowed to deviate from them.

State peasants, volost, legislative act, formation criteria, Pavel I, P.D. Kiselyov's reform, Great reforms.

В.А. Саблин

Вологодский государственный университет

С.В. Тимошина

Вологодский научный центр Российской академии наук

СТАТИСТИКО-КОМПЕТЕНТНЫЕ МАРКЕРЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1921 ГГ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00238

«Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы»

В данной статье предпринята попытка представить результаты научно-исследовательской работы по изучению периода революции и Гражданской войны 1917–1921 гг. в животноводческой отрасли крестьянского двора на Европейском Севере России с использованием инструментария статистико-математической обработки цифровых данных. Авторы исходят из определения Европейского Севера России как гомогенного пространства, которое в изучаемый период включало в себя Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую и созданные за время революции Северо-Двинскую губернию, Карельскую Трудовую Коммуну и Автономную область Коми (Зырян).

Статья представляет собой междисциплинарный дискурс в проблему изучения, описания и презентации выводов картины историко-экономикографии регионального животноводства с подкреплением их достоверными статистическими маркерами происходящих процессов и с презентацией характерных прецизионных статистических отражающих ретрансляции изучаемого явления. Статистической обработке с применением корреляционного анализа подверглись большие массивы цифровых данных с валидной целью и задачам исследования ретроспективной глубиной. Кросс-анализ охватил данные по множеству изучаемых факторов по озвученной тематике. Цифровые массивы были обработаны в программе Microsoft Excel 2010 в натуральном, процентном, долевым, темпорально-хронологическом отношениях с определением средних величин, лимитов, стандартного отклонения, значения, силы и вектора корреляционных связей.

Проанализированы факторы, которые влияли на организационные основы ведущих отраслей крестьянского производства. Поднимается вопрос о характере изменений в численности и половозрастной структуре стада крестьянского хозяйства в годы революции и Гражданской войны. Особое внимание уделяется вопросам влияния налоговой и продовольственной политики государства на состояние поголовья скота и изменений ремонтной базы животноводства. Выявлена зависимость поголовья скота крестьянского двора от размера посева, обеспеченности рабочими руками и луговыми площадями. При этом отмечается, что основу производственных отношений и самого производства в северной деревне в 1917–1921 гг. составляла мелкая крестьянская парцелла, стесненная в своем развитии, но обнаружившая способность к самосохранению и развитию. Выявляемые авторами закономерности могут послужить стимулом к дальнейшему изучению прикладных отраслей народного хозяйства на Европейском Севере России (развитие перерабатывающей промышленности, торговли, кормопроизводства, транспортных сетей, легкой промышленности, зоотехнии, ветеринарии и т.д.).

Аграрная революция, крестьянская парцелла, животноводство, поголовье скота, эффективность производства, луговые площади, кормовая база.

Современная российская историография аграрной революции 1917–1921 гг. стремится осмыслить роль крестьянства в событиях того времени в статусе активного субъекта исторического процесса. Пристального внимания удостоиваются не только вопросы социального поведения, но и крестьянское производство, проблемы саморазвития, соотношения отраслей крестьянского дворохозяйства и их динамики [4]. Определенный вклад в изучение крестьянского животноводства на Севере России внесен одним из авторов данной статьи [5].

Животноводческая отрасль сельского двора в регионе обслуживала его продовольственные потребности, но в первую очередь обеспечивала сельское производство тягловой силой и навозом. В вопросах изучения данной отрасли крестьянского производства,

как правило, преобладает количественный анализ, базирующийся на описании явления, в то время как назрела необходимость погружения в существо проблемы на основе междисциплинарных подходов с применением математической обработки больших данных, презентации выводов картины историко-экономикографии регионального животноводства с подкреплением их достоверными статистическими маркерами происходящих процессов и с презентацией характерных прецизионных статистических отражающих ретрансляции изучаемого явления.

Состояние статистической базы по данной проблеме позволило авторам статьи применить корреляционный анализ в отношении большого объема цифровых данных с валидной целью и задачам ретроспективной глубиной. Математической обработке были

подвергнуты данные по множеству изучаемых основных и смежных показателей (поголовье по видовому составу скота, возрастным группам и количеству голов; посевные площади с ранжированием по их размеру; доли хозяйств со своими, наемными работниками или без них; наличие промысловой деятельности; объемы полевых и посевных площадей, а также цифровое выражение сопоставимых показателей в межсекторных взаимосвязях, в том числе: на одно хозяйство, на 100 душ населения, на одну лошадь, лошадей и крупного рогатого скота на одно хозяйство и т.п.).

Данный подход позволил в конечном итоге в значительной степени объективизировать имеющиеся выводы и расширить представления о сути явления.

Первая мировая война 1914–1918 гг., Великая российская революция и Гражданская война 1917–1921 гг., послужили первопричиной падения сельскохозяйственного производства, в частности животноводства. При общем сокращении численности стада крупного рогатого скота поменялась его структура в пользу молочного продуктивного скота. В условиях сворачивания рынка и натурализации производства в районах торгового животноводства уменьшилось число многокоровных хозяйств. В Вологодской губернии, к примеру, число дворов с 3 коровами сократилось с 14,1% в 1917 г. до 7,7% в 1919 г., с 4 коровами – с 4,0% до 1,0%, с 5 коровами – с 1,7%, до 0,2% [7, с. 19]. В Архангельской губернии, где, за исключением Холмогорского и Архангельского уездов, преобладал «навозный тип» животноводства, поголовье коров сократилось в 1920 г. всего на 4,1% [1]. Однако при этом следует более детально рассмотреть возрастной и половой состав стада [6, с. 3–20], (табл. 1).

Учитывая отсутствие данных за 1918 и 1919 гг. и относительно высокое стандартное отклонение некоторых показателей (показатель волатильности или изменчивости выборки), все же удалось посредством определения корреляционной связи сформировать вывод о динамике поголовья в период 1916–1921 гг.

Так, поголовье взрослых лошадей, молодняка и жеребят находилось практически на устойчивом уровне с некоторым уменьшением молодого поголовья на конец периода, и имело низкое значение стандартного отклонения в сравнении с поголовьем крупного рогатого скота. Тягловый рабочий скот состав-

лял 84,3–87,0% от всего стада. Сама же убыль конского поголовья была связана с упадком лесных промыслов и извоза, с мобилизацией лошадей в армию, привлечением к подводной и гужевой повинности в системе «военного коммунизма» [2, с. 46]. Проблема была связана еще с социальной составляющей. Как отмечал в свое время Г. Чубаков, в сознании крестьян потеря двором тяглового скота воспринималась как его ликвидация, поэтому мужик всеми силами стремился сохранить лошадь в хозяйстве [12, с. 14].

В этом контексте вполне очевиден вывод о том, что падение численности рабочего скота в регионе не несло разрушительных последствий для полеводческой отрасли крестьянского двора. Интересным выглядит наблюдение С. Ободовского, который отмечал, что в 1920 г. в Северном регионе России из имевшегося в деревне запаса тягловой силы на обеспечение сельскохозяйственных работ в год требовалось не более одной четверти [3, с. 244–246]. Тем самым С. Ободовский подтвердил вывод, сделанный в свое время применительно к мелкой крестьянской parcelle на Севере России выдающимся крестьяноведом А.В. Чаяновым [10, с. 215].

Структура поголовья крупного рогатого скота претерпевала гораздо большие изменения. Стало статистически очевидно действие факторов, снизивших в 1920 г. процесс омоложения стада (продразверстка), ведущих к увеличению доли взрослых животных (дойных коров). Коэффициент корреляции составил соответственно по коровам $r = 0,95$, по молодняку $r = -0,81$, по телятам $r = -0,97$. Существенно снизилась доля волов и быков при замещении этой доли лошадьми.

Математические индикаторы изменения поголовья всецело подтверждают зависимость развития животноводства от хозяйственных характеристик той или иной губернии. Так, в Вологодской губернии параллельно со сворачиванием маслоделия и молочной кооперации сокращалась численность дойных коров, а численность молодняка постепенно увеличивалась. В Архангельской губернии при низкой товарности молочного стада падение его численности происходило за счет молодняка [11, с. 133]. «Вымывание» из стада молодняка в будущем затрудняло ремонт стада и его обновление и предопределяло его дальнейшую убыль.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ПОГОЛОВЬЯ СКОТА В СЕВЕРНОМ РАЙОНЕ В 1916–1921 ГГ. (%)

Виды скота	1916 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.
Рабочий скот:				
Рабочие лошади	85,1	84,3	87,0	86,5
Молодняк	7,7	7,2	13,0	7,2
Жеребьята	7,2	8,5	–	6,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0
Рогатый скот:				
Коровы	58,5	58,7	72,8	70,7
Волы и быки	1,3	0,7	0,4	0,4
Молодняк	12,7	14,7	9,1	10,3
Телята	27,5	25,9	17,7	18,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Что касается поголовья мелкого скота, то по причине реквизиций и убоя «на пропитание» оно сократилось катастрофически. Во всей Архангельской губернии перепись 1920 г. зафиксировала лишь 40 голов свиней. В Олонецкой губернии за это время в 2 раза сократилось поголовье овец и почти в 300 раз – свиней.

В конечном итоге убыль скота в регионе не могла не повлиять на снижение результативности крестьянского производства в целом.

Чтобы понять характер изменений производственной базы сельского хозяйства региона за 1917–1920 гг. рассмотрим данные, относящиеся к 1920 г. об обеспеченности скотом крестьянских дворов различных посевных групп. В сводку вошли показатели, охватывающие свыше 70,0% хозяйств Архангельской губернии и свыше 25,0% – Вологодской и Северодвинской губерний [8, с. XIX], (табл. 2).

Применение корреляционного анализа показателей поголовья скота с учетом ранжирования на посевные группы по их площади, отраженные в данной таблице, позволяет прийти к выводу о том, что при любой посевной площади в хозяйстве наблюдалась очень высокая положительная корреляционная связь показателей долей хозяйств без коров и без лошадей ($r = 0,94$). Идентичной являлась и корреляционная связь между следующими двумя показателями «Доля хозяйств без рабочего скота» и «Количество овец на одно хозяйство», которая составила $r = -0,79$. Это объясняется тем, что априори при отсутствии крупного и мелкого рогатого скота снижалась необходимость в содержании лошадей (транспорт, пахота, полеводство, луговое хозяйство, кормопроизводство, торговля, реализация продуктов и т.п. секторы сельского хозяйства, требующие лошадиную силу). Наличие тяглового скота в 15,4% беспосевных дворов, или во дворах, сеявших менее 2 дес., находило объяснение в многофункциональной (промысловой) основе крестьянского хозяйства на Севере. Однако большинство дворов – 63,9% были однолошадными. Даже в группах многопосевных дворов, засевавших свыше 6 дес., на хозяйство приходилось 1,8 голов рабочего скота. Правда, уровень эффективности использования лошади в этих хозяйствах был в 4 раза выше, чем во дворах, имевших до 1 десятины посева. Данная закономерность может свидетельствовать об аграрной направленности крупносеющих дворов и эффектив-

ного использования тяглового скота. Продолжением и подтверждением данного вывода служит высокая, но уже отрицательная корреляционная связь между долями хозяйств с 2-3-4 и более коровами по всем посевным группам, но без лошадей ($r = -0,81$; $r = -0,73$; $r = -0,46$). Иными словами, тягловая сила была необходима также при содержании крупного рогатого скота.

Аналогичная картина наблюдается и при сравнении других смежных (экономически сопоставимых) показателей. Так, количество коров в хозяйствах всех посевных групп и количество рабочего скота на одно хозяйство находились между собой в сильной корреляционной связи, которая в хозяйствах при отсутствии коров была сильная и отрицательная ($r = -0,81$), а при наличии коров с увеличением их количества становится положительной и растущей (при 2-х коровах $r = 0,48$; при трех коровах $r = 0,97$; при 4-х коровах и более $r = 0,85$), что тоже определяет степень востребованности рабочего скота (лошадей) при наличии, содержании и увеличении поголовья крупного рогатого скота.

Важный экономический показатель числа коров, приходящихся на 100 душ населения, составлял в регионе в среднем 26 голов и увеличивался от 15 голов в беспосевных дворах до 33 голов во дворах, сеявших свыше 6 дес. Понятно, что в мелкопосевных хозяйствах корова содержалась для потребительских надобностей, тогда как в крупносеющих хозяйствах ее содержание могло служить целям товарного производства. Данные предположения подкрепляются следующими показателями: на 11,4% бескоровных дворов приходилось 31,4% безлошадных, на 53,5% однокоровных – 63,5% однолошадных, на 28,3% двухкоровных хозяйств – 4,3% двухлошадников и т.д.

В целом же представленные выше данные за 1920 г. говорят о значительной нивелировке крестьянских дворов в сопоставлении с 1917 г. Примерно в 2 раза сократилось число дворов, имевших в хозяйстве 2 лошади, в 3 раза – дворов с 3 и более коровами. В 1920 г. на Европейском Севере России насчитывалось только 4,5% хозяйств с двумя и 0,2% – с тремя головами рабочего скота и 6,8% хозяйств, владевших тремя и более головами крупного рогатого скота. При этом следует отметить, что по данным ЦСУ доля бескоровных хозяйств в регионе составляла лишь 11,4% от всех дворов [7, с. 19; 8, с. XVI; 9, с. 106–107].

Таблица 2

СКОТОВОДЧЕСКАЯ ОТРАСЛЬ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРОВ В 1920 Г.

	Группы дворов по посеву								Всего
Показатели	без посева	до 1 дес.	от 1,1 до 2 дес.	от 2,1 до 3 дес.	от 3,1 до 4 дес.	от 4,1 до 5 дес.	от 5,1 до 6 дес.	свыше 6 дес.	в реги- оне
Процент хозяйств:									
без рабочего скота	84,6	43,4	11,2	2,4	1,3	0,3	—	1,5	31,4
без коров	69,8	12,9	1,9	0,4	0,2	0,2	—	—	11,4
с 1 коровой	21,5	68,0	47,0	21,7	13,5	7,1	0,7	—	53,5
с 2 коровами	4,7	16,8	43,7	54,7	48,7	48,7	38,7	20,3	28,3
с 3 коровами	2,1	1,8	6,6	19,3	27,2	30,5	35,8	40,6	5,5
с 4 и более	1,9	0,5	0,8	3,9	10,4	13,5	24,8	39,1	1,3
На 100 душ населения приходится:									
коров	15,3	24,8	26,9	29,5	30,3	30,3	31,4	33,3	26,0
На 1 хозяйство приходится:									
рабочих лошадей	0,2	0,6	0,8	1,1	1,3	1,4	1,6	1,8	0,7
овец	0,6	1,2	1,7	2,3	2,9	3,5	4,2	4,5	1,5
На 1 рабочую лошадь приходится:									
дес. посева	—	1,0	1,6	2,2	2,7	3,1	3,3	4,0	1,4

В заключение отметим, что результаты обработки статистических рядов показали высокостатистические корреляционные связи между изучаемыми показателями животноводческой отрасли Европейского Севера России предварительно объектно не смежными, но, как оказалось, по нашим данным, весьма презентабельными. Так, например, выявлена корреляция между количеством коров на 100 душ населения и количеством лошадей на одно хозяйство, а также между количеством рабочего скота и площади посева на одну лошадь и т.п. Так, корреляция между количеством коров на 100 душ населения и количеством лошадей на одно хозяйство составила $r=0,93$, а между количеством рабочего скота и площадью посева на одну лошадь $r=0,99$.

При этом важно иметь в виду, что в развитии разных сегментов крестьянского животноводства, наряду с общими историческими, политическими, экономическими факторами, имело место действие индивидуальных и уникальных территориальных особенностей. В частности, это касалось Северного района, в котором изначально, по сравнению с Крайним Северным районом, существовали предпосылки для интенсивного развития животноводства. В общей динамике поголовья сельскохозяйственных животных наиболее выигрышно выглядели Вологодская и Северо-Двинская губернии, что было связано с традиционным животноводством, районированием молочных пород скота, обильной кормовой базой, климатом, транспортной сетью и т.д. Иными словами, на каждой территории, несмотря на разрушительные последствия Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, сохранился исторически сформировавшийся морфотип структуры животноводства с секторальным преобладанием того или иного вида сельскохозяйственных животных.

Основу производственных отношений и самого производства в северной деревне в 1917–1921 гг. составляло снижение экономической мощи крестьянских хозяйств. На фоне падения сельскохозяйственного производства при общем сокращении поголовья всех видов скота масштабное нивелирование крестьянских дворов по степени обеспечения скотом свидетельствовало о негативной трансформации социально-экономических процессов в деревне в сторо-

ну усреднения производственных параметров крестьянской парцеллы.

Литература

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 105 (Земельное управление Архгубисполкома (Архгубземуправление). Оп. 1. Д. 44. Л. 27.
2. Деларов, Д. И. Крестьянское хозяйство Северной области (скот и его роль в крестьянском хозяйстве Севера) / Д. И. Деларов // Труды Вологодского молочно-хозяйственного института. – Т. 2. – Вологда, 1923. – С. 26–52.
3. Ободовский, С. Земледелие на Севере Европейской России / С. Ободовский // О земле. – Вып. 3. – Москва, 1922. – С. 223–248.
4. Рынков, В. М. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. / В. М. Рынков, В. А. Ильных. – Новосибирск : Сибпринт, 2013. – 244 с.
5. Саблин, В. А. Крестьянский двор на Европейском Севере России в годы Гражданской войны (1917–1921 гг.) : параметры выживания / В. А. Саблин // Научный диалог – 2021. – № 8. – С. 452–466.
6. Степановский, И. Вологодская губерния. Статистико-экономический конспект / И. Степановский // Вестник народного хозяйства Вологодской губернии. – 1921. – № 2–5. – С. 3–20.
7. Труды Центрального статистического управления. Т. VI. Выпуск 3. Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. – Москва, 1922. – 181 с.
8. Труды Центрального статистического управления. Т. XIV. Выпуск 1. Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств. Северный район. – Москва, 1924. – XXIV. – 125 с.
9. Труды Центрального статистического управления. Т. XVIII. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. За пять лет работы Центрального статистического управления. – Москва, 1924. – XV, 481 с.
10. Чаянов, А. В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран. 6 октября 1927 г. / А. В. Чаянов // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 6. – С. 211–219.
11. Четыре месяца Советской власти в Архангельской губернии (Материалы 4-го губернского съезда Советов) / под редакцией И. Богового. – Архангельск : Губ. отд. управления, 1920. – 156 с.
12. Чубаков, Г. К вопросу об изменении в скотоводстве в крестьянском хозяйстве за период 1916–21 гг. / Г. Чубаков // Сельское и лесное хозяйство. – 1922. – № 5–6. – С. 9–19.

V.A. Sablin, S.V. Timoshina

STATISTICALLY COMPETENT MARKERS IN THE STUDY OF THE LIVESTOCK SECTOR OF A PEASANT HOUSEHOLD IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA DURING THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR OF 1917–1921

This article attempts to present the results of the study of the period of the revolution and the Civil War of 1917–1921 in the livestock sector of a peasant household in the European North of Russia using the tools of statistical and mathematical processing of digital data. The authors proceed from the definition of the European North of Russia as a homogeneous space, which in the period under study included Arkhangelsk, Vologda, Olonets and the North Dvina province created during the revolution, the Karelian Labor Commune and the Autonomous Region of Komi (Zyryan).

The article is an interdisciplinary discourse on the problem of studying, describing and presenting the conclusions about the historical and economic aspects of regional animal husbandry with their support by reliable statistical markers of ongoing processes, and with the presentation of characteristic precision statistical reflections of the retransmission of the phenomenon under study.

Statistical processing using correlation analysis was carried out on large arrays of digital data with valid goals and objectives of the study and retrospective depth. The cross-analysis covered data on a variety of studied factors on the topics discussed. Numerical arrays were processed in Microsoft Excel 2010 in natural, percentage, share, temporal-chronological relations with the determination of average values, limits, standard deviation, value, strength and vector of correlations.

The factors that influenced the organizational foundations of the leading branches of peasant production are analyzed. The authors reveal the nature of changes in the number and sex and age structure of the herd of the peasant economy during the revolution and the Civil War. Particular attention is paid to the impact of the tax and food policy of the state on the state of livestock and changes in the livestock repair base. The dependence of the livestock of a peasant household on the size of the crop, the availability of workers and meadow areas has been revealed. At the same time, it is noted that the basis of production relations and production itself in the northern village in 1917–1921 constituted a small peasant parcel, constrained in its development, but showing the ability to self-preservation and development. The patterns identified by the authors can serve as an incentive for further study of applied sectors of the national economy in the European North of Russia (development of the processing industry, trade, fodder production, transport networks, light industry, animal science, veterinary medicine, etc.).

Agrarian revolution, peasant parcel, animal husbandry, livestock, production efficiency, meadow areas, food base.

А.С. Столетова

*Вологодский государственный университет,
Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н.В. Верещагина*

К.В. Кушнерева

*Вологодский научный центр Российской академии наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ЛИТЕРАТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА В.А. КОЧЕТОВА «БРАТЬЯ ЕРШОВЫ»

В настоящей статье с помощью публикации справки, подготовленной начальником четвертого управления Комитета госбезопасности при Совете министров СССР Е.П. Питоврановым, извлеченной из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), характеризуется процесс давления на писателя В.А. Кочетова в результате написания им идеологически «несовершенного» романа «Братья Ершовы» о разложении советского общества. Материалы данной статьи призваны дополнить описание событий литературного движения 1950–1960-х гг.

В.А. Кочетов, «Братья Ершовы», идеологическая кампания, цензура, «оттепель», критика, социалистический реализм, производственный роман.

Всеволод Анисимович Кочетов (1912–1973 гг.) – советский писатель, прозаик, журналист, военный корреспондент. В 1953–1955 гг. являлся ответственным секретарем Ленинградского отделения Союза писателей, в 1955–1959 гг. – главный редактор «Литературной газеты», с 1961 г. по 1973 г. – редактор журнала «Октябрь». Во время деятельности в «Октябре» находился в идейных противоречиях с «Новым миром» А.Т. Твардовского.

Послевоенная проза коснулась вопросов восстановления народного хозяйства. Об этом повести «На невских равнинах» (1946 г.), «Предместье» (1947 г.), «Кому светит солнце» (1949 г.; переработанный вариант – «Профессор Майборода», 1961 г.) и роман «Под небом Родины» (1950 г.; переработанный вариант – «Товарищ агроном», 1961 г.) В.А. Кочетова. Официальное признание к писателю пришло после публикации в 1952 г. романа «Журбины», посвященного советскому рабочему классу, его взаимоотношениям с технической и творческой интеллигенцией в начале 1950-х гг. Роман о рабочих судоверфи переиздавался более 20-ти раз огромными тиражами, был переведен на многие языки.

Роман «Братья Ершовы» (1958 г.) также получил широкую известность. Действие разворачивалось между 1955 и 1957 гг. «Оттепель» только началась, поэтому в книге большое внимание уделялось вопросу влияния на жизнь советских людей «разоблачения культа личности Сталина» на XX съезде КПСС и контрреволюционного мятежа в Венгрии. Кроме того, повествование В.А. Кочетова было задумано как антитеза роману В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым», в котором осуждался бюрократизм и отрицательные явления в жизнедеятельности партаппарата. Позиция В. Дудинцева рассматривалась как посягательство на основы строя. В. Кочетов, являясь приверженцем сталинских идеалов, выступил против «оттепельного» партийного курса и показал сплоченный рабочий коллектив (как основу передовых идей), противопоставляя ему класс интеллигенции (носитель ревизионист-

ских идей). О пафосе этого произведения, его идейной направленности свидетельствуют заголовки рецензий на него: «Революция продолжается» (Комсомольская правда. 1958. 10 августа), «Плечом к плечу» (Советская культура. 1958. 18 сентября) и т.д.

Однако вскоре роман вызвал общественные прения. В «Записке» Отдела культуры ЦК КПСС о дискуссии на страницах печати о романе В.А. Кочетова «Братья Ершовы» (Нева. 1958. № 6–7) от 6 сентября 1958 г. акцентировалось внимание на противоположности суждений художественного произведения. При этом М. Соколов, М. Алексеев, В. Друзин, Г. Марков, В. Сытин, М. Гус, А. Васильев высоко оценили роман В. Кочетова как творение остропроблемное, актуальное, написанное с правильных партийных позиций. А. Сурков, К. Симонов, М. Погодин, А. Штейн, В. Овечкин сочли его идейно ошибочным, «политически вредным». А.Т. Твардовский назвал роман В. Кочетова «разбойным явлением в литературе», Б. Лавренёв обвинил автора в «невежественном и мещанском взгляде на драматургию».

Положительные рецензии о «Братьях Ершовых» написали И. Денисова – «Революция продолжается» (Комсомольская правда. 1958. 10 августа), А. Эльшевич – «Ершовы и Орлеанцев» (Ленинградская правда. 1958. 9 августа), М. Алексеев – «Братья Ершовы ведут бой» (Литература и жизнь. 1958. 3 сентября), Ю. Жданов – «Третьего не дано!» (Литературная газета. 1958. 6 сентября). Руководящим органом было дано неоднозначное резюме: «Отдел культуры ЦК КПСС считает, что в романе В. Кочетова созданы яркие и впечатляющие образы кадровых рабочих – гвардии рабочего класса, составляющей главную цементирующую силу советского общества. Заслуживает поддержки и направленность романа, бичующего приспособленцев и демагогов, обращенного против неверных, ревизионистских тенденций, проявившихся в нашем искусстве за последние годы. Однако в изображении интеллигенции В. Кочетов допускает явную односторонность...» [4; 7].

25 сентября 1958 г. в «Правде» была опубликована статья В. Михайлова «Братья Ершовы», в которой вновь были отмечены как положительные стороны романа, так и его недостатки. Далее обсуждение состоялось в журнале «Вопросы литературы» (главный редактор А. Дементьев). И. Падерин, М. Шкерин, А. Хватов, Д. Стариков дали положительную оценку, А. Дементьев высказал ряд критических замечаний, с чем не согласились Л. Соболев и И. Астахов. Неодобрительно отозвались К. Горбунов, С. Смирнов, А. Казанцев, А. Васильев, критик О. Войтинская. Тем не менее, в отчете, опубликованном в «Литературной газете» 30 сентября 1958 г., было многое недосказано, пропущены существенные детали в полемике. Позже некоторые писатели, прочитав документ, говорили о нем как о «лживом и подлом» [7]. В свете происходящих обсуждений В. Кочетов потерял место в «Литературной газете» [5, с. 137, 138].

Однако в конце октября 1958 г. на отчетно-выборном собрании ленинградского отделения Союза писателей СССР «Братья Ершовы» были противопоставлены «Доктору Живаго» Б.Л. Пастернака. Как писал М. Золотоносов, «Роман Пастернака “Доктор Живаго” символизировал те негативные последствия 1956 г., с которыми боролся роман Кочетова». Е.П. Серебровская утверждала, что «Братья Ершовы» – это идейно-философский антипод «Доктора Живаго». Г.К. Холопов высказался о том, что «“Братья Ершовы” – крупное явление советской прозы. Крупное по масштабам, по проблеме, поднятой в нем, по заведному знанию характера и души советского рабочего человека. В этом романе спорят не о стружке и не о болтах, как в некоторых так называемых “производственных” романах, а говорят о насущных явлениях жизни, активно вмешиваются в эту жизнь. Это глубоко интеллектуальный роман, значительный своим идейным пафосом» [3].

6–13 декабря 1958 г. состоялся учредительный съезд писателей РСФСР, на котором председателем Союза писателей РФ избрали Л.С. Соболева. В. Кочетова переместили в данный Союз, что сам автор воспринял как опалу [5, с. 138]. Обсуждая проект Устава Союза писателей СССР, который должен был принять съезд писателей в Москве 18–23 мая 1959 г., ЦК КПСС акцентировал внимание на определении метода социалистического реализма: «Ленинская партийность названа в уставе как один из принципов социалистического реализма наряду с правдивым изображением действительности. Между тем важно подчеркнуть, что коммунистическая партийность является основой, душой социалистического реализма и что подлинная правдивость в творчестве советского художника может быть достигнута только при изображении жизни с позиций коммунистической партийности, исходя из интересов борьбы за победу коммунизма» [7]. Здесь уместно обратить внимание на то, что и патристическое, и либеральное направление в литературе стремились к реалистичному изображению действительности. Однако понимание происходящих процессов среди литераторов разнилось. В продолжение их противостояния в 1961 г. на XXII съезде КПСС случилась публичная перепалка двух редакторов – В. Кочетова и А. Твардовского. В результате оба были включены в

руководящие партийные органы – Твардовский стал кандидатом в члены ЦК КПСС, а Кочетов – членом Центральной ревизионной комиссии КПСС [6].

Если касаться содержательной линии романа В. Кочетова «Братья Ершовы», то его суть состоит в том, что «правильным» советским людям, борющимся за торжество и построение коммунизма, противостояли сравнительно немногочисленные отрицательные герои, мечтающие быстро и легко разбогатеть, стремящиеся к наживе, демонстрирующие капиталистические настроения, когда советскому директору хотелось стать «старорежимным» хозяином «своего» завода. Данные идеи были развиты в более позднем творчестве автора. Тематику описания жизни партийных работников после «разоблачения культа личности» продолжил роман «Секретарь обкома» (1961 г., 1964 г. – экранизирован), в котором честному герою противостоял карьерист и очковтиратель. Произведение вызвало неоднозначные оценки, спор спровоцировали идейные принципы и фигуры, под именами которых критики видели поэтов и партийных деятелей. Однако 4 февраля 1962 г. в связи с 50-летием со дня рождения, но и вследствие признания деятельности и литературных заслуг писатель Всеволод Кочетов был удостоен ордена Ленина. После чего, в 1962 г., журнал «Октябрь» занялся рецензированием «оттепельных» фильмов. Например, критиковались небезызвестные «Летят журавли» М. Колотозова, «А если это любовь?» Ю. Райзмана и др.

Если углубиться в содержание дальнейшей, избранной автором, тематики художественного творчества, то необходимо отметить, что событиям периода Гражданской войны, обороне Петрограда от войск Н. Юденича посвящен роман «Угол падения» (1967 г.; в 1970 г. экранизирован). Это произведение на политическую тему не вызвало серьезных литературных нареканий и противоречий. В 1969 г. В. Кочетов написал последний роман «Чего же ты хочешь?», который вновь вызвал неоднозначную и бурную реакцию в обществе, поскольку фактически писатель признал, что советский социум разлагается под прямым влиянием западной культуры и пропаганды. Произведение посвящалось борьбе, происходившей внутри интеллигенции во второй половине 1960-х гг., и критиковалось за уклон в сталинизм, склонность к огульным осуждениям в оценке новой прозы, «тенденциозность и субъективность». Эпопея вокруг данного романа стала апофеозом в идеологическо-литературном противостоянии двух журналов – «Октября» и «Нового мира». Но, несмотря на разного рода литературные насмешки и пародии, при обсуждении рассказа Александра Солженицына «Случай на станции Кочетовка» в редакции «Нового мира» А.Т. Твардовский настаивал на переименовании реально существующей станции Кочетовка в Кречетовку [1]. Наконец, в письме от 11 ноября 1969 г., адресованном Л.И. Брежневу, за В. Кочетова заступился М.А. Шолохов: «По литературным делам мне хотелось бы сказать об одном: сейчас вокруг романа Вс. Кочетова “Чего же ты хочешь?” идут споры, разногласия. Мне кажется, что не надо ударять по Кочетову. Он попытался сделать важное и нужное дело, приемом памфлета разоблачая проникновение в наше общество идеологических ди-

версантов. Не всегда написанное им в романе – на должном уровне, но нападать на Кочетова вряд ли полезно для нашего дела» [7].

В свете сказанного отметим, что «оттепель» 1950–1960-х гг. спровоцировала конфликт писательских позиций. Усиление гуманистических тенденций в политической, общественной и литературной жизни породило развитие движения широкой критики творчества представителей разных идейно-мировоззренческих течений: от тех, кто упрекал стиль партийного руководства, его потребительский стандарт противопоставляя бедности рабочего класса, до тех, кто поддерживал просталинские методы администрирования. Подчеркнем, что XX съезд партии стал зримым рубежом в процессе оформления творческих линий: одни писатели от лакировки действительности переходили на позиции критического реализма, другие видели в «оттепеле» направлении «нездоровые» настроения, проявления погрязших основ коммунистической партийности. И те и другие авторы критиковали бюрократов, ошибки руководства, неотложные и острые проблемы жизни, выступали за демонстрацию правды в литературе. Думается, что каждый писатель желал быть услышанным читателями, но самое главное – руководящей властью. Каждый писатель тяжело переживал и переносил процедуру «проработки» художественных произведений. Довольно известны идеологические кампании 1950–1960-х гг. против т.н. оппонентов В. Кочетова – А.Я. Яшина, В.В. Овечкина, Ф.А. Абрамова, В.И. Белова [2, с. 4–13; 8, л. 1; 9, л. 1; 11; 12, с. 98–120; 14; 17; 18] и др. Называя делом политической важности, направляя письмо в Секретариат ЦК КПСС и обращаясь лично к Н.С. Хрущеву, писал в августе 1958 г. И.Г. Эренбург: «В течение последнего года “Литературная газета” и различные литературные журналы выступают против меня с обвинениями, которые никак нельзя назвать товарищеской критикой. Приводя выхваченные из текста цитаты, критики обвиняют меня в том, что я пишу со скрытым политическим подтекстом, и в том, что я идеализирую буржуазный строй. <...> Десятки миллионов читателей получают искаженное представление о моей литературной, политической и моральной позиции. Считаю нужным отметить, что некоторые мои статьи на которые ссылаются критики, были мною даны в печать после того, как с ними познакомились товарищи из ЦК КПСС. <...> Тон критики становится все более резким и, как мне кажется, недопустимым. В журнале “Нева” товарищ Архипов обвиняет меня в “мистификации” советских читателей, т.е. в сознательном намерении ввести их в обман <...> Мне остается единственный выход – запросить Секретариат ЦК КПСС могу ли я при таких обстоятельствах продолжать литературную работу и могу ли вести общественную деятельность, поскольку меня порочат не только как художника, но и как гражданина» [10, л. 48–50].

Противоположность общественных суждений 1950–1960-х гг. о творчестве В. Кочетова и прототипах его художественных произведений, продвижение в изысканиях, касающихся проблематики ментальности, социального портрета рабочего, чиновника, руководителя, представителя советской интеллигенции, процесс анализа отношения к собственности среди вышеназванных категорий и классов, способов при-

нятия управленческих решений обуславливают интерес к аналитике литературного наследия не только В. Кочетова, но и других авторов, участвующих в мировоззренческих баталиях. Ниже публикуемая полемика интересна не только с точки зрения характеристики литературной борьбы между различными группами среди писателей и идеологической обстановки в государстве, но и с позиций выработки новых путей в литературе середины XX столетия, формирования новых черт сознания, трансформации концептуально-идейных представлений.

Вниманию читателей предлагается публикация справки, извлеченной из фонда общего отдела ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ): Ф. 5. – Аппарат ЦК КПСС (1949–1991). Оп. 30. Д. 281, раскрывающей мнения литературных критиков и писателей относительно романа В. Кочетова «Братья Ершовы». Одновременно источник демонстрирует протест и идеологический нажим со стороны литераторов, идейно несогласных с суждениями автора. Номера страниц документа приведены в квадратных скобках. В публикуемый материал внесены орфографические и пунктуационные правки (см. документ № 1).

В качестве предваряющего публикацию документа замечания отметим, что реальным фактом повседневности 1950–1960-х гг. стало общественное размежевание, возникшее ввиду развития и разрастания остросоциальных явлений, таких как бюрократизм, карьеризм, накопительство, собственничество [13; 15; 16]. Эти импульсы считывали писатели, среди которых также распространялись данные тенденции. Пути выхода и локализации негативных реалий отражались в публикаторской активности. В свою очередь критика порождалась концептуальными оценками власти, угодливой позицией публицистов и литераторов по отношению к руководящим структурам, социальным заказом партии относительно тематики произведений, но и всеобщим желанием лучшего будущего для советского государства.

№ 1

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА

[Л. 88] Роман В. Кочетова «Братья Ершовы» вызывает помимо официального обсуждения множество разговоров и толков. Такие разговоры мне довелось слышать и в Ленинграде, и по возвращении в Москву.

«Если восторгается Кочетов с его романом, – сказала И.В. Чертова (заместитель председателя московского отделения Союза писателей), – то это будет весьма плохо для нашей литературы, для ее дальнейшего развития. Я с ужасом думаю, какие будут отклики за рубежом. Ведь роман дает пищу для самых мрачных представлений о нашей жизни. Вся эта атмосфера склоки, подсиживания, интриг – это же чернит нашу жизнь! И какой же рисуется жизнь, где проходимец командует в городе и на заводе, выживает с завода лучшего мастера, влияет и на театр, и на газету, и на все? И именно этот человек пользуется поддержкой из Министерства, из Москвы. Я считаю роман политически неверным. Уж не говорю о том, как небрежно он написан...»

«Я до сих пор гордился тем, что я, простой крестьянский парень, чьи родные и по сей день в колхозе, получил диплом и стал профессором, – сказал ленинградский литературовед Б.И. Бурсов, – а прочел роман Кочетова и увидел, что диплом – это лишнее, – что интеллигенция – это чуть ли не враг советской власти, что хорошим может быть только человек, стоящий у станка. Ведь даже служба у власовцев прощается Ершову и в его предательстве оказывается виноватым не столько он, сколько интеллигент-инженер Воробейный... Стыдно читать этот реакционный роман...»

Примерно на эту тему говорит драматург Б.Ф. Чирсков: «Мы возмущались писаниями ревизионистов о том, что наша литература [Л. 89] и искусство никчемны, лживы, пусты, что искусство якобы утратило революционные традиции. А что же получается у Кочетова? Писатели, художники, артисты, режиссеры – все измелечало, все гонятся за выгодой, за деньгами, нет ни одного стоящего произведения, кроме пьесы «Семья Ершовых», в которой легко узнать пьесу Кочетова «Семья Журбиных». Еще никто так не оплевал, так не очернил наше советское искусство, нашу художественную интеллигенцию, как это сделал Кочетов... Это роман, пропитанный презрением и ненавистью к нашему искусству, роман, выражающий недоверие к нам всем советским интеллигентам».

Писатель В. Воеводин (Ленинград) сказал: «Страшно читать эту книгу, пропитанную ядовитыми намеками на таких писателей как Погодин, Овечкин, Эренбург, Алешин, пропитанную злобой на художников и режиссеров. И если Кочетов ненавидит Эренбурга или Овечкина, то почему же он не видит других – М. Шолохова и К. Федина, Ф. Гладкова и В. Катаева, не видит все наше искусство? Этот роман представляет наше искусство односторонне и неверно».

Литературовед, профессор Б.С. Мейлах сказал: «Этот роман нужно оценивать политически. А политически он идет в разрез с ленинградскими положениями, с политикой партии. В частности, по вопросу об интеллигенции Кочетов почти откровенно стоит на махаевских позициях. С точки зрения вопросов искусства – это позиция по существу пролеткультовская. Понимание социалистического реализма у него примитивное, ничем не отличающиеся от тех осужденных партией догматов, которые считали, что надо писать только о рабочих и на этом основании не считали Горького пролетарским писателем. А художник, нарисованный Кочетовым “спасается” тем, что пишет портрет рабочего Ершова, совсем также, как “спасается” в “Оттепели” Эренбурга художник Сабуров: тот тоже бросает писать пейзажи и рисует стахановца Андреева... Все это фальшиво, нехудожественно и неверно по существу».

Н.В. Томан (член президиума МОСП) сказал: «Я вижу в романе [Л. 90]. некоторые удачи, но в нем множество недоделок художественных и со многими мыслями Кочетова никак нельзя согласиться. Я уж не говорю об интеллигенции и об искусстве, ошибки Кочетова в этих вопросах очевидны. Но меня поразило его отношение к вопросу о восстановлении социалистической законности: как же можно утверждать, что мы просто освободили мерзавцев и негодяев потому, что мы сильны и великодушны, и обойти мол-

чанием тот факт, зафиксированный в партийных документах, что Берия и его подручные избивали партийные и советские кадры? Это звучит как опровержение того, что мы знаем о нарушениях советской законности».

Критик Г.А. Бровман, высказывая в общем такие же соображения, как и приведенные выше, сказал: «Друзья Кочетова распространяют слухи, что роман понравился “наверху”, что об этом есть обязательное, официальное мнение и что в “Правде” набрана редакционная восторженная статья. В этих условиях нелепо выступать с критикой романа: “Литературная газета” поспешит объявить всех, кому роман не нравится, ревизионистами – и только».

Критик В.Ф. Огнев рассказал, что ему сообщили, будто А.И. Аджубей на летучке в «Комсомольской правде» официально ссылаясь на очень высокую оценку. Но, по словам Огнева, это оказалось выдумкой, направленной на то, чтобы на обсуждении романа его не критиковали: никто из сотрудников «Комсомольской правды» таких заявлений Аджубея не подтвердил.

Критик М.М. Кузнецов, ранее работавший в «Правде», сказал, что сторонники романа очень хлопотали, чтобы в «Правде» появилась похвальная статья. Рецензия за подписью В. Михайлова была написана коллективно в редакции «Правды». Она появилась в день обсуждения и вызвала большое разочарование всей кочетовской группы.

М.Р. Шкерин сказал: «Это не редакционное мнение, а статья никому неизвестного Михайлова. С этим можно и нужно спорить» (и на обсуждении он безоговорочно восхвалил роман).

[Л. 91] Ни М.Н. Алексеев, ни В.П. Друзин на обсуждение не пришли. В кулуарах Дома литераторов отсутствие В. Друзина и автора восторженной статьи М. Алексеева обратило на себя внимание. Было всеми замечено и отсутствие всех ведущих писателей: на обсуждении не было не только К.А. Федина, Л.М. Леонова, В.П. Катаева, Р.П. Погодина, но и писателей менее крупных. Даже такие критики, как А.Н. Макаров, Л.И. Скорино, В.В. Ермилов, Б.Л. Сучков, Т.Л. Мотылева, В.Ф. Огнев, С.А. Трегуб, В.В. Смирнова, – отсутствовали. В результате обсуждение проходило при неполном зале и вместо купных писателей выступали такие, как И.Г. Падерин или А.П. Казанцев.

Обсуждение прошло в очень спокойных тонах, но оно не было прямым и искренним: каждый оратор, прежде чем критиковать, высказывал обязательные комплименты, которые потом по существу опровергались его же критическими замечаниями (таковы были речи А. Дементьева, А. Казанцева, К. Горбунова, даже С.С. Смирнова).

В кулуарах это комментировалось.

«Все проходит очень прилично, никому не хочется иметь неприятности и быть проработанным в “Литературной газете”, – сказал А. Бек¹, – но все же Кочетову досталось, и он теперь будет мстить А. Дементьеву и Дорофееву, не простит и Горбунову или Войтинской. Посмотрите, эта группа будет теперь

¹ Бек А.А. (1902 [1903] – 1972) – русский советский писатель.

искать всякого повода, чтобы расправиться с критиками романа».

Уже после обсуждения, когда стали появляться отчеты о нем в «Вечерней Москве», «Литературе и жизни» и, наконец, в «Литературной газете», разговоры о романе возобновились.

«По отчету “Литературной газеты” получается, что роман все хвалили и что Дементьев говорил глупости, – сказала Л.П. Тоом², – а мне рассказывали подробно все речи, и я знаю, что критика была серьезная...»

«Отчет в “Литературной газете” лживый и подлый, он искажает факты», – заявил работник «Московского литератора» Тихомиров.

[Л. 92] Драматург А. Штейн рассказал мне, что в Коктебеле, откуда он недавно приехал, и в Переделкине, где он отдыхает на даче, почти все писатели без исключения резко отрицательно относятся к роману: «Гуляют по Переделкину К. Федин с Л. Леоновым, В. Иванов с К. Чуковским, Иракий Андронников с В. Катаевым, и издеваются над Кочетовым, рассказывают друг другу самые вопиющие эпизоды, приводят цитаты, а выступать никто из них не хочет, все боятся неприятностей, берегут нервы».

Начальник 4 управления Комитета
госбезопасности при Совете министров СССР
(Питовранов).
«13» октября 1958 г.

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 281. Л. 88–92. Машинопись.

Литература

1. Владимирова, В. Советский идеалист / В. Владимирова // Сетевое издание «Совершенно секретно». – URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/sovetskiy-idealist/> (дата обращения: 10.11.2022). – Текст : электронный.
2. Дорогой ценю... : Писатели о русском крестьянстве середины XX в. / составитель Ю. Н. Сенчуков. – Москва : Современник, 1989. – 410 с.
3. Золотоносов, М. Ленинградская двухдневка ненависти: «Братья Ершовы» против «Доктора Живаго» / М. Золотоносов // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 2 (120). – С. 94–123. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2013/2/leningradskaya-dvuh-dnevka-nenavisti-bratya-ershovy-protiv-doktora-zhivago.html> (дата обращения: 10.11.2022). – Текст : электронный.
4. Кочетов В. А. // Энциклопедия Коммунист.Ru. – URL: https://kommunist.ru/Кочетов_Всеволод_Анисимович (дата обращения: 10.11.2022). – Текст : электронный.
5. Матвиенко, П. П. Всеволод Кочетов – редактор: забытые имена / П. П. Матвиенко // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. – 2013. – № 8. – С. 135–143.
6. Огрызко, В. Далекий от эстетики ортодокс: Всеволод Кочетов / В. Огрызко // Интернет-портал «Литературная Россия». – 2015. – № 2010 / 22. – 23 февраля. – URL: <https://litrossia.ru/item/4387-oldarchive/> (дата обращения: 10.11.2022). – Текст : электронный.
7. Петелин, В. В. История русской литературы второй половины XX века. Том II. 1953–1993. В авторской редакции / В. В. Петелин – Центрполиграф, 2013. – URL: <https://r8.rbook.top/book/16520301/read/page/1/> (дата обращения: 10.11.2022). – Текст : электронный.
8. Российская государственная библиотека им. В.И. Ленина (РГБ). Ф. 647. К. 20. Ед. хр. 55.
9. РГБ. Ф. 647. К. 35. Ед. хр. 4.
10. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 281.
11. Столетова, А. С. «У писателей, читателей и руководства обкома КПСС Вологды к вам сейчас самое доброе отношение»: о творческой и идейной взаимосвязи А. Я. Яшина и С. В. Викулова / А. С. Столетова, К. В. Кушнерова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 1. – С. 29–34.
12. Столетова, А. С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера : монография / А. С. Столетова ; Министерство науки и высшего образования РФ, Вологодский государственный университет. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 143 с.
13. Столетова, А. С. Жилищно-бытовые условия в 1950-е годы: общественное восприятие проблемы социального обустройства и неравенства / А. С. Столетова, К. В. Кушнерова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2021. – № 3 (22). – С. 24–32.
14. Столетова, А. С. Идеологическая кампания против писателя А.Я. Яшина, инспирированная властью в первой половине 1960-х гг. / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2019. – № 1 (12). – С. 47–50.
15. Столетова, А. С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) / А. С. Столетова. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422 // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 402–422.
16. Столетова, А. С. Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950–1980-х годов (документальные свидетельства эволюции) / А. С. Столетова. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-481-498 // Научный диалог. – 2021. – № 10. – С. 481–498.
17. Столетова, А. С. Писательский авторитет в процессах общественных трансформаций 1960–1970-х гг. (мировоззренческая проекция и идеологическая подоплека) / А. С. Столетова. – DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-179-186> // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26. – № 4. – С. 179–186.
18. Столетова, А. С. Русская деревня в жизни и творчестве В.И. Белова в 1960-е гг. / А. С. Столетова. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201812Statyi03 // Вопросы истории. – 2018. – № 12. – С. 111–119.

A.S. Stoletova, K.V. Kushnereva

LITERARY AND IDEOLOGICAL CRITICISM OF THE PRODUCTION NOVEL THE ERSHOV BROTHERS BY V.A. KOCHETOV

The article analyzes the report prepared by E.P. Pitovranov, the head of the Fourth Department of the State Security Committee under the Council of Ministers of the USSR. The authors conclude that there was certain pressure on the writer V.A. Kochetov as he wrote an ideologically «imperfect» novel *The Ershov Brothers* about the decay of the Soviet society. The study supplements the description of the literary events in the 1950s–1960s.

V.A. Kochetov, *The Ershov Brothers*, ideological campaign, censorship, «thaw», criticism, socialist realism, production novel.

² Тоом Л.П. (1890–1976) – советская писательница и журналистка, литературный критик, переводчик с эстонского языка.

А.А. Терещук
*Российский государственный педагогический
 университет им. А.И. Герцена*

ОБРАЗ КАРЛИСТСКОГО ГЕНЕРАЛА Т. ДЕ СУМАЛАКАРРЕГИ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ 1830-Х ГГ.

Анализируются публикации в издании «Санкт-Петербургские ведомости», посвященные лидеру испанских карлистов Т. де Сумалакарреги (1788–1835). Сравнивается оценка деятельности генерала в напечатанных в газете переводах из зарубежных изданий и в оригинальных материалах.

Испания, карлизм, Первая карлистская война, Сумалакарреги, пресса, «Санкт-Петербургские ведомости».

Вступление

Первая карлистская война (1833–1840) – внутренний конфликт в Испании между сторонниками либеральных преобразований в обществе и крайними консерваторами («карлистами» – по имени претендента на престол Карлоса Марии Исидро де Бурбона, также известного как «дон Карлос»). В 1833 г., после смерти короля Фердинанда VII, карлисты, несогласные с решением покойного монарха передать престол своей малолетней дочери Изабелле, подняли восстание. Война продлилась до 1840 г. и закончилась поражением повстанцев.

За более чем полтора столетия, прошедших после окончания конфликта, истории Первой карлистской войны было посвящено значительное количество исследований (так, М. Лоуренс выделяет 5 научных школ в историографии раннего карлизма [13, р. 6–9]). При этом вплоть до недавнего времени данная тема находила отражение почти исключительно в трудах испанских историков. В последние 5–10 лет можно отметить рост интереса к конфликту у специалистов из других стран, был опубликован ряд работ на русском, английском и французском языках (см., например: [2; 3; 5; 13; 14; 17]). В то же время дальнейшие исследования, основанные на неиспанских источниках, открывают новые перспективы в научном изучении Первой карлистской войны, в первую очередь в области международных связей карлистского движения и восприятия конфликта за рубежом.

Одной из перспективных тем для исследования является проблема взаимоотношений между Россией и карлистами. Война в Испании вызвала значительный интерес в российском обществе; Николай I оказывал финансовую поддержку карлистам и разорвал дипломатические отношения с либеральным правительством в Мадриде. Наиболее полным (хотя и не единственным) исследованием, посвященным данной теме, является статья Х.Р. Уркихо Гойтии, опубликованная еще в 1988 г. [15]. Данная работа основывается на материалах испанских и итальянских архивов, но не привлекает источники российского происхождения. Релевантным дополнением к уже опубликованным исследованиям в области российско-карлистских

отношений является анализ освещения конфликта в отечественной прессе. Изучение публикаций в российских газетах 1830-х гг. имеет значение для формирования объективной картины отношений между Россией и противоборствующими сторонами в Первой карлистской войне, а также для анализа рецепции раннего карлизма вне Испании. Настоящая статья служит продолжением ряда публикаций, появившихся в последние годы и обращающихся к рассмотрению моделей репрезентации конфликта в Испании во французской и немецкоязычной прессе 1830-х гг. [7; 8; 14].

Одной из центральных тем, связанных с изучением отражения карлизма в российских газетах, является рассмотрение того, как в отечественной прессе изображались лидеры движения. За последние несколько лет был опубликован ряд статей, посвященных анализу формирования образа его руководителей в литературе и в изобразительном искусстве [4; 9; 10; 17]. В то же время тема освещения карлистского восстания и представления его лидеров в отечественной прессе того времени пока остается практически не затронутой ни в русскоязычной, ни в зарубежной историографии.

В настоящей статье делается попытка проанализировать образ Томаса де Сумалакарреги (далее – Сумалакарреги), наиболее известного руководителя карлистского движения на начальном этапе войны (1833–1835). В качестве источника выступают публикации в газете «Санкт-Петербургские ведомости» с октября 1833 г. по июль 1840 г. (т.е. во время Первой карлистской войны). Выбор данного издания обусловлен тем, что «Ведомости» не только были газетой, отражавшей официальную точку зрения властей, но и регулярно писали о событиях в Испании. Как показал просмотр всех выпусков «Ведомостей» за изучаемый период, 1455 номеров из 1953 (74,3%) сообщали о ходе боевых действий на Пиренейском полуострове. Сумалакарреги получил широкую известность во время конфликта, впоследствии полководец стал героем нескольких литературных произведений. В период правления генерала Ф. Франко (1939–1975) Сумалакарреги превратился в культовую фигуру для испанских властей и одновременно, что может показаться

парадоксальным, для боевиков из леворадикальной баскской террористической организации «ЕТА» (о трансформациях образа генерала в литературе и политическом дискурсе см.: [16]). Таким образом, рассмотрение того, как данный персонаж изображался на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», представляется значимым не только в контексте изучения Первой карлистской войны, но и будет актуально для работ по истории испанской литературы и культуры XIX–XX вв.

Все просмотренные номера газеты «Санкт-Петербургские ведомости» хранятся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург); читатели также могут ознакомиться с ними на официальном сайте учреждения. При цитировании публикаций из «Ведомостей» даты указываются по юлианскому календарю; события в Испании датируются по юлианскому и григорианскому календарям. Анализируемые публикации представляют собой либо переводы статей из зарубежных газет, либо оригинальные тексты, написанные специально для столичного издания. В ходе проведения исследования основное внимание было уделено не коротким сообщениям о ходе боевых действий, почти ежедневно появлявшимся в «Ведомостях», а «аналитическим» материалам (биографическим заметкам, рассказам очевидцев, обзорным статьям), связанным с фигурой Сумалакарреги. Для работы с материалами были использованы методы контент-анализа, нарративного анализа (для работы с публикациями, предлагавшими литературно обработанную версию событий) и семантического анализа (как отдельных лексем, так и связных текстов).

Результаты исследования

На начало Первой карлистской войны Сумалакарреги (1788–1835) был ничем не примечательным офицером, полковником в отставке, ветераном войны против наполеоновской Франции (1808–1814) и Роялистской войны (1821–1823). Осенью 1833 г. он примкнул к восстанию сторонников дона Карлоса на севере Испании и вскоре возглавил карлистские вооруженные силы в Наварре и Стране Басков. Сумалакарреги проявил себя как настоящий мастер партизанской войны, нанес ряд чувствительных поражений правительственным войскам и за полтора года превратил разрозненные группы плохо вооруженных крестьян в полноценную армию. За успешные действия он был произведен доном Карлосом в генерал-лейтенанты. Блестящая карьера Сумалакарреги оборвалась в июне 1835 г., во время осады Бильбао. Генерал был ранен шальной пулей; ранение, поначалу казавшееся неопасным, привело к осложнениям, и 24 июня Сумалакарреги скончался. Его смерть стала тяжелым ударом для карлистского движения (о роли Сумалакарреги в истории раннего карлизма см.: [3]).

Впервые Сумалакарреги был упомянут в «Ведомостях» 12 декабря 1833 г. (12 декабря 1833. № 291. С. 231). Непривычная для носителей русского языка фамилия часто искажалась, и на страницах газеты можно зафиксировать многочисленные варианты ее написания: «Сумала-Карресуи» (29 декабря 1833. № 303/304. С. 1281), «Сумало Корреги (17 января 1834. № 13. С. 50), «Сумала-Каррегни» (20 января 1834. № 16. С. 61) и др.

Впрочем, с лета 1834 г., когда карлистский генерал начал упоминаться в «Ведомостях» почти ежедневно, в качестве нормы орфографии установились варианты «Сумалакарреги» либо «Сумалакаррегни».

Первым крупным успехом Сумалакарреги стала победа в деле у Альсасуа 10 (22) апреля 1834 г. [6, р. 195]. Показательно, что, рассказывая о данном сражении, «Ведомости» впервые с начала конфликта в первую очередь опубликовали бюллетень, выпущенный карлистами (5 мая 1834. № 102. С. 399), и только через несколько дней разместили официальное сообщение из Мадрида (9 мая 1834. № 105. С. 412). В газете было напечатано, что Сумалакарреги, «Главнначальствующий в Гвипуское и Наварре, разбил колонну гордого Квезады (генерал В. де Кесада, командующий правительственной армией на севере Испании. – А. Т.)... и принудил его к постыдному отступлению» (5 мая 1834. № 102. С. 399). Этот успех привлек внимание всей Европы к действиям Сумалакарреги, который предыдущие несколько месяцев ограничивался преимущественно партизанской войной. Через несколько дней «Ведомости» опубликовали перевод обращения карлистского главнокомандующего к правительственным войскам, в котором он предлагал им переходить на сторону «законного короля Карла V» (18 мая 1834. № 113. С. 443). Впоследствии подобного рода прокламации будут регулярно появляться на страницах «Ведомостей».

17 августа 1834 г. «Ведомости» опубликовали перевод биографии Сумалакарреги из «одного английского журнала». Данный текст содержал несколько неточностей (у Сумалакарреги был перепутан чин, неправильно указан мотив его выхода в отставку в 1832 г.) и указывал, что причиной участия данного героя в карлистском восстании стало то, что он «был обойден при наградах, розданных Регентшею (вдовствующей королевой Марией-Кристиной. – А. Т.) при вступлении в управление» (17 августа 1834. № 190/191. С. 746). Данная публикация рисовала не самый привлекательный образ Сумалакарреги и сильно расходилась с идеализированными представлениями о генерале, характерными для карлистского дискурса (как, например, в [12]). 11 ноября 1834 г. «Ведомости» опубликовали еще один переводной текст, негативно характеризующий Сумалакарреги. В заметке рассказывалось о внутренних расприях среди карлистов и говорилось о «честолюбивых замыслах» генерала (11 ноября 1834. № 262. С. 1021). В 1834–1835 гг. некоторые карлисты обвиняли Сумалакарреги в «бонапартизме», желании главнокомандующего сместить дона Карлоса и стать диктатором или даже королем. Вскоре после смерти генерала французский дипломат Ш.М. де Талейран скажет: «Сумалакарреги всегда умел сохранять независимость от камарильи дона Карлоса и от ханжества принца. Он смог преодолеть это препятствие, заявив, что видит в доне Карлосе всего лишь одного из солдат армии, которая сражается за дело легитимизма» [16, р. 252]. У нас нет серьезных оснований утверждать, что Сумалакарреги действительно готовил переворот против дона Карлоса, но несомненно, что внутри движения существовали противоречия, и часть информации об интригах в лагере повстанцев попадала на страницы прессы.

В то же время «Ведомости» оставили практически без внимания получивший впоследствии печальную известность эпизод со взятием карлистами Вильяфранки (16) 28 ноября 1834 г. Газета опубликовала на эту тему короткую заметку, перевод из французской «*Mémorial Bordelais*». В данном тексте применительно к Сумалакарреги употреблялся эпитет «свирепый», но в целом сообщение представляло собой ничем не примечательную новость, короткое описание рядового военного эпизода (21 декабря 1834. № 297. С. 1154). Через несколько лет о расправе над пленными¹ в Вильяфранке рассказали в своих мемуарах несколько участников событий; по словам барона Г. дю Касса, главнокомандующий «отличился» тем, что лично нанес по удару плетью женам сдавшихся в плен солдат противника [11, р. 43]. Уже в конце XIX в. этот эпизод вошел в роман Б. Переса Гальдоса «Сумалакарреги» [4, с. 124].

Упомянутые выше материалы, дававшие негативную оценку фигуре генерала, представляли собой переводы из английских и французских газет. При этом на страницах «Ведомостей» периодически появлялись и публикации, рисовавшие Сумалакарреги в положительном ключе. 13 июня 1835 г. была напечатана большая «аналитическая» статья от редакции газеты, посвященная деятельности карлистского главнокомандующего. Данный текст перечислял все сложности, с которыми столкнулся Сумалакарреги в начале войны, и отмечал его талант как полководца. «Система войны, которой доселе следовал Сумалакарреги с твердостью, имела, по-видимому, совершенный успех... Полтора года тому назад не было у Сумалакарреги ни одного солдата в Наварре, а теперь у него под командою 30000 пехоты, конницы и артиллерии», — утверждал анонимный автор из «Ведомостей». Статья заканчивалась выводом, что генерал, «бесспорно, обладает великим воинским дарованием» (13 июня 1835. № 131. С. 530). Данные слова перекликались с оценкой, которую годом ранее дал генералу главный начальник III Отделения А.Х. Бенкендорф: «Во главе инсургентов стал народный герой Сумалакарреги (так! — А. Т.), обладавший организаторскими способностями и сумевший создать из нестройных отрядов дисциплинированную армию, численность которой беспрестанно увеличивалась» [1, с. 476].

Как уже было отмечено выше, 3 (15) июня 1835 г. Сумалакарреги получил ранение, от которого скончался 12 (24) июня [6, р. 221]. Первое сообщение о его ране было опубликовано 25 июня, этому событию была посвящена большая часть раздела «Иностранные известия» (25 июня 1835. № 141. С. 568–569). 2 июля «Ведомости» сообщили о смерти главнокомандующего. Перепечатав сообщение из «*Élection de Bordeaux*» о том, что рана Сумалакарреги изначально казалась легкой, редакция российской газеты добавила от себя следующую фразу: «Надобно полагать, что Сумалакарреги не последовал совету врача и сделался жертвою своего геройского рвения и своей неуто-

мимой деятельности» (2 июля 1835. № 147. С. 593). В следующие несколько дней информация о Сумалакарреги появлялась в каждом номере. 6 июля «Ведомости» написали, что именно рана и последующая смерть генерала «лишили Наваррцев бодрости» и не позволили взять Бильбао (6 июля. № 151. С. 609). 9 июля газета рассказала о последних днях лидера карлистов, «кончина» которого была «очень мучительна», при этом в статье указывалось, что он «с твердостью перенес операцию» по извлечению пули (9 июля. № 153. С. 616). «Ведомости» изображали Сумалакарреги как героя войны, жертвующего собой ради «короля» и стойчески претерпевающего боль от тяжелой раны. При этом тональность российской газеты представляется гораздо более умеренной, чем характер французской легитимистской прессы, особенно «*La Gazette de France*», которая публиковала о Сумалакарреги тексты, больше напоминающие жизнеописание святого, чем рассказ о жизни офицера [3, с. 146–147].

Естественно, вскоре после смерти Сумалакарреги сообщения о генерале постепенно исчезли из газеты. До конца войны он появлялся на страницах «Ведомостей» еще несколько раз. Каждый раз упоминания Сумалакарреги имели исключительно положительные коннотации. 24 июля 1836 г. на первой полосе газеты была опубликована большая статья про нового главнокомандующего карлистов Б. Вильярреала (с 3 (15) июня 1836 г. [6, р. 249]). Одним из «достоинств» этого офицера было то, что Сумалакарреги «особенно отличал его» (24 июля 1836. № 166. С. 729). 4 августа 1836 г. «Ведомости» напечатали «Эпизоды из нынешней испанской войны» (перевод с французского оригинала, написанного неким «Д.»). Из четырех эпизодов Сумалакарреги фигурирует в трех. Он предстает в роли «сурового» военного лидера, строго придерживающегося правил и заведенных порядков. Генерал испытывает презрение к проявлениям малодушия и без сожаления отправляет на расстрел пленного, умоляющего о пощаде. В то же время Сумалакарреги восхищается мужественным поведением противника и приглашает за свой стол взятого в плен офицера, о сохранении жизни которого он безуспешно ходатайствует перед доном Карлосом и которого он вынужден казнить на следующее утро (4 августа 1836. № 175. С. 571–572).

«Эпизоды» основаны на реальных событиях, но предлагают литературно обработанную версию происходящего. Сумалакарреги в данном тексте больше напоминает не живого человека, а древнеримского героя, ставящего «гражданские добродетели» выше, чем личную привязанность или сострадание. Образ генерала в данном тексте можно соотнести со словами британского добровольца в армии дон Карлоса Ч.Ф. Хеннингсена, который дал следующую характеристику Сумалакарреги: «Вы могли бы легко предположить его в роли одного из тех вождей, которые вели европейцев освобождать Святую Землю; он обладал той же рыцарственной отвагой, непоколебимой суровостью и бескорыстным рвением» [12, р. 92].

Заключение

С декабря 1833 г. по июль 1835 г. Сумалакарреги регулярно упоминался на страницах «Ведомостей».

¹ На начальном этапе войны, до заключения конвенции Элиота в 1835 г., расстрелы пленных были распространенной практикой с обеих сторон. Взятых в плен офицеров ждала неминуемая казнь, солдатам чаще предлагали перейти на другую сторону.

В переводных статьях из французских и английских газет либеральной направленности преобладают отрицательные коннотации в описании данного персонажа; показательным являются описания расправ над военнопленными, употребление эпитета «свиный» применительно к генералу, обвинения Сумалакарреги в карьеризме. Данная оценка объясняется тем фактом, что в Первую карлистскую войну Англия и Франция поддерживали правительство в Мадриде. Английские и французские либералы сочувствовали своим единомышленникам в Испании, и закономерно, что образ главнокомандующего армией дон Карлоса в либеральном дискурсе рисовался преимущественно «черными красками».

В оригинальных текстах «Ведомостей» и в переводах, авторство которых можно атрибутировать европейским легитимистам, создается положительный образ Сумалакарреги. На первый план в описании карлистского главнокомандующего выходят такие качества, как его преданность «делу» дон Карлоса, принципиальность, готовность ставить свой долг выше личных привязанностей. Уже через несколько лет после смерти Сумалакарреги превратился в культовую фигуру для карлистского движения. На страницах «Ведомостей» нашли отражение идеализированные представления о генерале, характерные для дискурса сторонников дон Карлоса (то есть духовенства, мелкого дворянства и зажиточного крестьянства севера Испании). Создание положительного образа Сумалакарреги на страницах «Ведомостей» может быть объяснено отношением к карлизму российских властей. Россия оказывала финансовую поддержку движению, а самого дон Карлоса можно определить как агента влияния «Северных держав» (России, Австрии, Пруссии). Публикации в одной из главных газет Российской империи пытались вызвать у читателей симпатии к дружественному нашей стране политическому движению в Испании и к одному из его лидеров.

Литература

1. Бенкендорф, А. Х. Записки графа А. Х. Бенкендорфа / А. Х. Бенкендорф // Император Николай Первый. – Москва : Русский мир, 2002. – С. 444–488.
2. Василенко, Ю. В. Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма / Ю. В. Василенко // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2016. – Т. 16, вып. 1. – С. 92–111.
3. Терещук, А. А. Т. де Сумалакарреги и его роль в Первой Карлистской войне (1833–1840) / А. А. Терещук //

Вестник Пермского университета. История. – 2017. – № 2 (37). – С. 146–155.

4. Терещук, А. А. Роман Бенито Переса Гальдоса «Сумалакарреги» и трансформации исторических мифов в литературе / А. А. Терещук // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 120–129.

5. Юрчик, Е. Э. Испания при Изабелле II / Е. Э. Юрчик // История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. – Москва : ИНДРИК, 2014. – С. 295–326.

6. Albi de la Cuesta, J. El ejército carlista del norte (1833–1839) / J. Albi de la Cuesta. – Madrid : Desperta Ferro Ediciones, 2017. – 496 p.

7. Beltrán Gandullo, M. Una aproximación empírica-descriptiva sobre la prensa de lengua alemana y sobre sus redactores-corresponsales en el contexto de la Primera Guerra carlista (1833–1840) / M. Beltrán Gandullo // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2019. – № 34 (100). – P. 71–98.

8. Blanchard Rubio, L. La prensa de opinión francesa frente al conflicto carlista o la lógica de la recuperación / L. Blanchard Rubio // Prensa, política e historia. – 2011. – № 12. – P. 7–18.

9. Delano, C. Masculinity, Affect, and Carlist Malestar in «Zumalacárregui» / C. Delano // Anales Galdosianos. – 2020. – Vol. 55. – P. 13–26.

10. Delano, C. The Gothic Child and the Signs of Hate in Wenceslao Ayguals de Izco's «El tigre del Maestrazgo» (1846–1848) / C. Delano // Romance Notes. – 2021. – Vol. 61, № 2. – P. 331–340.

11. Du-Casse, H. Ecos de Navarra o Don Carlos y Zumalacárregui. Hechos históricos, detalles curiosos y recuerdos de un oficial carlista / H. Du-Casse. – Madrid, 1840. – 158 p.

12. Henningsen, C. F. The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacárregui in Navarre and the Basque Provinces. By C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos. Vol. I / C. F. Henningsen. – London: John Murray, Albemarle-street, 1836. – 302 p.

13. Lawrence, M. Spain's First Carlist War, 1833–40 / M. Lawrence. – Palgrave: Basingstoke, 2014. – 283 p.

14. Pauquet, A. Le Phare de Bayonne, un Journal frontalier face à la Première guerre carliste (novembre 1834 – mai 1836) / A. Pauquet // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2019. – № 34 (100). – P. 39–70.

15. Urquijo Goitia, J. R. El carlismo y Rusia / J. R. Urquijo Goitia // Hispania: Revista española de historia. – 1988. – Vol. 48, № 169. – P. 599–624.

16. Urquijo Goitia, J. R. Tomás Zumalacárregui, literatura y mito / J. R. Urquijo Goitia // Revista de historia Jerónimo Zurita. – 2011. – № 86. – P. 249–280.

17. Viscarri, D. Augusto Ferrer-Dalmau: Nostalgia, Cultural Angst, and the Recovery of Aesthetic Carlism / D. Viscarri // Revista Canadiense de Estudios Hispánicos. – 2019. – Vol. 43, № 3. – P. 719–743.

A.A. Tereshchuk

THE IMAGE OF THE CARLIST GENERAL T. DE ZUMALACÁRREGUI IN THE RUSSIAN PRESS OF THE 1830s

The author analyses the publications from the newspaper «Sankt-Peterburgskie Vedomosti» about the leader of the Spanish Carlists T. de Zumalacárregui (1788–1835). The study focuses on the differences in the interpretation of the General's activities between the original sources and in their translations into Russian.

Spain, Carlism, First Carlist War, Zumalacárregui, press, «Sankt-Peterburgskie Vedomosti».

И.А. Трофимов

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
средняя общеобразовательная школа № 147
Красногвардейского района Санкт-Петербурга*

ФУНКЦИИ ПОПЕЧИТЕЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА III

На современном этапе изучения истории образования Российской империи роль попечителя учебного округа изучена во многих научных работах. Однако для Санкт-Петербургского учебного округа данная работа не была предпринята. В данной статье проведен анализ функций попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III. В ходе исследования были выявлены персональный состав, а также раскрыты функции и особенности попечителя, которые носили региональный характер – взаимодействие с постоянной комиссией по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге и его окрестностях, разрешение организации литературных чтений и публичных лекций в Санкт-Петербурге и в губернских городах округа, а также организация управлением русских учебных заведений в Великом княжестве Финляндском. Основным выводом статьи является то, что, с одной стороны, попечитель представлял в министерстве народного просвещения введенный ему учебный округ и стремился отстаивать его интересы. Однако данная должность предполагала контроль за исполнением политики в области образования. Другим выводом может является то, что данная должность являлась посреднической между Министерством народного просвещения и местными учебными заведениями округа в вопросах организации управления и надзора над ними.

Санкт-Петербургский учебный округ, попечитель учебного округа, учебный округ, Министерство народного просвещения, великое княжество Финляндское, Александр III.

В современной российской историографии история учебных округов Российской империи вызывает интерес исследователей. Имеются работы по истории Казанского, Оренбургского, Московского, Западно-Сибирского и других учебных округов [2; 4; 12–13; 15]. Вместе с тем, нет специальной работы, посвященной истории и органам управления Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III. Большинство трудов по истории столичного округа посвящено периоду правления Александра I, то есть в то время, когда университеты имели автономию и были центрами учебных округов [8–10]. Однако трудов по функции попечителя Санкт-Петербургского учебного округа на настоящий момент не имеется, чем обосновывается новизна исследования.

Описывая основные права и обязанности, механизм назначения попечителя, стоит отметить, что они подробно разобраны в современной отечественной историографии [5; 15, с. 105–129; 16–17]. Мы проанализируем и раскроем функции, которые были только у попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. На законодательном уровне, по штатам учебных округов, принятых 25 июня 1835 г., предполагался один попечитель на округ. В период правления Александра III учебный округ возглавляли: Ф.М. Дмитриев (1881–1884); генерал-лейтенант И.П. Новиков (1885–1890); М.Н. Капустин (1890–1899).

Попечитель входил в совет министра народного просвещения с 1863 по 1917 гг. (как и остальные попечители округов), где решались вопросы, превышающие их полномочия, а также рассматривались годовые отчеты Министерства [3, с. 131].

Отличительной чертой попечителя Санкт-Петербургского учебного округа было взаимодействие с постоянной комиссией по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге и его окрестностях, а также разрешение организации литературных чтений и публичных лекций в Санкт-Петербурге, а также в губернских городах округа (данное право попечитель округа получил в 1862 г., и столичный округ стал площадкой для «испытания» данного нововведения. В 1863 г. «опыт» признали удачным и распространили на остальные учебные округа империи) [26, л. 22].

Постоянная комиссия по устройству народных чтений (изначальное название – комиссия для ведения дела по устройству общедоступных чтений для народа) была создана в 6 апреля 1872 г. по прошению Санкт-Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова с целью уменьшения в массе столичного населения разгула и пьянства. Цель комиссии состояла в распространении общешкольных знаний в форме публичных лекций и ее основной функцией было издание дешевых книг для народных чтений и лекций. На комиссию также возлагалась обязанность по разработке общих правил относительно порядка устройства чтений для народа. Она находилась в непосредственном ведении министра народного просвещения и отчитывалась перед ним [3, с. 134; 23, с. 70; 27, с. 184–185]. В 1893 г. ее деятельность будет распространена на всю территорию округа. В период правления Александра III председателями комиссии были: окружной инспектор Санкт-Петербургского учебного округа В.И. Лапин (1879–1882); член ученого комитета Министерства народного просвещения и русский педагог И.П. Хрущов (1882–1897). В почетные члены комис-

сии были избраны в 1888 г. попечитель округа И.П. Новиков, а в 1891 г. – М.Н. Капустин [1, с. 79–80; 25, л. 125–125 об.].

В 1870-х – начале 1880-х гг. от попечителя Санкт-Петербургского округа зависели следующие вопросы комиссии и организации народных чтений: а) получать разрешение губернатора на проведение данного мероприятия и контролировать их исполнение; б) в случае отсутствия директора народных училищ попечитель назначал окружного инспектора или другое лицо из учебного ведомства для надзора за чтениями; в) через своих подчиненных быть в курсе, чтобы чтения не проводились на фабриках и заводах, сочинения для публичного чтения не произносились, а читались по тексту и были заранее одобрены духовным ведомством (если текст относился к церкви) или ученым комитетом министерства народного просвещения; г) через попечителя отправлять на утверждение министра народного просвещения лицо, назначенное комиссией по устройству народных чтений в почетные члены [27, с. 185–186]; д) с 1875 по 1885 гг.¹ уведомлять комиссию о переменах в ее составе, предлагать лиц на назначение в комиссию на подпись министру, а также выступать посредником между министром и комиссией [14, с. 156–158; 25, л. 2–14, 22, 27, 33, 62, 65–65 об., 87].

Исходя из вышесказанного, можно увидеть, что попечитель обладал широким набором прав и обязанностей для организации народных чтений, а также для взаимодействия с комиссией по организации народных чтений.

Однако в 1880-е гг. наблюдается постепенное падение роли попечителя в данных вопросах, и рост влияния министра народного просвещения. По порядку разрешения публичных чтений в Санкт-Петербурге 1883 г. они разрешались только градоначальником. Данное решение объяснялось тем, что попечителю, обремененному своими прямыми обязанностями, «требования полицейского свойства данного времени не могут быть вполне известны». Как считает Д.И. Попов, данные правила преследовали сугубо политические цели, т.е. контроль внешкольной общественной деятельности со стороны государства, с чем автор работы полностью согласен [23, с. 72]. Но стоит отметить, что за главой округа оставалось право давать разрешение на чтения, проводимые в стенах учебных заведений и устраиваемые постоянной комиссией народных чтений в Санкт-Петербурге и его окрестностях [6, с. 843; 28, с. 839]. В 1887 г. происходят два события: 1) публичные чтения, устраиваемые постоянной комиссией, были изъяты из ведения попечителя [28, с. 839–840]; 2) разрешение на чтения, устраиваемые комиссией, передавались от попечителя председателю комиссии или его заместителю [6, с. 415]. Одно из немногих, что сохранил за собой попечитель округа – назначение лица, которое ведет надзор за чтениями, которые устраивает комиссия народных чтений Санкт-Петербурга [29, с. 34–35].

На первый взгляд, данная эволюция прав и обязанностей попечителя столичного учебного округа

может служить дополнительным аргументом в пользу традиционной точки зрения об усилении государственного контроля в области образования в период правления Александра III, а также усилением роли министра народного просвещения в деле организации публичных чтений и лекций [7, с. 22–25; 11, с. 363–365; 24, с. 313–318; 29, с. 57–58; 31, с. 28–29]. Вместе с тем, данная точка зрения нуждается в дополнении.

В 1883–1884 гг. столичному округу были переданы русские учебные заведения Великого княжества Финляндского. И глава округа играл немаловажную роль в правильной организации поставленных ему задач. Именно он: а) назначал окружного инспектора в данный регион для руководства и ревизий русскими народными школами в данном регионе; б) вел переписку с финляндским генерал-губернатором и Министерством народного просвещения; в) знакомился через окружного инспектора с деятельностью совещательного комитета по делам русских учебных заведений в Финляндии; г) мог ревизировать учебные заведения региона; д) составлять отзывы о разъяснении определенных вопросов, вызывающих затруднения по учебной части директоров учебных заведений или совещательного комитета и решал другие вопросы, касающиеся учебной стороны заведений [18, л. 1–3; 19, л. 11, 13–15, 24–24 об.; 20, л. 9 об.–10; 21; л. 8 об.–9, 18; 22, л. 3, 19, 52–52 об.].

Приведенное дополнение показывает нам, что, с одной стороны, постановления 1880-х гг. внешне усиливают власть министра народного просвещения и сокращают влияние попечителя столичного учебного округа, однако, с другой стороны, присоединение русских учебных заведений Великого княжества Финляндского в состав столичного округа требовало от попечителя большего внимания. Именно этим, на наш взгляд, и объясняется то, что вопросы организации и проведения народных чтений переходили от попечителя к Министерству народного просвещения и постоянной комиссии по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге и его окрестностях.

Подводя итог правам и обязанностям попечителя столичного округа, стоит отметить, что, с одной стороны, попечитель представлял в министерстве народного просвещения вверенный ему учебный округ и стремился отстаивать его интересы. Однако данная должность предполагала контроль за исполнением политики в области образования. Если применить к учебному округу систему управления страной, то данная должность напоминает функции (отчасти) императора Российской империи или Министра определенного ведомства. Так как на попечителе замыкалась система управления большой территорией, он являлся ее представителем, а также имел право «последнего слова» в некоторых вопросах. Однако, мы считаем, что попечитель выполнял своего рода роль «посредника» между Министерством народного просвещения и местными учебными вопросами и был частью государственной структуры.

Литература и источники

1. Агафонова, Я. Я. Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений / Я. Я. Агафонова // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 156. – С. 77–93.

¹ Даты условные и взяты автором исследования, опираясь на исследование взаимодействия попечителя и постоянной комиссии по устройству народных чтений.

2. Блинов, А. В. Организация и развитие Западно-Сибирского учебного округа (1885–1918) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Блинов Алексей Владимирович. – Кемерово, 2000. – 213 с.
3. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Том 3. Центральные государственные учреждения. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 228 с.
4. Галлиулина, С. Д. Персональный состав попечителей Оренбургского учебного округа / С. Д. Галлиулина // Вестник Томского Государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 58 – 61.
5. Галлиулина, С. Д. Деятельность попечителя учебного округа / С. Д. Галлиулина // Вестник Башкирского университета. – 2010. – № 1. – С. 241–244.
6. Демант, В. Ф. Алфавитный сборник законоположений и распоряжений, помещенных в циркулярах по С.-Петербургскому учебному округу за время с 1883 по 1893 гг. включительно с приложением хронологического указателя / В. Ф. Демант. – Санкт-Петербург : тип. и лит. А. Якобсона насл., 1895. X, 1288, XXXIX с., 1 л. табл.
7. Егоров, С. Ф. Теоретические проблемы содержания школьного образования в педагогике России конца XIX – начала XX века / С. Ф. Егоров // Вопросы истории школы и педагогики дореволюционной России : сборник научных трудов / под редакцией Э. Д. Днепров. – Москва, 1978. – С. 22–36.
8. Жуковская, Т. Н. Система управления и административная практика в Петербургском университете в первой половине XIX в. / Т. Н. Жуковская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2015. – № 3. – С. 21–32.
9. Жуковская, Т. Н. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в / Т. Н. Жуковская, Е. А. Калинина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2014. – № 2. – С. 22–32.
10. Жуковская, Т. Н. Система инспектирования и контроля деятельности училищ светского и духовного ведомства в XIX веке: цели, формы, эффективность / Т. Н. Жуковская, Е. А. Калинина, К. С. Казакова // Труды Кольского научного центра РАН. – 2019. – № 2 (16). – С. 77–92.
11. Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX – начале XX столетия / П. А. Зайончковский. – Москва : Мысль, 1970. – 444 с.
12. Захаратос, Д. А. Московский учебный округ в 1804–1835 годах: создание государственной системы образования, управление и подготовка педагогических кадров : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Захаратос Дмитрий Андреевич. – Москва, 2003. – 202 с.
13. Каргапольцева, Н. А. Оренбургский учебный округ: ретроспективный взгляд в будущее / Н. А. Каргапольцева, Н. Е. Ерофеева, В. И. Полухина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 12-2. – С. 210–214.
14. Комаров, С. Алфавитный сборник постановлений и распоряжений по С.-Петербургскому учебному округу за 1876–1882 гг. извлеченных из изданных округом циркуляров / С. Комаров. – Санкт-Петербург : тип. А. Якобсона, 1884. LIX, [3], 906 с.
15. Крапоткина, И. Е. Деятельность Казанского учебно-окружного центра на рубеже XIX – XX вв. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Крапоткина Ирина Евгеньевна. – Казань, 2005. – 186 с.
16. Крапоткина, И. Е. Административная деятельность попечителя учебного округа (из истории Казанского учебно-окружного центра) / И. Е. Крапоткина // Известия АлтГУ. – 2010. – № 4–3. – С. 123–132.
17. Крапоткина, И. Е. Попечитель учебного округа как представитель педагогической интеллигенции Российской империи / И. Е. Крапоткина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 1–2 (20). – С. 77–78.
18. Ленинградский Областной Государственный Архив (ЛОГОб) Ф. 317. Оп. 1. Д. 7.
19. Ленинградский Областной Государственный Архив (ЛОГОб) Ф. 318. Оп. 1. Д. 140.
20. Ленинградский Областной Государственный Архив (ЛОГОб) Ф. 320. Оп. 1. Д. 1.
21. Ленинградский Областной Государственный Архив (ЛОГОб) Ф. 320. Оп. 1. Д. 11.
22. Ленинградский Областной Государственный Архив (ЛОГОб) Ф. 320. Оп. 1. Д. 19.
23. Попов, Д. И. Государственная регламентация народных чтений в России в 1860–1880-е гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2021. – № 4 (32). – С. 67–75.
24. Рашин, А. Г. Население России за сто лет (1811–1913 гг.) : статические очерки / А. Г. Рашин ; под редакцией Струмилина С. Г. – Москва : Государственное статистическое издательство, 1956. – 351 с.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 750. Оп. 1. Д. 1
26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1152. 1880. Оп. 9. Д. 616.
27. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т. 8. Царствование императора Александра III. 1881–1883 г. – Санкт-Петербург : типография Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», 1892. – 1758 с.
28. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 10. Царствование императора Александра III. 1885–1888. – Санкт-Петербург : типография Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», 1894. – 1490 с.
29. Фальборк, Г. А. Народное образование в России: С прил. ст.: Народное образование в Финляндии В. Скалона / Г. А. Фальборк, В. И. Чарнолуский. – Санкт-Петербург : Издание О. Н. Поповой, 1900. – 264 с.
30. Циркуляр попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. – 1894. – № 2.
31. Чехов, Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии / Н. В. Чехов. – Москва : Т-во «Мир», 1923. – 149 с.

I.A. Trofimov

DUTIES OF THE TRUSTEE IN ST. PETERSBURG EDUCATIONAL DISTRICT UNDER ALEXANDER III

The article analyzes the functions of the trustee of St. Petersburg educational district during the reign of Alexander III. The study identifies the appointment principles, personnel and their responsibilities. The article also reveals the features that are characteristic only of the metropolitan educational district. The main conclusion of the study is that the traditional point of view on strengthening the power of the Ministry of Public Education during the reign of Alexander III on the example of the metropolitan educational district needs to be supplemented. Another conclusion is that the position of a trustee was an intermediary between the Ministry of Public Education and local educational institutions concerning their management and supervision.

St. Petersburg educational district, educational district trustee, Ministry of Public Education, Grand Duchy of Finland, Alexander III.

И.А. Цой

*Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского*

«НАРОДОПОКЛОНСТВО» В ОЦЕНКАХ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО В 1860-Е ГОДЫ

В статье анализируются представления В.О. Ключевского в 1860-е гг. о русском народе и задачах деятельности интеллектуалов в интересах социальных низов. Новизна работы заключается в раскрытии представлений юного В.О. Ключевского об истоках и сути идеи «народопоклонства». С его точки зрения, эта идея была мифом, она неверно определяла цели деятельности образованного общества. Источниками исследования стали дневники и письма В.О. Ключевского 1860-х годов, воспоминания современников. Доказывается, что юный В.О. Ключевский внимательно следил за дискуссией интеллектуалов о служении народу, знал проблематику и содержание русской мысли, транслировал свои идеи друзьям и студентам, влиял на их понимание ориентиров общественного движения. Раскрывается его представление о задачах, которые решал русский народ в своей истории – выживание в сложных социально-политических обстоятельствах и приобретение опыта: материального и духовного. Актуализирована мысль В.О. Ключевского об ответственности духовенства и интеллектуалов, влиявших на народ. Раскрывается представление В.О. Ключевского о необходимости уважительного отношения к народу и знания его опыта и интересов. Работа выполнена в контексте историко-антропологического подхода.

В.О. Ключевский, А.Ф. Кони, Е.Н. Водовозова, «новые люди», «шестидесятники», русский народ, Россия эпохи «Великих реформ».

Актуальность исследования определяется необходимостью дать интерпретацию идей просвещенных молодых людей 1860-х гг. о нарождающемся народничестве и связанном с ним «народопоклонстве». Василий Осипович Ключевский (1841–1911) стал одной из знаковых личностей уже в 1860-е гг., приобрел в среде московского студенчества авторитет интеллектуала, объяснявшего истоки и последствия социальных процессов. Его идеи о русском народе влияли на понимание его друзьями, слушателями задач социокультурной деятельности и формирование просветительской идеологии. Важно реконструировать идейно-ценностные основы критики Ключевским идеи поклонения народу и выявить его подходы в 1860-е гг. к оценке роли народа в истории России.

В исторических исследованиях преобладает мнение о юном В.О. Ключевском в шестидесятые годы XIX в. как кабинетном ученом, который не входил в студенческие кружки, не испытывал влияния общественно-политической жизни. А.Е. Пресняков утверждал, что Ключевский в 1860-е гг. «остался сам по себе, вне общественных течений» [13, с. 204]. А.А. Зимин считал, что Ключевский не был «шестидесятником», но находился под влиянием идей демократов Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова [4, с. 799]. По мнению М.В. Нечкиной, Ключевский в 1860-е гг. находился на «распутье», «принадлежал к числу «воздержавшихся» от какой бы то ни было формы участия в общественном движении, он боялся «занять решительную позицию», «отдалился от актива передовой молодежи», остался «одиноким» [12, с. 89]. Современные историки утверждают, что «высшие... творческие достижения» Ключевского принадлежали Серебряному веку

русской культуры, преимущественно изучают его научные труды, методологию, его образ в культурной памяти современников [2, с. 131; 11, с. 4]. В статье И.А. Цоя дана трактовка представлений Ключевского в 1860-е гг. о социализме: учение, отрицавшее индивидуализм [15, с. 12]. В историографии недостаточно изучены представления Ключевского об идее поклонения народу, популярной в годы «Великих реформ».

Восприятие молодым поколением 1860-х гг. народа – тема, получившая освещение в ряде исторических работ [5]. М.А. Ицкович утверждал, что «шестидесятники» стремились «заполнить разрыв между образованной элитой и народом», формировали культуру «опрошения», напоминавшую простой образ жизни крестьян и требовавшую отказа от роскоши. Развивалось два движения – культурническое – стратегия «малых дел» и революционное – радикальное решение проблемы нищеты народа в ходе социальной революции [6]. А.Ш. Бик-Булатов анализирует воззрение Д.И. Писарева, доказывает, что он развивал нигилистическую идею служения народу [1]. Эти исследователи не привлекали тексты В.О. Ключевского. Важно уточнить, что Ключевский не причислял себя к нигилистам.

Объект исследования – социальные идеи В.О. Ключевского в 1860-е гг. Предмет исследования – представления В.О. Ключевского о «народопоклонстве» в 1860-е гг. Цель работы – интерпретировать восприятие В.О. Ключевским популярной в 1860-е гг. установки об обязанности молодых образованных людей поклоняться народу. Источники исследования – дневники, письма В.О. Ключевского в 1860-е гг. и воспоминания современников. Целью ведения дневника он

считал запись его дум, которые «пали на дно души» [7, с. 279]. Одним из основных адресатов его писем был друг П.П. Гвоздев (1840–1901), с которым он вел беседы на научные и социальные темы еще в годы обучения в семинарии. Дневники и письма стали формой рефлексии Ключевского о себе и обществе.

Изучение личности в контексте исторической антропологии ориентирует на анализ формирования культуры человека в конкретных исторических обстоятельствах. По мнению В. Феллера, историческая антропология обязывает исследовать «становление человека» [14, с. 5]. В контексте этой теории возможно изучение развития социальных представлений В.О. Ключевского в 1860-е гг., повлиявших на формирование его исторической концепции.

В 1860-е гг. формирование взглядов В.О. Ключевского шло в условиях популяризации идеи свободы человека, обсуждения вопроса помощи народу, определения ориентиров развития общества. В 1861–1865 гг. он учился на историко-филологическом факультете Московского университета, а затем занимался научной работой при кафедре русской истории. Ключевский относил себя к «гуманно развитым» молодым людям [7, с. 282–283], осмысляющим свою деятельность и жизнь общества с гуманистических позиций. Он участвовал в работе студенческого кружка в 1863–1865 гг., объяснял собравшимся молодым людям исторические события и раскрывал свое представление о современных общественных проблемах. В воспоминаниях А.Ф. Кони (1844–1927) рассказывается об интересе студентов к обсуждению в дружеских кружках различных тем. Он писал о студентах Московского университета в 1862 г., что по субботам вечером собирались на съемной квартире «словесники» и юристы и разговаривали на все волновавшие их темы. *Мы приносили каждый свою долю участия в общей трапезе, слушали игру Куликова на купленном в складчину стареньком фортепиано и беседовали до глубокой ночи о всевозможных вопросах, волновавших наши молодые умы* [10, с. 209–210]. Студенты проявляли огромный интерес к истории и теории искусства, философии, поэзии и литературе (Там же, с. 210). Студентам были интересны не только исторические темы, но и современные общественные проблемы. Они выработывали свое мировоззрение на современные актуальные темы самостоятельно.

«Словесники» Московского университета с удивительным для молодых людей почтением относились к студенту Ключевскому, который стал посещать этот кружок с осени 1863 г., *по молчаливому соглашению признавая его авторитетом в своей среде*. Его речи уже в студенческие времена, по оценке Кони, были *упорной работой самостоятельной мысли* (Там же). С точки зрения Кони, студент Ключевский превосходил по глубине анализа исторических процессов лекции преподавателя Костомарова в университете; речи юного Ключевского поражали глубиной и новизной подходов и интерпретаций. Уже в начале 1860-х гг. Ключевский, еще будучи студентом, стал знаковой фигурой в среде его однокурсников, признававших его интеллектуальное превосходство. Эта оценка Кони взглядов Ключевского позволяет утверждать, что юный историк отличался самостоятельностью анализа

социальных процессов, которым он уделял особое внимание уже в те годы.

Молодые люди 1860-х гг. осознали необходимость изменения отношения к народу, пересмотра взглядов на него как на грубую, невежественную социальную силу. Им предстояло самостоятельно понять народ, его интересы, нормы жизни и определить пути решения проблемы преодоления социальной пропасти между образованными представителями общества и народом, имевшим свою культуру, малознакомую дворянам. Они стремились изначально осмыслить эту проблему, а затем участвовать в ее решении на практике.

В 1860-е гг. в молодежной среде сложилось воззрение, получившее название «народопоклонство». Это десятилетие многие «новые люди» – представители молодого поколения, заявлявшие, что не разделяют социальные установки крепостников, – назвали началом *народнической эпохи*. Суть «народопоклонства» тех лет, утверждала Е.Н. Водовозова, заключалась в *горячей проповеди сближения с народом*, в вере в его могучие духовные силы [3, с. 39]. Многие молодые люди верили в мудрость народа, что он хранил правду жизни. Поклонение народу выразилось в стремлении молодых людей из дворян вести образ жизни, приближенный к крестьянскому.

Просвещенные молодые люди в 1860-е гг. столкнулись с необходимостью определить свое отношение к «народопоклонству». Отцами этой идеи, по мнению В.О. Ключевского, были славянофилы. Ключевский в 1867 г. в дневнике воспроизвел популярную точку зрения на народ, сформированную еще славянофилами, а затем актуализированную юными романтиками шестидесятых годов, придавшими ей крайнюю форму благоговения перед народом. Ключевский не разделял идеи «народопоклонства», он критически оценивал *дикие крики, призывавшие к благоговению перед народом, пред черной народной массой* [7, с. 284]. Почему, с его точки зрения, этот призыв к благоговению перед народом был *диким*? Он предлагал осмыслять социокультурные явления и процессы, а не копировать их только на основании непроверенного на практике умозрительного представления. Воспитанный в православной вере и имевший научное мышление, Ключевский не мог принять на веру новый культ – культ народа, требовавший поклонения «черной» массе, а не Богу.

Ключевский раскрыл свое понимание сути «народопоклонства», популяризовавшегося в 1860-е гг.: оно заключалось в требовании одеть народную одежду – *зипун, встать на колени пред народом, учиться у него уму-разуму, черпать из его священной сокровищницы великие уроки истины и правды, указывая на неразгаданный смысл, на эту коренную суть нашей народности, таящую в себе чудеса* (Там же). Это поклонение народу Ключевский воспринимал как *холопское ползание перед зипуном только в более приличном, ученом виде* (Там же). Для него были неприемлемы все виды поклонения крестьянам, самоуничтожения, а также стремление создавать культ народа вместо адекватной оценки его роли в истории и осознания его жизненных интересов. Он определял «народопоклонство» как мифологическое сознание, якобы способное раскрыть истину бытия, которую

знают не Бог и ученые, а неграмотные массы, считавшие своей миссией хранить правду – истину, разумное понимание русской жизни. Ключевский раскрывал наивность представления о том, что истину знает народ, следует ему поклониться, и он раскроет свое понимание истины.

Ключевский дал свое объяснение решаемых народом жизненно важных задач. Он видел в русском народе *массу*, борющуюся за свое выживание, пока еще не сознающую себя, а тем более формы и содержание общественной жизни. С его точки зрения, *благоговение возможно только пред сознательной, духовной силой*. В понимании Ключевского, масса, не сознающая себя в обществе, не может определить социально-политические ориентиры деятельности личности. Его взгляд на народ был противоположным «народопоклонству». С его точки зрения, понятие направление движения общества и обстоятельства, влиявшие на него, могут только «сознательные» силы, а народ даже не знает грамоты.

Ключевский не солидаризировался с молодыми людьми, которые стремились к «опрощению». Водозова раскрыла суть «опрощения» – «напоминать простой народ», «сокращать свои потребности, довести их до минимума, иметь только самое главное <...> простотою своей жизни каждый [3, с. 30]. Как видно, идея «опрощения», сформулированная молодыми «шестидесятниками», была составной частью «народопоклонства», поскольку представляла собой простой механизм его воплощения молодыми людьми в жизнь: надо воспроизводить внешний вид и бытовую культуру народа, походить на него. Согласно Ключевскому, искусственное «опрощение» не приближает молодых людей к пониманию образа мыслей народа.

Ключевский сочувствовал русскому народу, судьба которого много веков была тяжелой, утверждал он. Народ жил в нищете, боролся с *бедной природой, историческими обстоятельствами, татарщиной, византийщиной, боярщиной...* [9, с. 168]. В его понимании, народ отвечал на внутренние и внешние вызовы, отстаивая свое право на жизнь в крайне сложных природных и исторических условиях, защищая свою землю, религию и культуру. Русский человек дорого купил свою *опытность, практичность*; он *нуждой разочаровался в жизни...*, любя свой *вековечный «авось»* и *«как-нибудь»*. *Нужда выучила его жить «себе на уме» и смотреть на все с высоты полетов* (Там же, с. 169–170). По мнению Ключевского, русский человек решал свои жизненные задачи прагматично, приобретал опыт в борьбе за свое существование. Его сочувствие *бедному* народу проявилось в оценке способности выживать в сложных условиях, когда он мог рассчитывать только на свои силы. Русское вековечное «авось», по мнению Ключевского, – это не осознанное решение жизненных задач, а надежда.

Ключевский, прочитав в сентябрьском номере «Отечественных записок» работу профессора Московского университета Ф.И. Буслаева «О русских народных песнях и лубочных изданиях», воспринял мысль своего учителя о том, что народная культура имеет высокие нравственные ценности. В письме Гвоздеву в 1861 г. Ключевский восхищался народной

песенной культурой как гуманной: народная поэзия «дороже да и гуманнее всех песен Жуковского и Пушкина, и Лермонтова...» [9, с. 170]. Он усвоил мнение профессора о том, что народные песни реально раскрывают душу народа, они являются достоверным источником изучения его нравов.

Какие исторические задачи решал русский народ, в представлении Ключевского? Он считал, что надо не столько изумляться всему великому, что совершили массы и быть народопоклонниками, а следует *спокойно изучать их действия, но поклоняться им есть детская нелепость; подозревать в них таинственный глубокий разум есть самообольщение; это значит прилагать к ним, как к стене горох, свои собственные идеи или размышления, рядить их в свои наряды, как дети рядят куклы, и потом вести с ними умные беседы...* [7, с. 285]. Неадекватная оценка жизни и мирозерцания народа, по мнению Ключевского, – это детская игра, роли в которой определены игроком, а народ превращен в куклы. Надо понять культуру народа, а не создавать мифы о его «глубоком разуме». Он утверждал, что в реальной жизни народ решал проблему производства материальных благ, чтобы прокормить себя, содержать государство. Его оценки «народопоклонства»: «нелепость», «самообольщение». Самообольщение – это самообман, создание некоего выдуманного прекрасного образа, поэтому «народопоклонство» несет в себе угрозу: уводит от разумного решения проблемы преодоления раскола общества, так можно трактовать идеи Ключевского. Он не находил в этом воззрении адекватных оценок социальных отношений. Наивно и опасно играть в социальные игры, предупреждал Ключевский. Народ – не куклы, имеет свой опыт защиты своих интересов. В понимании Ключевского, «народопоклонство» – это видимость «умных бесед», а в реальности – представления, которые не способны на практике решить проблему народа.

Он писал, что народ руководствовался чувством самосохранения: *Что материальнее, бессознательнее чувства самосохранения? А ведь только эта одна могучая сила двигала нашим народом в его великих, гигантских деяниях. Все его малозамечаемые пока историей создания запечатлены резкой печатью борьбы за жизнь* (Там же). Будучи глубоко мыслящим историком уже в молодые годы, Ключевский понимал, что народ самостоятельно выполнил сложную историческую задачу – выжил, благодаря своему труду. Этот труд он назвал *великим, гигантским*, поскольку ничто ему не благоприятствовало – ни климат, ни внешне-, ни внутривнутриполитические и социальные обстоятельства. Он высоко оценивал результат «гигантских деяний» народа: выжил сам, был опорой государства в борьбе с внешними угрозами. С его точки зрения, пока еще ученые и политики не осознали роли народа в русской истории. До середины XIX в., по мнению Ключевского, основной задачей народа было обеспечить свое существование. *Слава народу, который выдержал эту борьбу...* он мужественно оправдал свое право на жизнь (Там же). Ключевский считал, что можно и нужно гордиться русским народом, который выстоял, прокормил себя и обеспечивал материальными ресурсами государство.

Ключевский считал, что народ не должен решать только задачу выживания, он имеет право сознавать свои интересы, осмыслять свою судьбу, стать «сознательной» собой силой. Народ должен стать разумно мыслящим: *...народ, совершив с победой материальную борьбу за жизнь, начинает жить на счет свободных, разумных сил, запасается свободными, разумными интересами* [7, с. 285]. По мнению Ключевского, надо *внимательно и долго* изучать жизнь и деятельность человека и общества, его характер, мирозерцание (Там же), а не создавать мифы о народе. Решение проблемы народа он видел в его образовании, которое позволит ему стать соучастником решения социокультурных и материальных задач.

Ключевский полагал, что следует понять народ, надо научиться его слышать, но в ситуации, когда он не боится говорить на животрепещущие темы, например, о вере. По совету Ключевского московские студенты в воскресные дни ходили в Кремль *потолкаться между народом перед соборами и послушать в отдельных группах обычные тогда прения раскольников с православными...* [10, с. 210]. Ключевский предлагал знать реальные мнения народа о вере и жизни. Друзья Ключевского далее уже по своему желанию ходили слушать разговоры народа и выносили *живые представления о многом, чего не могла бы нам дать тогдашняя скудная в этом отношении литература* (Там же).

По мнению А.Ф. Кони, Ключевский хорошо понимал особенности сознания, души и характера русского народа, ценил способность народа к тяжелому труду, терпеть, но преодолевать препятствия, он знал душевные качества русских людей и сам ими обладал, но народ еще не научился вести себя с достоинством. Несомненно, историк понимал, что многовековое унижение народа не позволило ему приобрести это достоинство. Ключевский выделял у русского народа *удивительную способность к напряженному кратковременному труду и его непривычку к труду размеренному и постоянному, – легкость одоления им препятствий и опасностей и частое неумение выдерживать с тактом и достоинством успех...* Но *цена лучшие свойства русской души и сливаясь с ними, Ключевский не идеализировал прошлого и с беспристрастием историка и скорбью родного и близкого человека указывал на слабое развитие и рабскую приниженность личности, на подавленность и случайность проявления общественных сил* (Там же, с. 212). С точки зрения Кони, Ключевский считал, что важнейшей задачей России является создание условий, в которых человек не будет ощущать свою «рабскую приниженность», когда общество сможет оказывать весомое влияние на развитие страны.

Ключевский отмечал, что духовное развитие неграмотного народа шло под влиянием церкви. Он выделял такую черту сознания непросвещенного народа, как доверчивость. Русский народ веками верил святым отцам. Ключевский писал об ответственности религиозных деятелей за верования масс, которые доверяли церковным служителям. По его убеждению, священники должны жить *не для себя, не для немногих, а для массы, которая так доверчиво и благоговейно отдалась их водительству* [8, с. 178]. Он ставил

вопрос: смогли ли церковные служители донести до народа истину Христа? Надо не бояться выводов, к которым можно прийти, осмысляя историю христианства, истина важнее, даже если она будет развенчивать мифы и верования, считал Ключевский. Он был убежден в том, что человек, массы должны знать правду, а не руководствоваться мифами.

Как видно, Ключевский в 1860-е гг. знал основные идеи, развиваемые мыслителями в своих работах, обсуждал с друзьями и сверстниками в кружках все волновавшие их темы, в том числе вопрос духовных сил, культуры народа, его роли в истории России. Важна мысль Ключевского об опасности мифов о народе, создаваемых интеллектуалами, далекими от социальных низов. На основе представлений о народе определяются идейно-нравственные ориентиры дальнейшей деятельности людей – воспроизводство народной культуры и поклонение ей или ее обогащение. Оценки опыта народа должны быть адекватными, утверждал Ключевский. Он предлагал сверстникам самим составить представление о крестьянах, а не верить образам, создаваемым воображением интеллектуалов. Он предложил свой подход к анализу роли народа в истории России – определить, какие задачи смог решить народ, какой опыт он приобрел. С точки зрения Ключевского, опыт выживания народа заслуживает уважения, но он недостаточен для осознания целей развития страны в современных условиях реформ; следовательно, необходимо изменить обстоятельства его жизни – дать возможность народу получить знания, чтобы он сам решал свои задачи. Ключевский критически относился к идее «народопоклонства», поскольку она не вполне адекватно характеризовала народ, его жизненный опыт и культуру, а следовательно имела мифотворческий характер.

Литература

1. Бик-Булатов, А. Ш. Общественно-политический нигилизм в русской журналистике и публицистике второй половины XIX в.: 1860-е гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бик-Булатов Айрат Шамилович. – Казань, 2005. – 260 с.
2. Богомазова, О. В. Между памятью и забвением: практики увековечивания В. О. Ключевского в культуре России XX – начала XXI века / О. В. Богомазова // В. О. Ключевский: воспоминания и исследования / ответственный редактор А. В. Малинов. – Санкт-Петербург : Издательство Политехнического университета, 2017. – С. 131–158.
3. Водовозова, Е. Н. На заре жизни / Е. Н. Водовозова. – Москва : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – 527 с.
4. Зимин, А. А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. / А. А. Зимин // Ключевский В. О. Антология. pro et contra. – Москва : РХГА, 2013. – С. 793–820.
5. Ицкович, М. А. Субкультура русского нигилизма 1860-х годов и ее социальная направленность / М. А. Ицкович // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11, № 6. – С. 61–65.
6. Ицкович, М. А. Нигилизм в России 1860-х годов как социокультурное явление : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ицкович Михаил Александрович. – Самара, 2011. – 260 с.
7. Ключевский, В. О. Дневники и дневниковые записки / В. О. Ключевский // Ключевский В. О. Сочинения : в 9 томах. – Москва : Мысль, 1990а. – Т. IX. – С. 267–362.

8. Ключевский, В. О. Письмо П. П. Гвоздеву от 25 ноября 1861 г. / В. О. Ключевский // Ключевский В. О. Сочинения : в 9 томах. – Москва : 1990б. – Т. 9. – С. 176–180.
9. Ключевский, В. О. Письмо П. П. Гвоздеву от 27 октября 1861 г. / В. О. Ключевский // Ключевский В. О. Сочинения : в 9 томах. – Москва : 1990в. – Т. 9. – С. 161–171.
10. Кони, А. Ф. Воспоминания о В. О. Ключевском / А. Ф. Кони // В. О. Ключевский : pro et contra. – Москва : РХГА, 2013. – С. 209–227.
11. Малинов, А. В. К юбилею памяти В. О. Ключевского / А. В. Малинов // В. О. Ключевский: воспоминания и исследования / ответственный редактор А. В. Малинов. – Санкт-Петербург : Издательство Политехнического университета, 2017. – С. 3–7.
12. Нечкина, М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М. В. Нечкина. – Москва : Наука, 1974. – 640 с.
13. Пресняков, А. Е. В. О. Ключевский (1911–1921) / А. Е. Пресняков // Русский исторический журнал. – 1922. – Кн. 8. – С. 203–224.
14. Феллер, В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории / В. Феллер. – Москва : Кнорус, 2005. – 672 с.
15. Цой, И. А. Восприятие В. О. Ключевским русского радикализма 1860-х гг. / И. А. Цой // Материалы 75-й международной конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – С. 10–15.

I.A. Tsoy

DEVOTION TO THE PEOPLE IN V.O. KLYUCHEVSKY'S ESTIMATION OF THE 1860S

The article analyzes the ideas of V.O. Klyuchevsky in the 1860s concerning the Russian people and the tasks of the activities of intellectuals in the interests of the social lower classes. The novelty of the work is in the disclosure of the ideas of the young V.O. Klyuchevsky about the origins and essence of the idea of the devotion to the people. From his point of view, this idea was a myth, it incorrectly defined the goals of the activities of the educated society. The sources of the study are the diaries and letters of V.O. Klyuchevsky in the 1860s, memoirs of contemporaries. It is proved that the young V.O. Klyuchevsky closely followed the discussion of intellectuals about serving the people, knew the problems and content of Russian thought, broadcast his ideas to friends and students, and influenced their understanding of the guidelines of the social movement. His idea of the tasks that the Russian people solved in their history is revealed that is survival in difficult socio-political circumstances and the acquisition of experience: material and spiritual. The idea of V.O. Klyuchevsky concerning the responsibility of the clergy and intellectuals who influenced the people is emphasized. V.O. Klyuchevsky's representation of the need to respect the people and knowledge of their experience and interests is shown. The research is done in the context of historical and anthropological approach.

V.O. Klyuchevsky, A.F. Koni, E.N. Vodovozova, «new people», «sixties», Russian people, Russia of the era of the «Great reforms».

УДК 925.52

Л.Л. Ефремова

Государственный архив Вологодской области

УНИКАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РОДОСЛОВНОЙ СЕМЬИ О.А. ФОКИНОЙ (XVIII – НАЧАЛО XX В.)

В статье описываются, характеризуются и воспроизводятся документальные материалы по истории рода поэта О.А. Фокиной, находящиеся на хранении в Государственном архиве Вологодской области. Сведения выявлены по основным генеалогическим источникам: метрическим книгам, исповедным ведомостям (рописям), ревизским сказкам. Документы о роде Фокиных впервые вводятся в научный оборот.

О. Фокина, русский поэт, архивный документ, история рода, биографические сведения, генеалогическая информация.

*О.А. Фокина. Дата съемки неизвестна
(ГАВО. Ф. Р-4845. Оп. 5. Д. 165. Л. 15)*

«Моя родословная» О. Фокиной впервые была опубликована в 1985 г. [15]. Спустя тридцать лет автобиографическое повествование вошло в сборник стихов и прозы семьи Фокиных «Семьиструнка» [16]. Данный литературный текст дает повод обратить внимание на архивные документы, неизвестные представителям рода поэта, биографам и исследователям творчества О. Фокиной. Сама Ольга Александровна и ее родные чтят память предков, сведения о которых по отцовской линии Фокиных известны семье до деда Ольги Александровны, по материнской линии Копыловых – до прапрадеда поэта. Знания эти – семейная реликвия, хранящаяся в памяти поколений. Из беседы с И.А. Чурбановой – дочерью поэта – стало известно, что семья делала попытки обращения к архивным источникам, но пока родославная не закончена.

Из «Моей родословной» известно, что предки Фокиных (по отцовской линии) родом из деревни Артемьевской. На основе архивных документов удалось установить, что предки по материнской линии Копыловых из деревни Ситковской. Современное местоположение деревень – Верхнетоемский район Архангельской области. В епархиально-приходской терри-

ториальной системе – это церковный приход Покровской Ерогодской церкви, которая находилась в д. Корниловской [7, с. 59]. Около церкви протекала речка Содонга, впадавшая в реку Ёргу, пересекавшую территорию церковного прихода. По имени речки называлась и церковь – Ерогодская. Эта родовая территория нашла отклик в поэзии О.А. Фокиной:

А в далях архангельских, за Двиной,
Вдоль Содонги-речки – мои луга!
И лес за лугами – сплошной стеной
Шумит, и растет, и цветет века.

*Покровская Ерогодская церковь.
Начало XXI в. Фото из интернет-источников*

В пределах губернского деления территории в ходе административно-территориальных реформ адрес проживания предков поэта до 1780 г. значился в составе Великоустюгской провинции Архангелогородской губернии, с 1780 г. до 1796 г. – являлся

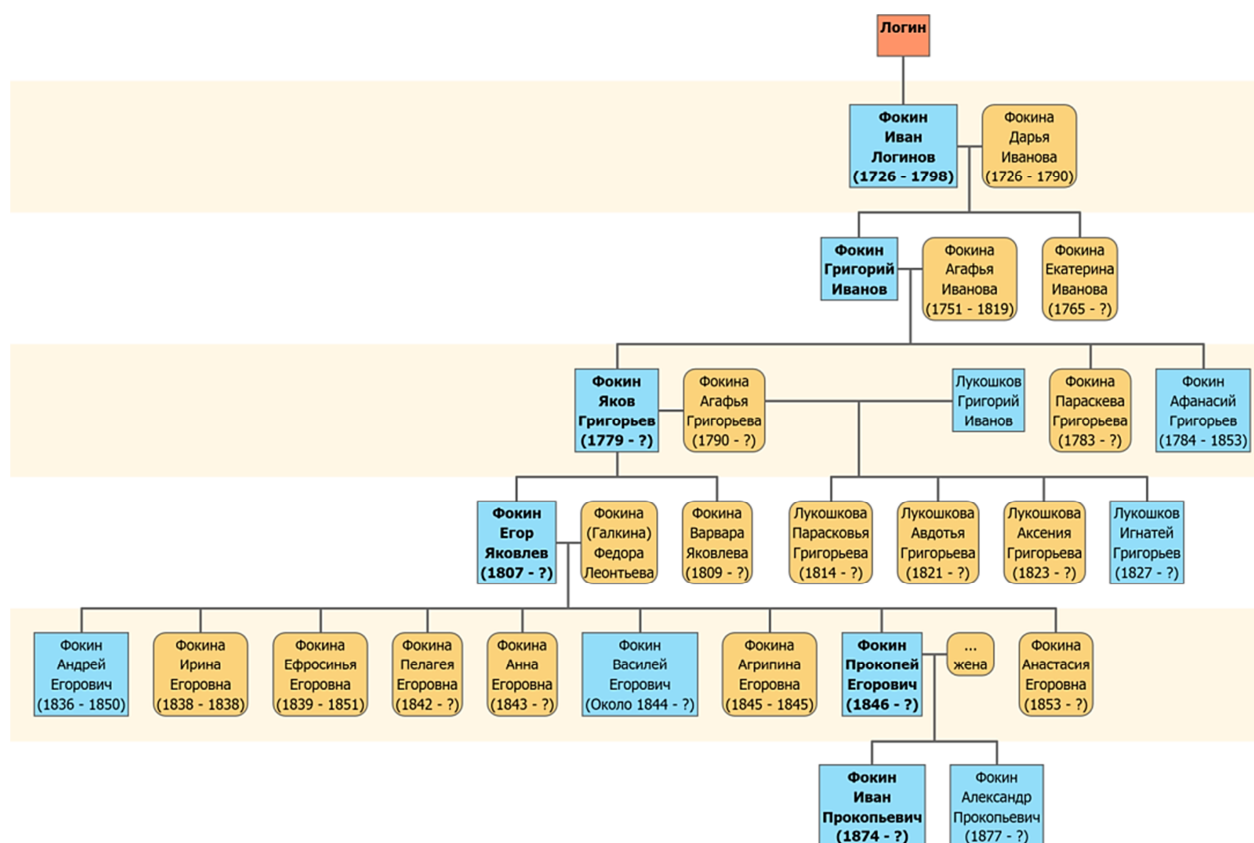
частью вновь образованного Красноборского уезда Великоустюгской провинции Вологодского наместничества, затем до 1918 г. был территорией Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Именно такой расклад деления северных территорий обусловил то, что документы по истории рода семьи Фокиных лишь фрагментарно отложились в фондах Государственного архива Вологодской области (ГАВО). Комплекс метрических книг Покровской Ерогодской церкви Сольвычегодского уезда сохранился в архиве за 1779–1862 г. Документы конца XIX в. и до 1918 г. в связи с административно-территориальными реформами отложились в Государственном архиве Архангельской области.

Согласно архивным документам, все предки поэта, как по мужской линии Фокиных, так и по женской – Копыловых, проживали на данной территории с середины XVIII в. (вероятно, и ранее). Территория Сольвычегодского уезда относилась по преимуществу к тяглым землям и была населена главным образом черносошными крестьянами¹. Документальные источники свидетельствуют, что в среде черносошных

крестьян на начало XVIII в. уже бытовали устоявшиеся фамилии. Это большое преимущество для составителей родословных, ибо в среде крепостных крестьян фамилии стали фиксироваться в документах гораздо позже. Наличие родовых фамилий в столь давние времена, вероятно, является свидетельством того, что эта разновидность крестьянства обладала правом наследования земельного надела, и фамилия подтверждала статус родства. Если говорить конкретно о родословной Ольги Александровны, эта особенность, присущая черносошным крестьянам, дала возможность четко и достоверно выделить именно ее предков.

Итак, родоначальником рода Фокиных можно назвать **Логина**, имя которого фигурирует в качестве отчества у государственного черносошного крестьянина Ивана Логинова Фокина [3]. Время рождения Логина – около 1700 года. В главных генеалогических источниках – метрических книгах и исповедных ведомостях Покровской Ерогодской церкви род крестьян Фокиных прослеживается на протяжении 7 поколений.

Поколенная схема рода Фокиных

Генеалогическая схема семьи Фокиных, включающая сведения от основателя рода (Логина) и до рождения деда О.А. Фокиной (Ивана Прокопьевича Фокина), составленная на основе документов ГАВО

¹ Черносошное крестьянство – в Российском государстве XIV – начале XVIII вв. лично свободные крестьяне, жившие в соседских общинах и несшие на государство феодальные повинности. В XVIII в. стали государственными (черносошными) крестьянами.

В схему внесены все представители рода, сведения о которых встретились в архивных документах. Прямая линия предков выделена жирным шрифтом. У всех представителей рода по одному браку. В схему включены сведения о повторном браке вдовы умершего прапрапрадеда Ольги Александровны Якова Григорьева Фокина Агафьи Григорьевой Фокиной (по второму мужу Лукошковой) [10]. До начала XX в. все предки показаны с отчеством в форме родительного падежа (ранее притяжательного падежа, отвечающего на вопрос «Чей?») – Григорьев (Григорьева), т.е. Григорьевич, Григорьевна.

Как правило, в выявлении генеалогических сведений превалирует принцип т.н. мужского нисходящего родословия. Исследование производится по прямой мужской (отцовской) линии начиная с первого представителя исследуемого рода, которого удалось обнаружить в наиболее ранних источниках. Но по просьбе Инги Александровны было проведено дополнительное исследование по материнской линии Ольги Александровны Фокиной. Именно эта ветвь духовно ближе поэту.

Предки по линии матери носили фамилию Копыловы. Родоначальником этого рода можно назвать крестьянина **Архипа** [1]. Его сыновья Кирило и **Никита** Архиповы Копыловы были черносошными крестьянами деревни Сорокоумовской, относящейся к приходу Вознесенской Кивокурской церкви [7, с. 59].

Это соседний приход с Покровским Ерогодским. Сын Никиты Архипова Федор Никитин Копылов, женившись, переехал в 1795 г. в деревню Ситковскую и поселился с семьей тестя Киприана Баскакова [2]. Причины переезда неизвестны. Но именно с конца

XVIII в. и до начала XX в. предки Фокиных по материнской линии Копыловых проживали в Ситковской. Это деревня (как и Артемьевская – родина предков по отцовской линии) относилась к приходу Покровской Ерогодской церкви. Таким образом, территория этого прихода становится родовой для обеих ветвей семьи поэта.

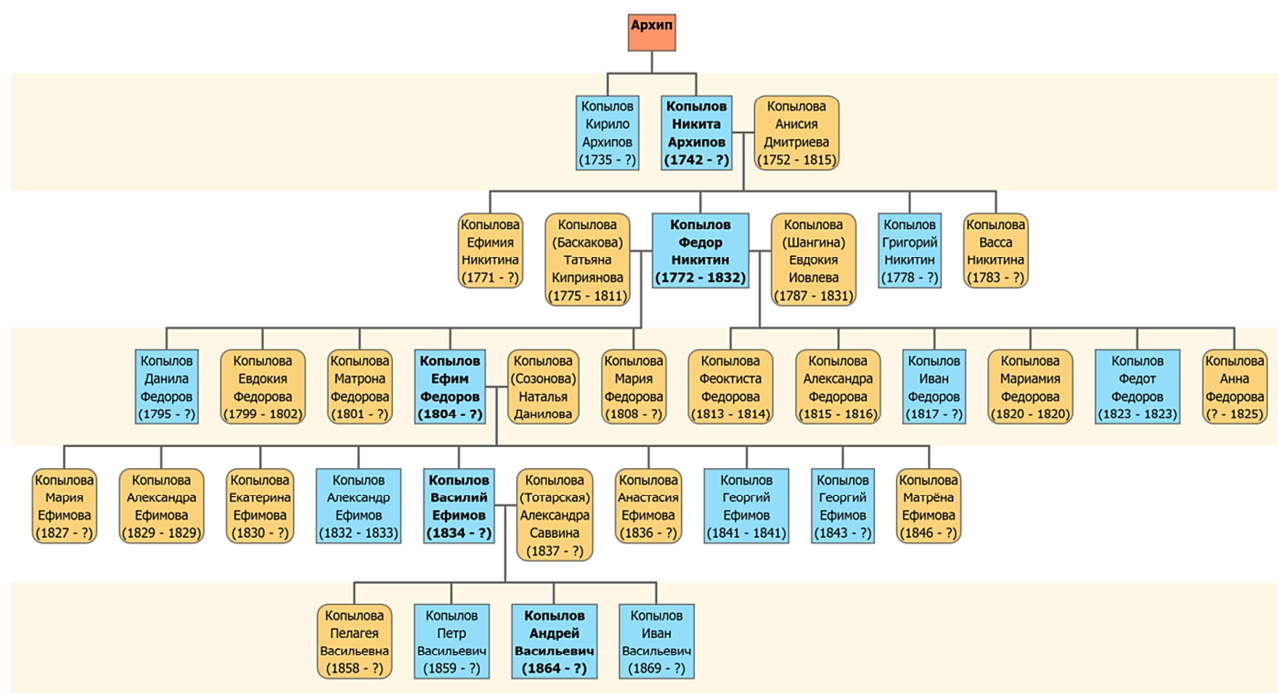
Говоря о материнской линии, следует отметить, что семейная легенда Фокиных слегка трансформировалась в архивных документах. В «Моей родословной» Ольга Александровна оставила такие воспоминания: «Прадед по отцу [матери], Ефим Копылов, был первым поселенцем и основателем деревни Малая Кулига. Ефим переехал из села Тимошино от Копыловых и занимался сельским хозяйством» [16, с. 11]. Архивные документы сохранили иную информацию. Во-первых, в приходских документах деревня именовалась как Тимошинская, и фамилия Копыловых в ней не встречалась. Во-вторых, населенный пункт с названием «Малая Кулига» в церковных документах XVIII – начала XIX вв. обнаружен не был. Единственное упоминание данного именованья деревни зафиксировано в Списках населенных мест Вологодской губернии на 1859 г., где именно у д. Ситковской в скобках приведено второе название – «Кулига малая». [14, с. 292]. Из переписки с братом О.А. Фокиной Владимиром Александровичем, жителем с. Верхняя Тойма Архангельской области, выяснилось, что современные жители тех мест под Малой Кулигой именуют разные деревни: Верхнюю Воронку и Нижнюю Воронку, а справочник указывает еще и д. Ситковскую. На первый взгляд задача кажется неразрешимой. Но практика работы с генеалогическими источ-

*Вознесенская Кивокурская церковь.
Фото из интернет-источников*

Поколенная схема рода Копыловых

Генеалогическая схема семьи Копыловых, включающая сведения от основателя рода (Архипа) и до рождения деда О.А. Фокиной (Андрея Васильевича Копылова), составленная на основе документов ГАВО

никами показывает, что некоторые населенные пункты имели два (иногда три) названия. Такая особенность бытовала как раз на северных территориях Вологодской губернии. Второе название некоторые деревни получали по местности (месту) своего расположения, которое в данном случае восходит к слову «кулига», имевшему в древнерусском языке ряд значений: «росчисть, полянка, пожня в лесу» или «излучина, крутой изгиб реки» [17, с. 126]. В Списках домохозяев Сольвычегодского уезда Корниловской волости Корниловского общества по деревням Ситковской, Верхней и Нижней Воронкам значится, что деревни соседствуют, расстояние между ними 1,5 и 1,8 версты. В графе «Расположение селения» указано: «на ровной местности» [12]. Вероятно, территория размещения этих населенных пунктов и именовалась Кулигой или Кулигой малой. Таким образом, можно сделать вывод, что семейная легенда сохранила местную особенность именования топонимов. К сожалению, документы не позволяют назвать Ефима Федорова Копылова основателем деревни. Он родился 13.01.1804 г. в д. Ситковской, куда ранее перебрался его отец [5]. Самые ранние сведения о деревне и ее поселенцах зафиксированы в исповедной ведомости Покровской Ерогодской церкви за 1790 г., где на тот момент уже числилось 13 жителей [4].

Род Копыловых более плодотворный, поэтому поколенная схема шире. Например, все тот же Федор Никитин Копылов (прапрапрадед О.А. Фокиной), овдовев в 1811 г., в 1812 г. вступает во второй брак, где родилось еще шестеро детей [6]. В архивных документах представители рода по материнской линии

прослеживаются до деда О.А. Фокиной **Андрея Васильевича Копылова**.

После 1862 г. сведения о предках поэта по линии Копыловых также следует искать в Архангельском архиве в метрических книгах Покровской Ерогодской церкви Сольвычегодского уезда.

Представленные схемы содержат сведения о прямых, но далеких родственниках поэта, о которых, как правило, потомки почти не имеют сведений. Основной интерес заявителей на поиск генеалогической информации – сведения о ближайших предках: родителях и дедах. Для семьи Ольги Александровны это **Иван Прокопьевич Фокин** и **Андрей Васильевич Копылов** – деды по отцовской и материнской линиям. Следы того и другого были обнаружены в документах ГАВО с более чем полувековой разницей с момента рождения прадедов – Прокопия Ивановича Фокина и Василия Ефимовича Копылова. В списках домохозяев Сольвычегодского уезда Корниловской волости Корниловского сельского общества по деревням Артемьевской и Ситковской (не датировано, но по ряду признаков за 1914 г.) отложились сведения о семьях **Ивана Прокопьевича Фокина** и **Андрея Васильевича Копылова**.

Проживая на той же территории, также занимаясь сельским хозяйством, деды указаны как государственные крестьяне Корниловского сельского общества².

² Сельское общество – единица административно-хозяйственного самоуправления крестьян Российской империи. Первоначально они объединяли и контролировали жизненный уклад государственных крестьян.

[illegible]

60

[illegible]

*Подворная карточка на крестьянское хозяйство В.А. Копылова (деда поэта). [1914] г.
(ГАВО. Ф. 34. Оп. 13. Д. 244. Л. 418—418 об.).*

а конкретной семьи. Пусть обнаруженные сведения, имена, жизненные повороты в судьбах представителей рода послужат материалом для новых произведений О.А. Фокиной.

Литература

1. Исповедная ведомость Вознесенской Кивокурской церкви Красноборского уезда за 1790 г. // ГАВО. Ф. 497. Оп. 19. Д. 390. Л. 346-346 об.
2. Исповедные ведомости Вознесенской Кивокурской церкви Красноборского уезда за 1795, Покровской Ерогодской церкви Красноборского уезда за 1796 г. // ГАВО. Ф. 497. Оп. 19. Д. 394. Л. 367 об.; Д. 395. Л. 330 об.
3. Исповедная ведомость Покровской Ерогодской церкви Красноборского уезда за 1790 г. // ГАВО. Ф. 497. Оп. 19. Д. 390. Л. 265.

4. Исповедная ведомость Покровской Ерогодской церкви Красноборского уезда за 1790 г. // ГАВО. Ф. 497. Оп. 19. Д. 390. Л. 273 об.

5. Метрическая книга Покровской Ерогодской церкви Сольвычегодского уезда за 1804 г. // ГАВО. Ф. 497. Оп. 15. Д. 25. Л. 563.

6. Метрические книги Покровской Ерогодской церкви Сольвычегодского уезда за 1811–1813, 1815, 1817, 1820, 1823, 1825 гг. // ГАВО. Ф. 497. Оп. 15. Д. 40. Л. 656 об.; Д. 42. Л. 528 об.; Д. 43. Л. 684.; Д. 45. Л. 874 об.; Д. 48. Л. 805 об.; Д. 51. Л. 647 об.; Д. 57. Л. 849 об.; Д. 61. Л. 716 об.

7. Овчинникова, Н. А. Состав церковных приходов Вологодского губерния в конце XIX – первой половине XX вв. / Н. А. Овчинникова. – Вологда, 2020. – 212 с.

8. Подворная карточка на крестьянское хозяйство А. В. Копылова за [1914] г. // ГАВО. Ф. 34. Оп. 13. Д. 244. Л. 418–418 об.

9. Подворная карточка на крестьянское хозяйство И.П. Фокина за [1914] г. // ГАВО. Ф. 34. Оп. 13. Д. 245. Л. 9–9 об.

10. Ревизская сказка о государственных крестьянах д. Артемьевской Вологодской губернии Сольвычегодского уезда Тимошинской волости Кульпинского сельского общества за 1850 г. // ГАВО. Ф. 388. Оп. 1а. Д. 13. Л. 233 об.–234.

11. Список домохозяев общины Сольвычегодского уезда Корниловской волости д. Артемьевской за [1914] г. // ГАВО. Ф. 34. Оп. 13. Д. 244. Л. 416–416 об.

12. Списки домохозяев общины Сольвычегодского уезда Корниловской волости д. Верхняя Воронка, Нижняя, Воронка, Ситковская за [1914] г. // ГАВО. Ф. 34. Оп. 13. Д. 244. Л. 61, 248, 616.

13. Список домохозяев общины Сольвычегодского уезда Корниловской волости д. Ситковской за [1914] г. // ГАВО. Ф. 34. Оп. 13. Д. 244. Л. 416–416 об.

14. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Том 7. Вологодская губерния. – Санкт-Петербург, 1866. – 520 с.

15. Фокина, О. А. Моя родословная / О. А. Фокина // Лауреаты России: Автобиографии российских писателей. – Москва, 1985. – Кн. 4. – С. 226–248.

16. Фокина, О. А. Моя родословная / О. А. Фокина // Семьиструнка : сборник / составитель А. Н. Сеницына. – Вологда, 2021. – С. 11–31.

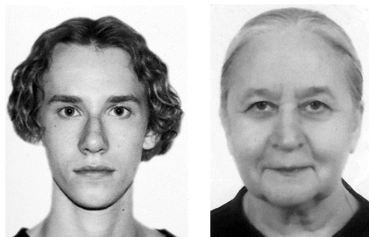
17. Чайкина, Ю. В. Географические названия Вологодской области: Топонимический словарь / Ю. В. Чайкина. – Архангельск, 1988. – 269 с.

L.L. Efremova

OLGA FOKINA'S GENEALOGY IN THE UNIQUE ARCHIVAL DOCUMENTS OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article deals with the documents concerning the family history of the poet Olga Fokina. These documents are kept in the State Archive of the Vologda region. The information is revealed due to the main genealogical sources: metric books, confessional statements (lists), population censuses. The documents about the Fokin family are presented to researchers for the first time.

Olga Fokina, Russian poet, archival document, family history, biographical information, genealogical information.

Г.В. Судаков, И.К. Сушилина
*Российская академия народного хозяйства
 и государственной службы при Президенте РФ*

«РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ» ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА И «РОМАНСЫ БЕЗ СЛОВ» ПОЛЯ ВЕРЛЕНА В АСПЕКТЕ ПАРАТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В статье анализируются брюсовские сборники «Русские символисты» и «Романсы без слов» Поля Верлена с точки зрения концепции паратекста Жерара Женетта. Рассматривается, как паратекстуальные элементы влияют на восприятие текста читателем и как соотносится паратекст «Русских символистов» Брюсова с паратекстом сборника его кумира – Поля Верлена.

Валерий Брюсов, Поль Верлен, «Русские символисты», «Романсы без слов», паратекст, перитекст, эпитекст.

В 1892 году Валерий Брюсов открывает для себя Поля Верлена – своего учителя и «сюзерена». Согласно дневникам московского поэта, он увлеченно переводит Верлена и летом 1894 года заканчивает перевод «Романсов без слов», поэтому именно этот верленовский сборник мы сравним с «Русскими символистами» с точки зрения паратекста. Нами будет рассмотрено издание 1891 года (сборник вышел в 1874 году). Вероятно, именно это издание читал и использовал при переводе Брюсов.

Как известно, паратекст влияет на восприятие текста читателем, что в этом случае особенно важно, ведь Брюсов готовил «Символистов» одновременно с переводом «Романсов без слов», то есть паратекстуальные особенности верленовского сборника вполне могли отразиться в трех брюсовских книжках.

Рассмотреть «Русских символистов» с этой точки зрения будет интересно еще и потому, что Брюсов не пренебрегает паратекстом: осознавая его влияние на читателя за много лет до публикации «Порогов» Жерара Женетта, поэт умело обращается с паратекстуальными элементами, используя их для того, чтобы произвести на публику определенное впечатление.

Перитекст

Первый «порог» к тексту – это, конечно, обложки к сборникам (фотографии обложек – см. приложение). Обложки всех трех выпусков «Символистов» отличаются скромностью и простотой: на них нет ни рисунков, ни причудливых шрифтов, что проявится через десять лет в символистском журнале «Весы», управляемом Брюсовым. Безыскусность обложек «Символистов» в первую очередь объясняется тем, что Брюсов, будучи студентом, был стеснен в средствах, когда публиковал сборники. То, что Женетт называет «обложкой 4» [11, с. 25 (здесь и далее пер. с англ. наш. – Г. С.)], т.е. задней обложкой, является, по его мнению, «стратегически важным местом» (Там же), однако во всех трех выпусках на них ничего нет. Это также можно было бы объяснить нехваткой у Брюсова денег, однако Женетт пишет, что обложка 4 может быть «почти пустой <...> особенно у сборников стихотворений», что является «внешним знаком благо-

родства» [11, с. 26]. Сложно сказать, чем руководствовался Брюсов, оставляя задние обложки пустыми: стремлением «облагородить» сборники или сэкономить.

Обложка «Романсов без слов» содержит имя автора, название сборника, названия его частей, имя издателя, его адрес и год – 1891. Также на ней есть рисунок, изображающий цветы и листья, которые обвивают литеры «L» и «V» – инициалы издателя, Леона Ванье, с которым поэт сотрудничал с 1884 года до своей смерти в 1896 году. Такой же рисунок изображен и на обложках других сборников Верлена, изданных Ванье. Верлен почти никогда не располагал крупными суммами, поэтому книжка не отличается изысканностью.

От первого издания «Романсов» в 1874 году в публичном доступе имеется только обложка, однако Брюсов сообщает ценные сведения о том, как оно готовилось к печати. Этим занимался верный друг Верлена – Лепеллетье, который также был ограничен в средствах. Впервые знаменитый сборник был напечатан в «скромной, плохо обставленной типографии». Несмотря на то что «Лепеллетье постарался выбрать, насколько можно было, более красивый шрифт, купил ватмановской бумаги», «книга получилась довольно неуклюжая» [4, с. 46]. Стоит отметить, что сам Верлен на момент выхода сборника был в тюрьме. Таким образом, скромность обоих изданий «Романсов» и всех трех выпусков «Символистов» связана с материальным положением их авторов. Напрашивается вывод, что судьба автора влияет на перитекст его произведения, а значит, связана с тем, какое впечатление произведет на читателей сам текст.

В отличие от «Романсов», у которых нет предисловия, в брюсовских сборниках предисловия играют крайне важную роль, поэтому имеет смысл проанализировать каждое из трех. В предисловии к первому выпуску, озаглавленному «От издателя», написанному, однако, самим Брюсовым, поэт, во-первых, утверждает, что не считает символизм «поэзией будущего» [9, с. 3], тем самым он сглаживает острые углы нового течения и уходит от эпатирования публики, что, к слову, не спасет его от жестокой критики. Так-

же Брюсов разделяет декадентство и символизм («язык декадентов, странные, необыкновенные тропы и фигуры вовсе не составляют необходимого элемента в символизме» [9, с. 3]), затем формулирует цель символизма: «загипнотизировать читателя, вызвать в нем известное настроение» (Там же, с. 4). Нам представляется, что эту цель можно считать и намерением автора (напомним, что автор и издатель здесь в одном лице), сообщить которое является «главной функцией большинства предисловий» [11, с. 11]. Обратим внимание на небольшую мистификацию с вымышленным издателем «Владимиром Александровичем Масло-вым». Брюсов выдумал его, вероятно, чтобы создать иллюзию значительности символистской школы, что проявится в полной мере во втором и третьем выпусках: поэт опубликует стихи нескольких поэтов, которые на самом деле будут его литературными масками.

В предисловии ко второму выпуску, сделанному в форме ответа на письмо «очаровательной незнакомки» (и озаглавленному дважды: «Вступительная заметка *Валерия Брюсова*» и только затем, через пустую страницу, кратко «Ответ»), Брюсов, отвечая на вопрос «в чем сущность символизма», во-первых, отделяет русский символизм от французских «примесей», во-вторых, выделяет три вида символистских произведений, в-третьих, разъясняет, какие произведения нельзя называть символистскими, в-четвертых, защищает «поэзию намеков» и объясняет, почему символизм достоин стоять в одном ряду с другими литературными течениями. Все это делает «Ответ» программной статьей русского символизма, что в свою очередь подводит нас к главной функции «оригинального предисловия»: «обеспечить прочтение текста должным образом (Там же, с. 197). При чтении символистского текста это особенно важно.

Примечательно, что «Ответ» (т.е. перитекст второго выпуска «Символистов») во многом обусловлен эпитекстом первого выпуска – реакцией на него публики и критиков. В предисловии же к третьему выпуску, озаглавленному «Зоилам и аристархам», Брюсов отвечает на критику гораздо смелее, местами даже дерзко, не стесняясь цитировать периодику и давать сноски, то есть можно говорить об основополагающей роли эпитекста предыдущих выпусков в формировании перитекста последнего выпуска. Насмешничество над критиками и выпады (чего стоят только слова «не обязаны же мы спорить со всяким, кто станет на большой дороге и начнет произносить бранные слова»), конечно, формируют у читателя определенный образ автора, что не может не влиять на восприятие самих стихотворений сборника. В третьем выпуске Брюсов сознательно эпатирует публику, это проявляется как в перитексте, так и в самом тексте стихотворений. Любопытно также, что статья анонимна: подпись отсутствует, а о самом поэте автор говорит в третьем лице. Тем не менее, этот текст принадлежит перу Валерия Брюсова. Можно было бы подумать, что эта анонимность призвана показать беспристрастность автора, выступающего как рефери между критиками и поэтом (хотя на пяти страницах текста автор лишь единожды признает правоту рецензента (а именно Владимира Соловьева), делая это снисходительно и как бы мимоходом), в действительности же причина

анонимности статьи более прозаична. В письме к поэту Петру Перцову Брюсов пишет, что из-за сокращений «от первоначального замысла почти не осталось следа... поэтому она и не подписана» [3, с. 35].

Важный аспект паратекстуальности «Русских символистов» – псевдонимность. Для создания полноценной литературной школы Брюсову нужны были талантливые поэты-символисты и декаденты, найти достаточное количество коих было несколько затруднительно. Как уже было сказано выше, Брюсов «отдал» свои стихотворения вымышленным (им самим) авторам. Некоторые авторы не были наделены никакими атрибутами, кроме имени, что является «седьмой практикой» [11, с. 47] псевдонимности. Однако к «В. Дарову» Брюсов был щедрее: в «Автобиографии» 1913 года поэт все еще выдает его за реального человека: «В. Даров (псевдоним) занялся торговлей и в настоящее время известен в финансовом мире, но продолжает писать стихи» (цит. по: [7, с. 59]). Н. К. Гудзий обнаружил черновики предисловия к сборнику «покойного» Дарова, в которых содержалась некоторая информация о нем. Гудзий объясняет цель мистификации: «Само предисловие издателя рассчитано было на то, чтобы загипнотизировать читателя и судьбой юного поэта, <...> и уверениями издателя в его гениальности. Перед нами явный расчет на эффект, на исключительность и необычность факта» [5, с. 187]. В. Даров – это, безусловно, «шестая практика» псевдонимности, известная как «выдумывание автора» [11, с. 47].

«В сборниках стихотворений, – указывает Жетт, – автономность произведений намного выше, чем в эпосе или романе. <...> Несмотря на то, что тематически стихотворения могут быть более или менее едины, эффект последовательности <...> обычно весьма слаб, и порядок частей чаще всего произволен» (Там же, с. 312). В общем, это справедливо в отношении «Символистов», однако в третьем выпуске на одном развороте отнюдь не случайно Брюсов расположил стихотворение «Творчество» и моно стих «О закрой свои бледные ноги» (которому отведена отдельная страница). Это, пожалуй, два самых известных символистских стихотворения, оба провокационные, а расположенные рядом, они усиливают впечатление читателя.

Сборник Верлена разделен на четыре части: «Забывшие ариетты» (в переводе Брюсова – «арийки») (девять стихотворений без названий), «Бельгийские пейзажи» (пять стихотворений), «Birds in the night» (одно одноименное стихотворение) и «Акварели» (шесть стихотворений).

Говоря о перитексте «Романсов без слов», нельзя не сказать о названиях. Верленовский сборник очень музыкален: как пишет Т.Ю. Макарова, в нем «переплетаются задушевные незатейливые песенки и стихи, символически передающие минорным звучанием и ритмом беспредметную тоску и покорность. <...> Магия звучащего слова усиливается с помощью искусных вариаций стихотворного ритма, переносов, игры ассонансов, аллитераций и любых других видов повторов» [6, с. 72–73]. Эта музыкальность отражена в некоторых названиях. Так, название всей книги отсылает к сборнику фортепианных пьес Феликса Мен-

дельсона – «Песням без слов», а в названии первого цикла заключен музыкальный термин – ариетта, то есть небольшая ария. Интересно, что через 12 лет после выхода сборника Клод Дебюсси напишет вокальный цикл на стихи Верлена и назовет его «Забытые ариетты».

Женетт, говоря о названиях, указывает, что более века существовала определенная «модель (кратко, сдержанно, торжественно) для лирических названий», которая «преобладала в работах романтиков и постромантиков, от Бодлера <...> до Верлена, Малларме и пр., вплоть до раннего Рембо» [11, с. 314]. Она проявляется и в «Романсах без слов», а именно в последнем цикле «Акварели» («Green», «Spleen», «Streets», «Beams»). Названия стихотворений цикла «Бельгийские пейзажи» (названных по городам Бельгии) связаны с биографией Верлена – поэт путешествовал по стране с Артюром Рембо. Сборник был составлен во время бельгийского путешествия.

Эту же модель (кратко и торжественно) использует и Брюсов, например, в названиях «Шорох» и «Сага» (второй выпуск). Есть в «Символистах» стихотворения, названия которых связаны с личной жизнью их авторов. У Брюсова таково, например, «Первое счастье» (с подзаголовком «Памяти Е.») из первого выпуска, посвященное Елене Красковой, первой любви поэта, умершей весной 1893 года.

В своей книге Женетт обращает внимание на графичность текста, говоря, что она «неотделима от литературного намерения» (Там же, с. 34). Во втором выпуске «Символистов» есть стихотворение Эрла Мартова, озаглавленное «Ромб». Полностью соответствуя названию, строки формируют эту геометрическую фигуру (см. приложение), хотя в самом тексте нет ничего связанного с ромбами или геометрией. Фигурное оформление, вероятно, было перенято от французского символиста Стефана Малларме. Оно производит на читателя, пожалуй, даже большее впечатление, чем смысловое содержание стихотворения.

Эпитекст

«С 1894 года до 1910 на него изливались потоки хулы <...> Уж и мстили, вонзаясь в поэзию Брюсова пилами, сверлами и бормашинами: в ряде годин» [2, с. 163–165], – пишет в своих мемуарах Андрей Белый. Действительно, критика была безжалостна к опытам юного поэта. Нельзя не заметить, что публика была настроена предвзято как к Брюсову, так и к декадентству в целом. Так, например, на страницах журнала «Русское Богатство» критик «предлагал считать символизмом все, перед чем можно воскликнуть “черт знает что такое”» [10, с. 4]. Отметим, что «Символисты» произвели на читателей и критиков большое впечатление: биографы Брюсова Н.С. Ашукин и Р.Л. Щербаков указывают, что на сборники «отозвались почти все столичные газеты и журналы» [1, с. 79]. Публичный эпитекст брюсовских «Символистов» говорит о том, что читающая публика в России не была готова к брюсовскому символизму.

«Романсы» также не имели успеха, однако с ними ситуация совсем иная. Биограф Верлена Пьер Птифис пишет о «гробовом молчании» в газетах. Из немногих, кто хоть как-то отозвался на сборник, можно

назвать поэта Эмиля Блемона, который пишет: «Мы только что получили “Романсы без слов” Поля Верлена. Это снова что-то музыкальное, причем странно музыкальное, здесь веет неизбывной тоской и звучит эхо загадочных страданий» [8, с. 192]. Для Верлена, утверждавшего: «О музыке на первом месте» и «О музыке всегда и снова!», конечно, было неприятно получить такую рецензию – она означала, что стихотворения не поняты публикой.

Доступный нам личный эпитекст «Символистов» не так объемлен, как публичный. Так, в опубликованных дневниках Брюсова всего несколько малозначительных упоминаний о сборниках. Писем же того периода сохранилось мало.

Еще хуже обстоит дело с эпитекстом верленовского сборника: в сохранившихся письмах Верлена нет упоминаний «Романсов».

Выводы

Хотя сходства между «Романсами без слов» и «Русскими символистами» в аспекте паратекстуальности очевидны, нельзя сказать, что Брюсов подцепил какие-то конкретные идеи, читая и переводя верленовский сборник. Эти сходства обусловлены скорее типологическими связями. Так, лаконичные и броские названия характерны для всей эпохи романтизма и постромантизма, поэтому неудивительно, что они встречаются у обоих поэтов.

Если паратекст «Романсов» не имеет определяющего значения, то некоторые паратекстуальные элементы трех тоненьких книжек Брюсова значительно повлияли на историю русского символизма. «Ответ» из второго сборника стал одним из программных текстов нового течения, а мистификация с литературными масками, под которыми творил Брюсов, помогла сформировать символизм как литературную школу. Также публичный эпитекст (то есть жесточайшая критика, обрушившаяся на поэта) повлиял на его становление как личности и поэта: нельзя забывать, что на момент публикации «Символистов» Брюсову было 20–21 год. Вероятно, Брюсов, каким мы знаем его сегодня, – это в том числе следствие публичного эпитекста «Русских символистов».

Литература

1. Ашукин, Н. С. Брюсов / Н. С. Ашукин, Р. Л. Щербаков. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 689 с.
2. Белый, А. Начало века. Воспоминания : в 3 книгах / А. Белый ; редколлегия: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина [и др.] ; подготовка текста и комментарии А. Лаврова. – Москва : Художественная литература, 1990. – Кн. 2. – 687 с.
3. Брюсов, В. Я. Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову / В. Я. Брюсов. – Москва : Государственная академия художественных наук, 1927. – 81 с.
4. Верлен, П. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова : с критико-биографическим очерком, библиографией и шестью портретами / П. Верлен. – Москва : Скорпион, 1911. – 201 с.
5. Гудзий, Н. К. Из истории раннего русского символизма. Московские сборники «Русские символисты» / Н. К. Гудзий // Искусство. – 1927. – Т. III, кн. 4. – 218 с.
6. Макарова, Т. Ю. Проблема истины как элемент переводческой адаптации «Песни без слов» П. Верлена / Т. Ю. Макарова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – Новосибирск, 2010. – С. 72–76.

7. Молодяков, В. Э. Валерий Брюсов. Будь мрамором / В. Э. Молодяков. – Москва : Молодая гвардия, 2020. – 543 с.
 8. Птифис, П. Поль Верлен : перевод с французского / П. Птифис. – Москва : Молодая гвардия, 2002. – 489 с.
 9. Русские символисты. Выпуск 1. – Москва : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. – 44 с.

10. Русские символисты. Выпуск 3. (Лето 1895). – Москва : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895. – 53 с.

11. Genette, G. Paratexts. Thresholds of interpretation / G. Genette. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – xxvi. – 453 p.

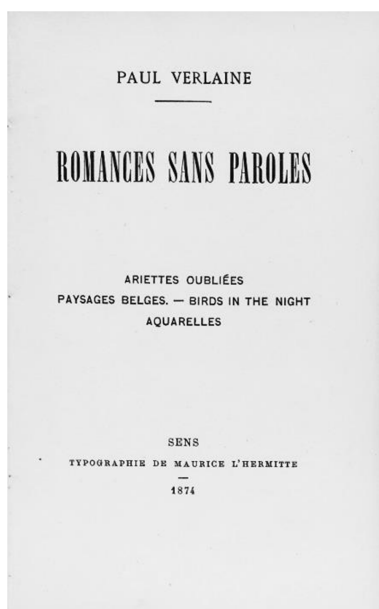
G.V. Sudakov, I.K. Sushilina

VALERY BRYUSOV'S «RUSSKIE SIMVOLISTY» AND PAUL VERLAINE'S «ROMANCES SANS PAROLES» FROM THE ASPECT OF PARATEXTUALITY

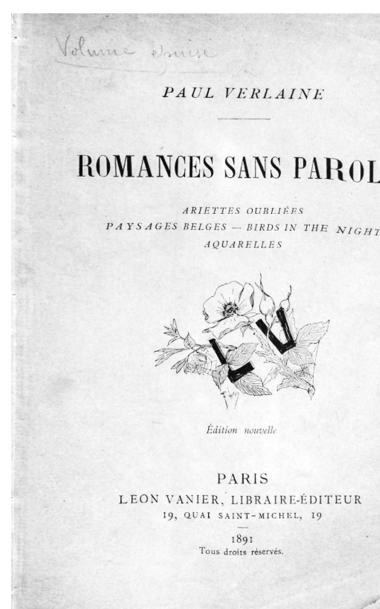
The article analyzes V. Bryusov's collections *Russkie Simvolisty* and P. Verlaine's *Romances sans Paroles* in terms of Gérard Genette's concept of paratext. It is considered how paratextual elements influence the perception of the text by the reader, and how the paratext of V. Bryusov's collections correlates with the paratext of the collection of his idol and “teacher” – Paul Verlaine.

Valery Bryusov, Paul Verlaine, *Russkie Simvolisty*, *Romances sans Paroles*, paratext, peritext, epitext.

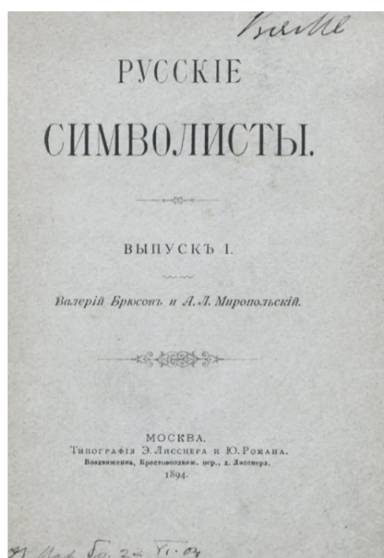
Приложение

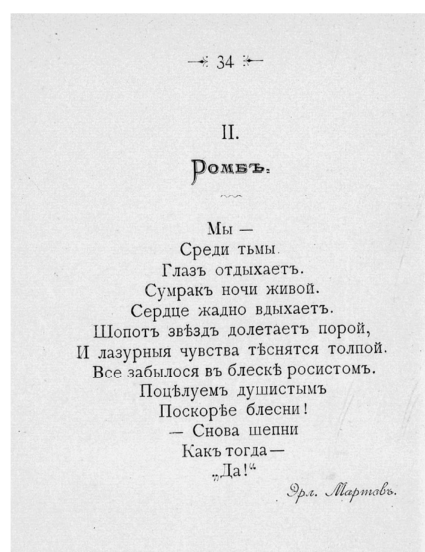
Обложка первого издания «Романсов без слов», 1874 г.

Обложка «Романсов без слов», издание 1891 г.

Обложка первого выпуска «Русских Символистов», 1893 г.

Стихотворение «Ромбъ»

В.А. Черкасов

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

РОМАН А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ОСВЕЩЕНИИ Д.И. ЧИЖЕВСКОГО И В.В. НАБОКОВА

В статье рассматриваются основные мотивы полемики В.В. Набокова в «Комментариях к Евгению Онегину» с Д.И. Чижевским как автором «Комментариев» к роману А.С. Пушкина. При этом учитывается генезис тех или иных сведений, почерпнутых ими из работ пушкинистов-современников. Прямые указания Набокова на допущенные Чижевским разного рода ошибки перерастают в полноценную полемику, при рассмотрении которой оказывается возможным выяснить специфику концептуальных подходов комментаторов к таким существенным вопросам пушкиноведения, как генезис «Евгения Онегина» и его роль в эволюции русской литературы XIX в.

В.В. Набоков, Д.И. Чижевский, А.С. Пушкин, «Евгений Онегин».

Данная тема неоднократно попадала в поле зрения исследователей. Уже А.П. Гершенкрон, один из первых критиков, откликнувшихся на выход в свет «Комментариев к Евгению Онегину» (КЕО) (1964) В.В. Набокова, обратил внимание на полемику писателя с Д.И. Чижевским как автором аналогичного произведения [1]. В статье Гершенкрона содержится одно важное для нашей работы наблюдение об избирательном отношении Набокова к немецким и русским источникам романа Пушкина [1, с. 413–414]. В примечании к этому наблюдению, призванному его проиллюстрировать, Гершенкрон упоминает Чижевского как практикующего прямо противоположный подход: «...прощание Татьяны с деревней очень близко к знаменитому монологу Иоанны из “Орлеанской девы” Шиллера, перевод которой, принадлежавший Жуковскому <...> появился года за два до того, как Пушкин принялся за свой роман. Чижевский правильно упоминает о вероятности такой связи» (Там же, с. 413).

Б. Бойд считает рассматриваемый в нашей работе сюжет типичным примером характерной для комментариев Набокова в целом оппозиции частное, индивидуальное/общее, абстрактное. В этой связи Бойд раскрыл роль Чижевского как одного из прототипов набоковского полемического образа «схолиаста», компилирующего непроверенные сведения [2, с. 420].

Таким образом, исследователи, до сих пор рассматривавшие обозначенную в заголовке нашей работы тему, однозначно формулируют отношение Набокова к комментариям Чижевского как полемическое. Однако каждый из них изучал отдельные аспекты этой полемики. Целостного монографического анализа полемики Набокова в КЕО с Чижевским до сих пор не существует. В нашей работе мы намереваемся рассмотреть основные мотивы полемики Набокова с Чижевским в «Комментариях к Евгению Онегину», с учетом генезиса тех или иных сведений, почерпнутых ими из работ пушкинистов-современников.

Англоязычные «Комментарии» Чижевского к русскому тексту «Евгения Онегина» вышли из печати

в 1953 г. [12], в самый разгар работы Набокова над произведением аналогичного жанра: по сведениям Бойда, труд писателя над КЕО в целом охватывает период с 1948 по 1958 гг. [2, с. 405], однако наиболее интенсивный период этой работы начинается с августа 1952 г. (Там же, с. 383). На первый взгляд, не вычитанный как следует опус Чижевского не вызвал в Набокове ничего, кроме раздражения. Его прямые ссылки на труд предшественника представляют собой указания на допущенные тем разного рода ошибки.

По мнению Набокова, Чижевский неоднократно допускает ошибки *в толковании отдельных слов и выражений* в «Евгении Онегине», поскольку не учитывает тесной связи его словаря с французской поэзией XVIII века. Имеются в виду комментарии Набокова к гл. 2, II, 1 ...*замок* [7, с. 220]; к главе 2, XXXVIII, 5 ...*жатвой*... (Там же, с. 275); к главе 6, VII, 12 (Там же, с. 442).

По Набокову, Чижевский, как знаток не имеющих отношения к «Евгению Онегину» «древних или созданных в подражание древней манере славянских памятников» (Там же, с. 275), и не мог учесть тесную связь этого произведения с французской культурой в целом, ввиду слабого знакомства с нею. В КЕО неоднократно приводятся примеры ошибок Чижевского в *правописании имен французских писателей*:

– в комментарии к гл. 3, XII, 10 ...*Вечный жид*...: «Нас преследуют еще и такие библиографические призраки, как ссылки на несуществовавших авторов и их произведения, упомянутые Чижевским в комментариях к *ЕО*: не было никакого “французского поэта Рокко де Корнелиано”¹, автора вымышленного романа “Вечный жид” (1820), как не было никогда на свете и драматурга “Л.Ш. Шень” (Чижевский, с. 239, 316)²».

¹ В оригинале КЕО: «Rocca de Cornelianio, French poet» [11, с. 355].

² «Вполне вероятно, что Пушкин был знаком с французскими произведениями на эту тему и с этим героем: пьеса L. Ch. Chaignet (1812) или роман R. de Cornelianio (1820)» [12, с. 239]. В именном указателе: «Chaignet, L. Ch., French poet (*Eternal Jew*, 1812)». «Cornelianio, Rocca de, French poet (*Eternal Jew*, 1812)» (Там же, с. 316).

Впрочем, существует совершенно ничтожный трактат “История вечного жида, написанная им самим” (“*Histoire du Juif-errant écrite par lui-même*”), опубликованный анонимно в Париже в 1820 г. автором, специализировавшимся на политических, исторических и религиозных темах, – графом Карло Пасеро де Корнелиано (Corneliano); есть и скверная мелодрама в трех актах Луи Шарля Кэнье (Caigniez или Caignez, 1762–1842), в которой Скиталец представлен Иглуфом (от нем. *ich lauf* – я бегу), – первая безуспешная попытка постановки состоялась 7 января 1812 г. в парижском “Театре Веселья” (Théâtre de la Gaîté). Между прочим, этот Кэнье был соавтором Теодора Бодуэна, известного под именем д’Обиньи (d’Aubigny), истинного создателя чрезвычайно удачной пьесы “*La Pie voleuse, ou la Servante de Palaiseau*” (премьера в Париже 29 апреля 1815 г.), которая послужила основой для создания либретто (Д.Ж. Жерардини) к опере Россини “Сорока-воровка” (1817), столь любимой Пушкиным в его одесский период» [7, с. 306–307]. Чуть ниже, в этом же комментарии, в связи с вопросом атрибуции русской версии романа «Монах» Анне Рэдклиф, Набоков указывает источник информации Чижевского о существовании драмы L.Ch. Caignez «Вечный жид» (1812), – а именно статью Н.О. Лернера «Вечный жид», вошедшую в состав его «Пушкинологических этюдов» (1935): «В русской адаптации этот роман был приписан (как указано в “Звеньях” Лернером, 1935, V, с. 72) известной даме, “славной госпоже Радклиф”, Анне Рэдклиф (1764–1823)...» (Там же, с. 308). В указанной статье Лернера упоминается, между прочим: «у французов под заглавием “Вечный Жид” была драма L. Ch. Caignet (1812)» [5, с. 72]. Таким образом, в данном случае Набоков демонстрирует, как ошибки, допущенные Чижевским в цитировании имен французских писателей, могут приводить к ошибочным ссылкам на источники «Евгения Онегина».

– В комментарии к гл. 5, XXIII, 10 *Мармонтеля третий том*: «Замечу, что Бродский (1950, с. 49) пишет: “*Contes morales*”, а Чижевский (1953, с. 212) дает неверное написание фамилии автора – “*Marmontelle*”» [7, с. 413]. Следует заметить, что Чижевский правильно написал имя Мармонтеля, комментируя как раз тот же стих «Евгения Онегина», что и Набоков: «Пушкин вряд ли подразумевал поставить Мармонтеля (Marmontel. – В. Ч.) на один уровень с этим перечнем литературной халтуры. Были как французские, так и русские издания Мармонтеля (французское издание, 18 томов, 1818–1819; “*Contes Moraux*” были в томе 3. Российское издание в 4 томах, 1820–1821 – слишком поздно, чтобы быть прочитанными Татьяной)» [12, с. 261]. Кроме того, Набоков существенно расширил толкование Чижевского за счет корректирования библиографического описания французских изданий, содержащихся в третьем томе Полного собрания сочинений Мармонтеля «*Contes Moraux*»: «В третьем томе Полного собрания сочинений Мармонтеля (Marmontel, “*Euvres complètes*”, Paris, 1787, 17 vols.) содержатся “Нравственные повести” (“*Contes Moraux*”), впервые появившиеся в 1761 г. (в двухтомном издании La Haye), и “Новые нравственные повести” (“*Nouveaux contes moraux*”). В библиотеке Пушкина имелось Полное собрание 1818–1819 гг. издания» [7, с. 413].

– В комментарии к гл. 7, XXXIV: «Имя его (Gédéon Tallemant des Réaux. – В. Ч.) Чижевский (с. 278), кстати говоря, не только трижды калечит, но и превращает в синоним пустоты “Анонимные [sic] *Les Historiettes de Tallement* [sic] de [sic] Reaux [sic]...”» [7, с. 507].

В комментарии к гл. 6, XLI, 1–4 Набоков отмечает множество ошибок Чижевского в **цитировании французского оригинала**: «Ср.: Мильвуа, “Листопад”, первый вариант (“*La Chute des feuilles*”, première version):

Mais son amante ne vint pas
Visiter la Pierre isolée;
Et le pâtre de la vallée
Troubla seul du bruit de ses pas
Le silence du mausolée.

<...> Чижевский (с. 274), цитируя пять строк французского оригинала, допускает, по меньшей мере, пять ошибок» (Там же, с. 473).

Набоков имеет в виду следующую цитату в комментариях Чижевского (орфографические ошибки выделены нами):

Mais son amante ne vint pas
Visiter la Pierre isolée;
Et la pâtre de la vallée
Trouble seul de bruit de ses pas
Les silences du mausolée [12, с. 274].

Согласно Набокову, Чижевский допускает ошибочные ссылки на источники «Евгения Онегина», так как не знает **содержания произведений западной (французской, английской, латинской) литературы**:

– в комментарии к гл. 1, XVII, 12 *Федру, Клеопатру* Набоков исправляет ошибочное утверждение Чижевского о существовании трагедии «Клеопатра», принадлежащей перу Вольтера³: «Никакой пьесы Вольтера о Клеопатре не существует. Легенда о том, что под “Клеопатрой” в *ЕО* подразумевается “Клеопатра, трагедия Вольтера”, идет от ошибки М. Гофмана в его примечаниях к *ЕО* издательства “Народная библиотека” (1919); она повторяется в комментариях Бродского (*ЕО*, изд-во “Мир”, 1932) и переходит в небрежный компилят Д. Чижевского (Harvard University Press, 1953), хотя еще в 1934 г. Томашевский (*Лит. насл.*, т. 16–18) обратил внимание на эти “балетные переделки несуществующих трагедий”» [7, с. 134].

Цитируя полемическое замечание Б.В. Томашевского о генезисе указанной ошибки Н.Л. Бродского в первом издании его комментариев⁴ [3], Набоков не только указывает на неполноту источников у Чижевского, проигнорировавшего даже столь известное в

³ «“Клеопатра” – героиня одноименной трагедии Вольтера, или балета» [12, с. 214].

⁴ «...“Клеопатра”, поставленная едва ли не ради рифмы, объявлена “балетной переделкой трагедии Вольтера”» [9, с. 1095]. «Эта “балетная переделка”, фигурирующая и у Н. Бродского, ведет свое начало по-видимому от комментария М. Гофмана к изданию “Народной библиотеки”, в котором смело сказано, что “Клеопатра” – трагедия Вольтера. Между тем не только у Вольтера нет такой трагедии, но и персонаж этот совершенно отсутствует в его театре. Пушкинское указание загадочно. Неясно, какую Клеопатру мог обшаривать Онегин в 1819 г.» (Там же, с. 1110). Томашевский цитирует Бродского: «...Клеопатра – балетная переделка трагедии Вольтера» [3, с. 12]. Таким образом, не точно процитировав Томашевского, Набоков в сжатой форме передал суть его замечания Гофману и Бродскому.

пушкинистике издание «Литературного наследства», но и подчеркивает, что тот держал в руках только первое издание комментариев Бродского, а не последнее по времени – третье, в котором замечание Томашевского было учтено⁵ [4]. Другими словами, Набоков указывает на архаичность сведений Чижевского, написавшего свои комментарии в 1953 г., однако не сверившего содержащиеся в них данные с новейшей научной литературой.

– В упомянутом выше комментарии к гл. 6, VII, 12 *Kanustu sadit*, как *Гораций* Набоков углубляется в словарные изыскания оригинальных текстов Горация, чтобы исправить утверждение Чижевского, отрицавшего возможность занятий сельским хозяйством со стороны латинского поэта [7, с. 442].

В комментарии к эпиграфу гл. 2 *O rus! / Hor. / O Русь!..* Набоков также обращается к горацанской теме. Хотя Чижевский здесь прямо не назван, набоковская ссылка в комментарии к гл. 6, VII, 12 *Kanustu sadit* дает достаточное основание для утверждения присутствия его комментариев в качестве полемического подтекста данной статьи. Чижевский комментировал этот эпиграф следующим образом: «Эпиграф главы заимствован из сборника анекдотов и *bons mots*, *Bievriana*, *Almanach des calembours* (Париж, 1771 и более поздние издания). То, что Пушкин знал этот сборник, видно из его ссылки на него в одном из черновиков для “Альбома Онегина”: “анекдоты площадные, из бьеврианы занятые”. Одно из поздних изданий содержит парижскую остроту седьмого года республики, когда ожидалось, что русские войдут в Париж. Один из роялистов, в то время нетерпеливо ожидающих их прихода, декламировал Горация: “O, rus! Quando ego te aspiciam” – “rus”, конечно, вместо “Россия”» [12, с. 222].

Полемизируя с Чижевским, Набоков указывает на творчество Горация как на прямой источник пушкинского эпиграфа [7, с. 217].

В комментарии к гл. 4, XXXIX, 1–4 Набоков подтверждает прямое знакомство Пушкина с первоисточником, то есть *Второй Сатирой* Горация (Там же, с. 378). Казалось бы, тривиальное толкование Набоковым русской части пушкинского эпиграфа оказывается необходимостью, подчеркивающей полемическое переосмысление со стороны автора «Евгения Онегина» бытовавшего в его время пейоративного каламбурного значения горацанского *rus* как «деревня» в применении к русским. В связи с этим Набоков цитирует дневник Стендаля за 1837 г., а также упоминает его роман «Красное и черное» (1831), в которых зафиксирован данный каламбур (Там же, с. 217). Далее Набоков идентифицирует источник комментария Чижевского: «Л. Гроссман в “Этюдах о Пушкине” (М., 1923, с. 53) сообщает, что нашел тот же каламбур в “Бьевриане” (*Bievriana*) издания 1799 г. Сборник, к которому обратился я, “Бьевриана, или Каламбуры маркиза де Бьевра” (“*Bievriana*, ou *Jeux de mots* de M. de Bièvre”, ed. Albéric Deville. Paris, 1800) Франсуа Жоржа Марешаля, маркиза де Бьевра (1747–1789), такой игры слов не содержит. В различных сборниках

подобного рода многие остроты, приписываемые Бьевру, связаны с событиями, произошедшими уже после его смерти. В черновике, возможно относящемся к “Альбому Онегина” (см. строфу XIV “Альбома” в коммент. к гл. 7, XXII альтернативная строфа), анекдоты из “Бьеврианы” верно охарактеризованы как “площадные”» [7, с. 217].

Мы не нашли в упомянутом Набоковым издании книги Л.П. Гроссмана указания на год издания «Бьеврианы». На наш взгляд, эта мистификация призвана подчеркнуть сомнительность сведений, передаваемых Гроссманом, так как анекдот из издания 1799 г. вряд ли мог исчезнуть в переиздании сборника спустя всего лишь год. Тем более, как указывает Набоков в последнем предложении своего рассуждения, подобные сборники имели тенденцию не сокращаться, а лишь увеличиваться в объеме за счет вновь включаемых анекдотов. Таким образом, по Набокову, Чижевский не только в очередной раз продемонстрировал свое незнание Горация, но и, в очередной раз некритично пересказав сомнительные сведения Гроссмана, приписал эпиграфу Пушкина несвойственное ему, пейоративное, значение. В эффектной концовке обсуждаемой статьи КЕО Набоков доводит до абсурда наблюдение Гроссмана – Чижевского, отсылая к цитате из онегинского «Альбома», из которой следует, что, по мнению их автора (Онегина), «...эпиграммы площадные, / Из Бьеврианы занятые» являются атрибутом всякого «глупца» и «страмца» (Там же, с. 496). В свете нашей темы, если Чижевский «вослед» Гроссману приписал Пушкину употребление «бьеврианского» каламбура, то тем самым он отнес его к числу этих самых «глупцов» и «страмцов».

– В комментарии к гл. 2, XXX, 3 *Грандисон*, связанном ссылкой с рассмотренным выше комментарием к гл. 2, II, 1 ...*зámok*, Набоков указывает на целый ряд ошибок Чижевского, касающихся знания содержания романов Ричардсона, которые послужили источником для автора «Евгения Онегина», а также передачи реалий русской жизни, отразившихся в романе (Там же, с. 263).

Чуть ниже, в комментарии к стихам 3–4 ...*Грандисона... Ловласу...* Набоков дает подробное библиографическое описание двух романов Ричардсона, из которого становится ясно, к какой трагикомической *qui pro quo* может привести незнание содержания источников комментируемого произведения: «Благородный сердцем сэр Чарльз Грандисон и негодяй благородного происхождения Ловлас <...> – это, по словам Пушкина (в его 14-м примечании), “герои двух славных романов”. Речь, конечно, идет об эпистолярных романах (1753–1754 гг. и 1747–1748 гг. соответственно) Сэмюэля Ричардсона (1689–1761) “История сэра Чарльза Грандисона” в семи томах и “Клариссы, или История молодой леди”, “охватывающая важнейшие вопросы частной жизни и показывающая, в особенности, бедствия, проистекающие из дурного поведения как родителей, так и детей в отношении к браку”, в восьми томах» (Там же, с. 264).

А в комментарии к стихам 13–14 *Сей Грандисон был... гвардии сержант*, дав подробную характеристику воинского звания гвардии сержанта согласно «Табели о рангах» Петра I, Набоков раскрыл суть

⁵ «К л е о п а т р а – имя героини из пьесы, до сих пор не установленной» [4, с. 71].

ошибки Чижевского, отлучившего знакомого Лариной от гвардии. Тема Грандисона заканчивается в комментарии Набокова к гл. 3, X, 14 ...*Грандисон*, где Набоков не только в очередной раз отмечает ту же ошибку Чижевского, назвавшего Грандисона героем «Клариссы Гарлоу», но и вводит новый мотив полемики со своим оппонентом, – *о франкофонстве* героев «Евгения Онегина»: «Здесь Чижевский в своих Комментариях к *ЕО* (с. 237) снова дезинформирует читателя (см. коммент. к гл. 2, XXX, 3): “Грандисон – герой «Клариссы Гарлоу» Ричардсона”. К тому же он полагает, что Пушкин читал эти романы по-русски» [7, с. 302]. Набоков имеет в виду следующее замечание Чижевского: «Героиня незаконченного “Отрывка из романа в письмах” (1829 и следующие) упоминает *Clarissa*, подчеркивая утомительность романа – русское издание было в двенадцати томах!» [12, с. 237]. Чуть выше, в комментарии к гл. 3, IX, 10 *И бесподобный Грандисон...*; X, 3 *Кларисой...* Набоков раскрыл смысл своего полемического замечания в отношении Чижевского, указав на франкофонские источники чтения Татьяны [7, с. 300–301]. В упомянутом комментарии к гл. 2, XXIX, 1–4 Набоков указывает на присутствие французской гувернантки в доме Лариных как на одну из решающих причин франкофонства Татьяны (Там же, с. 263).

В комментарии к строфе XXIIb, не вошедшей в окончательный текст «Евгения Онегина», в которой Пушкин, по словам Набокова, допускает «довольно неожиданные нападки на изучение русскими провинциальными барышнями европейских языков»⁶ (Там же, с. 254), также констатируется, со ссылкой на свободное владение Ольгой и Татьяной французским языком, присутствие в семье Лариных французской гувернантки: «В окончательной редакции обе барышни Ларины читают и пишут по-французски значительно свободнее, чем по-русски, что свидетельствует о недавнем присутствии в семье гувернантки» (Там же). Ссылка Набокова на каталог библиотеки Пушкина, составленный Б.Л. Модзалевским, как на дополнительный аргумент в полемике с Чижевским о франкофонстве Татьяны – это мистификация: согласно этому каталогу, в библиотеке Пушкина было только англоязычное издание романов Ричардсона [6, с. 321]. Таким образом, по Набокову, незнание творчества Ричардсона, а также невнимательное чтение «Евгения Онегина» приводит Чижевского к ошибочной ссылке на русский перевод романов английского писателя как на источник «Евгения Онегина».

В комментарии к главе 6, XL, 5–14 Набоков как бы резюмирует основные мотивы своих прямых ссылок на комментарии Чижевского, объединяя в одной статье ошибочное цитирование имени французского писателя, ошибочное цитирование французского оригинала (его названия) и незнание его содержания: «(см. также XLI, гл. 7, VI–VII) профессор Чижевский говорит (с. 270): “...эта тема <могила юноши> была использована К. Делавином <имя которого он пишет

К. Delavigne> («Messénie»)”. Такого поэта не существует, а если речь идет о Казимире Делавине (Casimir Delavigne), как запоздало делается предположение в указателе, то ни он, ни кто-либо другой не писали произведений под названием “Messénie”; если же имеется в виду сборник патриотических элегий Делавина “Les Messéniens” (“Мессинские элегии”), то в нем никакие могилы юношей не воспеваются» [7, с. 472].

Набоков отметил всего лишь две ошибки в комментариях Чижевского вне рамок французской темы: в комментариях к гл. 2, XLI, 1–2 *Но может быть – и это даже / Правдоподобнее <в> сто раз...* он намекнул, что тот не читал черновых рукописей «Евгения Онегина» (Там же, с. 280); к главе 10, XII, 3 *Тиран* Набоков исправляет ошибку Чижевского в датировке бунта Семеновского полка (Там же, с. 654).

В «Заметках переводчика» Набоков подводит общий итог своего негативного отношения к комментариям Чижевского, выраженного в рассмотренных выше его прямых указаниях на допущенные там ошибки: «Тут незачем разбирать по пунктам бесконечное количество курьезов и ошибок в “Комментарии”, но приходится отметить следующее. Все украшает этот странный труд – непроверенные заимствования у других компиляторов, дикие ошибки во французском языке, исковерканные до неузнаваемости имена и заглавия, неправильные даты, нелепые предположения, устаревшие толкования, восторженные упоминания каких-то чешских, польских, а главное, немецких трудов, никакого отношения к пониманию *ЕО* не имеющих» (Там же, с. 817).

Столь убийственный вердикт по поводу научных достоинств комментариев Чижевского не отрицает, однако, того факта, что не все прямые ссылки Набокова на них представляют собой простое исправление ошибок. Некоторые из этих ссылок имеют полемический характер в собственном значении этого слова, то есть выражают несогласие с наблюдениями оппонента или сложное отношение к ним. К их рассмотрению мы и перейдем.

Из «Заметок переводчика» становится ясно, что Набоков в своем комментарии к главе 2, XXXVIII, 5 ...*жатвой...* под «Slavic antiquities or pseudoantiquities» [11, с. 306], к которым якобы прибегает Чижевский при толковании данного слова, имеет в виду прежде всего «Слово о полку Игореве»: «Чижевский, по каким-то соображениям сопоставивший эту несчастную жатву с сельскохозяйственными образами в ...“Слове о полку Игореве”, оказал медвежью услугу и без того безупречной подлинности этого замечательного произведения» [7, с. 815]. Другими словами, ссылка Чижевского на Библию как на первоисточник обсуждаемого образа «смерти-жатвы»⁷ не вызвала у Набокова возражения. Более того, в общем комментарии к строфе XXXVIII, куда входит и стих о «жатве», он приводит в качестве ее источника рассуждение фран-

⁶ Имеются в виду следующие стихи строфы XXIIb: «Ни дура Англинской породы, / Ни своенравная Мамзель, / В России по уставу моды / Необходимые досель, / Не стали портить Ольги милой...» [7, с. 253].

⁷ «Фрагмент, более близкий к образности “Евгения Онегина”, следует искать в Библии, в книге Иисуса Сирахова (14:19). Другие библейские отрывки проводят параллель между жизненным циклом растений и жизнью отдельных людей или народов, но не останавливаются подробно на образе падающих листьев. Ср.: Joel 4:13; Иов 5:26 и 8:11; Исайя 56:3; Матфей 13:38–39; Апокалипсис 14:15–19» [12, с. 232].

цузского проповедника и богослова Боссюэ, вполне вписывающееся в предлагаемую Чижевским генетически библейскую мировоззренческую парадигму⁸. Если принять во внимание, что Чижевский в данном случае полемизировал с атеистической концепцией Бродского, который указал на рассуждения французского философа-материалиста Гольбаха о «естественных законах»⁹ как на источник XVIII строфы, то можно прийти к выводу, что в этой полемике Набоков принял сторону Чижевского.

В комментарии к главе 5, XXIII, 9 ...*две Петриады...* и 10 *Мармонтеля третий том* Набоков, по сравнению с соответствующим комментарием Чижевского¹⁰, во-первых, дополняет список возможных «Петриад», которые пошли в счет уплаты за снотолкователь Мартына Задеки, причем два из трех добавленных Набоковым произведений принадлежат французской литературе [7, с. 412–413]. По Набокову, русские и французские «Петриады» генетически восходят к одному источнику, представляя собой «ничтожнейшие подражания ничтожнейшим же французским “Генриадам”» (Там же, с. 412).

Во-вторых, Набоков возражает по поводу высокой оценки Чижевским литературных достоинств «Нравственных повестей» Мармонтеля, считая их упоминание в одном ряду с пресловутыми «Петриадами» сознательной реминисценцией Пушкина на известную поэту сатиру французского писателя второй половины XVIII в. Жильбера, в которой упомянутая поэма Тома соседствует с трудом Мармонтеля по признаку их чрезмерного объема и внушаемой ими скуки – результата вливаемых в них унылых и напряженных, но бездарных усилий (Там же, с. 413).

В контексте рассматриваемого комментария КЕО сатирические стихи Жильбера перекликаются с цитируемой Набоковым в связи с оценкой «Петриады» С.А. Шихматова «остроумной», по словам Набокова (Там же, с. 412), эпиграммой К.Н. Батюшкова «Совет эпическому стихотворцу», в которой также акцентируются мотивы длины, скуки и бездарности высмеиваемого произведения (Там же, с. 413). Таким обра-

зом, в данном случае прямая ссылка Набокова на комментарии Чижевского не сводится к простому указанию допущенных тем ошибок, а является собой полноценную полемику, требующую для своего понимания раскрытия ее подтекста. Во всяком случае рассмотренный нами фрагмент КЕО демонстрирует всю серьезность отношения Набокова к труду своего коллеги по ученому цеху.

То же самое наблюдение касается и полемики Набокова с Чижевским по поводу толкования последним употребления частицы «даже» в «Евгении Онегине» и в творчестве Н.В. Гоголя в целом. По этой теме Чижевский напечатал в центральном журнале русского зарубежья «Современные записки» статью «О “Шинели” Гоголя» (1938), в которой придал философское значение частоте употребления этой частицы в творчестве Гоголя: «Гоголь вводит вместо усиления после “даже” то “смысловой нуль”...» [10, с. 178]. В связи с этим обобщением Чижевский поставил Гоголя в один ряд с целым рядом знаменитых немецких философов XIX–XX вв., размышлявших о проблеме «ничто» (Там же, с. 181). В этой же статье Чижевский провел прямую генетическую связь наблюдаемого им гоголевского употребления частицы «даже» с «Евгением Онегиным», посчитав характеристику Зарецкого «и даже честный человек» имеющей аналогичное значение, по его определению, «срыва логического хода мысли» (Там же, с. 179). В «Комментарии» к «Евгению Онегину» Чижевский возвел генезис пушкинской характеристики Зарецкого к повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1758) [12, с. 267].

Набоков возражал по поводу рассмотренного утверждения Чижевского о пушкинском генезисе употребления частицы «даже» в «Шинели» в комментарии к главе 2, XLI. Он придал пушкинскому «даже» совершенно иной философский смысл, подчеркивающий не пустоту бытия, как у Чижевского, а его насыщенность и полноту, обусловленные гармоническим сочетанием с «потусторонностью»: «В первом стихе – “Но может быть – и это даже” – незначительное словосочетание “может быть” (употребленное Пушкиным со сходной интонацией в гл. 6, XXXIX, 1) и слово “даже” практически формируют строку; магия их расположения, аллитерация на “ж”, объемное и полновесное звучание возносят тривиальное “может быть” и “даже” к рокочущим отголоскам судьбы и метафизической гибели. Раскаты набирают полную силу в быстротекущем “правдоподобнее” и в следующих за ним строках, явственно отмеченных скадом» [7, с. 279].

Пушкинское словоупотребление, а значит, и мировоззрение, по Набокову, составляют антитезу гоголевскому: «Такой прием прямо противоположен тому, что делал Н. Гоголь, вводивший пустопорожние слова, наречные сорняки и предложенье осколки в запинаящееся бормотание своих механических уродов и личинок-гомункулов, как, например, в “Шинели”» (Там же). В этом же фрагменте КЕО Набоков ссылается на свою книгу «Николай Гоголь» (1944), в которой, по его словам, он уже рассматривал особенности употребления частицы «даже» в творчестве Гоголя. Однако писатель упоминает эти «штудии» в настораживающе сниженном контексте, что свидетельствует

⁸ «Это постоянное пополнение человеческого рода, я хочу сказать рождающиеся дети, по мере того как они растут и продвигаются вперед, как будто толкают нас плечом и говорят нам: убирайтесь, теперь наша очередь. И так же как мы видим, как другие прошли перед нами, следующие увидят, как мы пройдем, а они, в свою очередь, покажут то же действие своим преемникам. О Боже! И снова – что же мы такое?» [7, с. 274].

⁹ «Мировоззрение рационалиста, чуждого всякой романтической и религиозной мистики, отчетливо сквозит в этом отрывке» [3, с. 88]. «Пушкин в завуалированной форме, скрывавшей от цензуры опасные для господствующей власти идеи, в сущности провел принципы гольбаховского материализма. Поколенья “восходят, зреют и падают, другие им во след идут” – поэтическая перифраза рассуждения Гольбаха об “естественных законах”, призвавших нас к жизни и заставляющих нас возвращаться в лоно природы, откуда мы вышли» (Там же, с. 91).

¹⁰ «Две Петриады» – «были “Петриады” Сладковского (1803), С. Шихматова (1810) и А. Грузинцева (1812, второе издание, 1817). Пушкин наверняка знал Шихматова и, возможно, Грузинцева; его “Полтава” (1830) имеет какое-то отношение к первому из двух названных авторов и к незавершенному эпосу Ломоносова (1760–1761), о котором, вероятно, здесь не говорится (А. Соколов, “Пушкинский временник”, том 4–5). Пушкин вряд ли подразумевал повествование Мармонтеля на один уровень с этим перечнем литературной халтуры» [12, с. 260–261].

о его намерении дезавуировать содержащиеся в этой книге наблюдения и выводы: «Я рассматривал этот прием в своей довольно поверхностной книжонке “Николай Гоголь” (“Nikolaj Gogol”, New Directions, 1944) с кошмарным указателем (за который я ответственности не несу) и путаной системой транслитерации (за которую я ответственность несу). Пользуясь случаем, хочу отметить, что рассказ на с. 8 внизу относится к Дельвигу и афоризм на с. 27 сверху принадлежит ему же (но не Пушкину, который лишь передает и рассказ, и афоризм)» [7, с. 280].

Судя по этой автохарактеристике Набокова, его собственный опус имеет родовые черты сходства с «Комментариями» Чижевского к «Евгению Онегину», какими они представлены в КЕО, по таким признакам, как «поверхностность», небрежность в техническом оформлении книги, ссылки-мистификации на источники. При обращении к тексту «Николая Гоголя» обнаруживается прямое влияние концепции Чижевского на многословные рассуждения Набокова по поводу употребления частицы «даже», поскольку он придал ему глубокий философский и мистический смысл, включающий в себя и рассмотренные выше мотивы «срыва логического хода мысли» и «смыслового нуля» [8, т. I, с. 505].

В указанных Набоковым фрагментах «Николая Гоголя», в которых содержатся ссылки-мистификации на творчество Пушкина, писатель обыгрывает тему «смыслового нуля» в творчестве Гоголя вполне в духе Чижевского. Перелагая пушкинскую заметку «Державин»¹¹, в которой рассказывается о страстном желании А.И. Дельвига, по словам Пушкина, «поцеловать ему <Державину> руку, руку, написавшую “Водопад”», Набоков придает этой руке поэта несвойственную ей вещественность и конкретность, как бы символизирующие возделенную Дельвигом земную наполненность бытия (Там же, с. 409).

По Набокову, при столкновении с «жизнью на самом деле», «земные» мечты подобных Дельвигу писателей (юный Пушкин здесь не исключение) исчезают, образуя «смысловой нуль». Набоков подчеркивает, что именно Дельвиг, автор афоризма о ничтожности поэзии, посвященной теме «потусторонности», напечатал «Главу из исторического романа» (1831), которую Гоголь подписал четверкой нулей, то есть тем же «смысловым нулем». Набоков монтирует характеристику творчества Дельвига, умудрившегося не заметить языческий, земной идейно-образный план («дух») греческой поэзии, и Гоголя как автора «Главы из исторического романа» (Там же, с. 423).

В комментарии к главе 6, IV, 13 Набоков не только указывает на источник сведений Чижевского о вольтеровском «Кандиде», из которого Пушкин позаимствовал характеристику Зарецкого «и даже честный человек», но и решительно отвергает толкование Чижевского: «Замечание Лернера (примечание Набо-

кова: “Звенья”, 1935, № 5, с. 77. – В. Ч.) отослало меня к высказыванию Вольтера (“Кандид”, 1759, гл. 30): “Даже брат Жирофле оказался полезен: он стал очень хорошим столяром и даже сделался честным человеком...”. Чижевский (с. 267) проводит здесь совершенно ошибочную аналогию с использованием Гоголем слова “даже” в “Шинели”» [7, с. 436–437].

Тема полемики с Чижевским по поводу пушкинского употребления «даже» заканчивается в набоковском комментарии к главе 7, XXXIV изящной виньеткой в виде шуточного указания на допущенную Чижевским словесную игру с этой частицей в духе открытой им в творчестве Гоголя «нулевой» степени идейного содержания: «Имя его (Gédéon Tallemant des Réaux. – В. Ч.) Чижевский (с. 278), кстати говоря, не только трижды калечит, но и превращает в синоним пустоты “Анонимные [sic] *Les Historiettes de Tallemant [sic] de [sic] Reaux [sic]*” (более того, я предлагаю любому испытать свои силы и попробовать уразуметь смысл ссылки на Генриха IV у того же компилятора на той же странице)» (Там же, с. 507).

На указанной Набоковым странице напечатано следующее утверждение Чижевского: «...это выражение (“transeuntibus”) даже приписывается Генриху IV»¹² [12, с. 278]. Согласно приведенному Набоковым анекдоту из сборника Таллемана, это выражение принадлежит другому персонажу. Таким образом, очевидную ошибку Чижевского Набоков переосмысливает как возможную сознательную словесную игру в родственном для него самого духе.

Таким образом, при более внимательном рассмотрении указаний Набокова на ошибки, допущенные Чижевским, оказывается, что они выполняют конструктивную функцию в концепции его полемики с Чижевским. Большая часть прямых ссылок в КЕО на комментарии Чижевского раскрывает тему галлицизмов в «Евгении Онегине», понимаемых в самом широком смысле этого слова. В процессе исправления ошибок Чижевского в правописании имен французских писателей и цитировании французских текстов, толкования содержания произведений западной литературы, послуживших источником «Евгения Онегина», идентификации галлицизмов в его художественной речи Набоков дает широкую картину французской культуры, сформировавшей творческое мировоззрение Пушкина. Уже в данной части нашей работы мы продемонстрировали, как указания Набокова на конкретные ошибки Чижевского перерастают в полемику по поводу таких сложнейших вопросов пушкиноведения, как генезис «Евгения Онегина», сравнительное литературное достоинство тех или иных художественных произведений мировой и отечественной литературы, послуживших источником пушкинского шедевра, роль «Евгения Онегина» в эволюции русской литературы первой половины XIX в. К этим вопросам Набоков постоянно возвращается в КЕО, хотя и без прямых ссылок на комментарии Чижевского. Таким образом, для полного раскрытия темы нашего исследования необходимо обратиться к полному и детальному сопоставительному анализу этих ярких «Ком-

¹¹ В комментарии к главе 6, XX Набоков указывает, какие, собственно, «рассказ» и «афоризм», принадлежащие Дельвигу, но приписанные им Пушкину, имеются в виду: «Именно Дельвиг (судя по записи, сделанной Пушкиным) тонко подметил, что чем ближе к небесам, тем холоднее становится поэзия, и именно Дельвиг хотел поцеловать руку Державину, когда тот посетил Лицей (см. коммент. к гл. 8, II, 3)» [7, с. 447].

¹² В оригинале: «...this expression (“transeuntibus”) is even ascribed to Henri IV».

ментариев», созданных усилиями двух выдающихся представителей культуры русского зарубежья.

Литература

1. Гершенкрон, А. П. Рукотворный памятник / А. П. Гершенкрон // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. – Москва : Новое литературное обозрение, 2000. – С. 396–416.
2. Бойд, Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Б. Бойд – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2010. – 948 с.
3. Бродский, Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Н. Л. Бродский. – Москва : Мир, 1932. – 247 с.
4. Бродский, Н. Л. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы. Издание третье переработанное / Н. Л. Бродский. – Москва : Учпедгиз, 1950. – 408 с.
5. Лернер, Н. О. Пушкинологические этюды 7. «Вечный жид» / Н. О. Лернер // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Том V. – Москва ; Ленинград : ACADEMIA, 1935. – С. 71–73.
6. Модзалевский, Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). Отдельный оттиск из издания «Пушкин и его современники», вып. IX–X / Б. Л. Модзалевский. – Москва : Книга, 1988. – 441 с.
7. Набоков, В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / В. В. Набоков ; перевод с английского [Е. М. Видре]. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб ; Набоковский фонд, 1998. – 924 с.
8. Набоков, В. В. Собрание сочинений американского периода : в 5 томах / В. В. Набоков. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004.
9. Томашевский, Б. В. Издания стихотворных текстов // Литературное наследство А. С. Пушкин. Т. 16–18 / Б. В. Томашевский. – Москва, 1999. – С. 1055–1113.
10. Чижевский, Д. И. О «Шинели» Гоголя / Д. И. Чижевский // Современные записки. – 1938. – № LXVII. – С. 172–195.
11. Nabokov, Vladimir. A novel in verse by Aleksandr Pushkin translated from the russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. In Four Volumes. Volume 2 / V. Nabokov. – New York : Pantheon books, 1964. – 547 p.
12. Čyževskyj, Dmitrij. A. S. Pushkin. Evgenij Onegin. A Novel in Verse. The Russian Text, edited with Introduction and Commentary by D. Čyževskyj / D. Čyževskyj. – Cambridge (Mass.), 1953.

V.A. Cherkasov

V.V. NABOKOV'S AND D.I. CHYZHEVSKY'S INTERPRETATIONS OF *EUGENE ONEGIN* BY A.S. PUSHKIN

The main issues of polemics between V.V. Nabokov in his *Commentary on Eugene Onegin* and D.I. Chyzhevsky in his *Commentary* are dealt with in the study. The analysis reveals certain peculiarities of theirs concepts of *Eugene Onegin's* genesis and its role in the development of Russian literature of the 19th century.

V.V. Nabokov, D.I. Chyzhevsky, A.S. Pushkin, *Eugene Onegin*.

Н.Г. Шарапенкова, И.В. Сухоцкая
 Петрозаводский государственный университет

ПОЭТИКА ЖАНРА РОМАНА С. ДАГЕРМАНА «ОСТРОВ ОБРЕЧЕННЫХ»

Цель исследования заключается в определении особенностей жанра романа С. Дагермана «Остров обреченных», представляющего собой сложный и многогранный текст. Научная новизна работы связана с неизученностью данного текста отечественными учеными и недостаточным вниманием к роману со стороны шведских исследователей. «Остров обреченных» ранее не был проанализирован в контексте синкретичности различных субжанров и как отражающий мировоззрение писателя. Нами были получены результаты, подтверждающие гипотезу о сложности «Острова обреченных», текста, сочетающего в себе субжанры робинзонады/антиробинзонады, философского, политического и символистского романов.

С. Дагерман, «Остров обреченных», поэтика жанра, роман, шведская литература.

Роман Стига Дагермана «Остров обреченных» был опубликован в 1946 году. Время создания этого текста соответствует периоду шведского модернизма. Более того, исследователи называют литературу фюртиотализма, к которой и принадлежал Стиг Дагерман, «вершиной» [5, с. 30], главным этапом модернизма. Это время поиска новых способов выражения для описания сменившейся эпохи и нового героя. Лу Дагерман, дочь писателя, характеризует роман как «провокационную экспериментальную прозу» [3].

В центре «Острова обреченных» находятся семь человек, оказавшихся на необитаемом острове в результате катастрофы. В жизни каждого из героев произошёл травмирующий опыт, который может быть охарактеризован одним из экзистенциалов: Вина, Паралич, Голод, Горе, Послушание, Страсть и Одиночество. Данные категории становятся своего рода трагическими изъянами, «ошибками» [2] персонажей. Объединённые вопросами выживания, но замкнувшись в круге болезненных воспоминаний герои один за другим встречают свою смерть.

Внешний пласт романа и его экспозиция позволяют отнести этот роман к субжанру *робинзонады*. Перед читателем предстает группа людей, потерпевших кораблекрушение. Они разводят на острове огонь, способный привлечь проплывающий мимо корабль, и распределяют провизию, заботятся о раненом и страдающем товарище. Недружелюбная атмосфера экзотического места, населённого ящерицами и птицами, окружает семерых выживших героев романа С. Дагермана. Обратимся к словарю литературоведческих терминов, в котором «робинзонада» определяется как «повествовательное литературное произведение (обычно роман), изображающее жизнь одного человека или группы людей, изолированных от общества. Чаще всего действие разворачивается на необитаемом острове, и главным конфликтом его является борьба героя с природой» [8, с. 326]. Герои романа, оказавшись волею судеб на острове, тем самым изолированы от общества людей. Действие происходит на необитаемом

острове, на котором действуют различные природные силы, в том числе и представляющие опасность для жизни человека. К ним относятся обитающая в лагуне рыба, наделённая опасными шипами, и многочисленные отвесные скалы, с которых можно сорваться. Вместе с тем, стоит отметить, что борьба героев с природой не становится главным конфликтом романа. Внутренние переживания семи потерпевших кораблекрушение, травмы из прошлого и настоящего становятся важнее внешних препятствий и опасностей. Более того, ни рыба, ни скалы острова, о которых речь шла выше, не проявляют прямой агрессии к героям. Да, скала стала способом гибели одной из героинь, мадам, не сумевшей справиться с Горем, которое стало ее трагическим изъяном. При этом нельзя сказать, что смерть женщины стала результатом конфликта с природной силой, скалой или ящерицей, убитой мадам, поскольку «...ее тело уже смирилось с предстоящим падением» [14, с. 250].

Для характеристики жанровых особенностей романа «Повелитель мух» У. Голдинга исследователи его творчества используют термин *антиробинзонада*. Приведем наблюдения Н.С. Шалимовой: «Одним из жанровых определений романа является “антиробинзонада”, по противопоставлению с “классической” робинзонадой Р.М. Баллантайна <...> “Робинзонада” детей заканчивается результатом, противоположным приключениям Робинзона на необитаемом острове. У. Голдинг спорит как с просветительской, так и с романтической “робинзонадой”» [10, с. 81]. Иными словами, *антиробинзонадой* становится текст, так или иначе полемизирующий с каноном субжанра робинзонады, в том числе с благополучным исходом жизни героя, к примеру Робинзона Крузо Д. Дефо, в честь которого, как известно, и назван жанр. Финал «Острова обреченных» сильно отличается от традиционного в жанре робинзонады – предложение длиной более чем в половину страницы оканчивается словом *fini*, означающее «кончено» во французском языке. И действительно, моментом ранее был окончен путь

последнего выжившего, Луки, выбравшего гибель от шипов спящей на дне лагуны рыбы: *Он медленно заходит в воду и чувствует, как мягкая прохлада ползет вверх по ступням, погребает под собой циклопотки, медленно поднимается, подобно прохладному, милосердному ветру, вверх по икрам, и вот коленные чашечки уже парят на поверхности воды и уходят под нее, вода вылизывает его бедра нежным напряженным языком – нежным напряженным языком смерти* [14, с. 310].

Более того, российский журналист В. Шлыков в рецензии для портала «Горкий» пишет: «Мы привыкли называть всякое пребывание человека на клочке суши в океане робинзонадой, но шведский писатель Стиг Дагерман в романе «Остров обреченных» создает настоящую антиробинзонаду, чтобы показать, почему катастрофа – это самый честный способ узнать тайну истинных отношений человека с окружающей его вселенной» [11]. В. Шлыков указывает на глубокий психологизм и сложную структуру романа, отличающие текст от привычного субжанра робинзонады.

Таким образом, сюжетные коллизии «Острова обреченных» позволяют отнести роман к субжанру робинзонады. Этому способствует положение героев, потерпевших кораблекрушение и оказавшихся на необитаемом острове посреди океана. С другой стороны, финал «Острова обреченных» и предельная концентрация героев на внутренних переживаниях отличают текст от остальных представителей субжанра робинзонад (к примеру, «Острова Фельзенбург» И. Шнабеля и «Таинственного острова» Ж. Верна).

На творческую судьбу Стига Дагермана повлияла его яркая политическая позиция. Всю жизнь остававшийся приверженцем анархо-синдикализма и противником иерархической структуры власти, писатель не мог не транслировать свои идеологические предпочтения. *То, что позже стало «Островом обреченных», похоже, изначально планировалось как политический роман идей*¹ [16, с. 63]. Однако в процессе написания романа, особенно в порыве вдохновения последней части «Острова обреченных», Стиг Дагерман расширил первоначальную идею, создав текст, имеющий политический пласт, но не ограниченный и определяемый только им. Какие же факторы позволяют рассматривать текст в рамках жанра *политического романа*?

Происходившие в мире трагические события волновали Стига Дагермана не только как журналиста, но и как активного участника политического движения. Анархо-синдикализм, не совместимый с иерархической системой власти, был, по мнению писателя, оптимальным вариантом для дальнейшего мироустройства. Согласно мировоззрению писателя и других представителей анархо-синдикализма, различные формы государственной власти оказывали негативное влияние на рабочих людей. Многие исследователи отмечают, что подобное видение Стиг Дагерман транслировал и в «Острове обреченных». В целом, существует мнение, что *...шведские исследования творчества С. Дагермана, за некоторыми исключениями, могут быть отнесены только к одному из*

*двух направлений: биографическому или политическому*² [12, с. 168].

Один из героев романа, капитан артиллерии Отто У. Уилсон, является военным, служащим той самой иерархической системе, которая не соответствовала убеждениям Стига Дагермана. Именно этот герой предлагает изобразить на белой скале льва и вспоминает, что у него на сапоге расположено изображение этого животного, сидящего на мертвом человеке. Лука, транслирующий в тексте мысли писателя (своего рода, alter-Его писателя), считает Уилсона *...истинным врагом его самого и всех остальных* [14, с. 228], подразумевая под этим принадлежность героя-военного структурам, против которых выступал Стиг Дагерман. Капитан погибает предпоследним, проиграв Луке право ходить первому в игре на придумывание друг другу заданий. Гибель Уилсона означает его поражение в борьбе за льва, в которой может проследиться битва за власть. С другой стороны, смерть капитана от рук Луки может быть невынужденной: *...убийство может быть самоубийством, потому что жертва добровольно позволяет этому случиться, как, например, Уилсон в «Острове обреченных», Приговоренный к смерти и Исследователь в одноименных пьесах*³ [15, с. 171]. В таком случае Уилсон осознает проблему своих взглядов и сам выбирает гибель.

Следующим героем, глубже связанным с политическим аспектом романа, становится Тим Солидер, единственный выживший член экипажа. Персонаж, обладающий большой физической силой и выносливостью, но занимавший подчиненное положение на корабле, получил среди друзей прозвище Великан. Оказавшись на острове, Тим осознает, что его положение не изменилось: его все так же просили выполнить тяжелую и неприятную работу. Герой с удивлением замечает, что он готов добровольно подчиняться остальным, осознавая некую непригодность, не позволяющую ему быть наравне со всеми пострадавшими. Именно Тим Солидер присматривает за костром на регулярной основе, в то время как остальные герои поддерживают огонь лишь по желанию, время от времени. Финалом размышления Великана становится следующее: *...однажды ты попадаешь в никому не известную страну, маленькую страну, точнее говоря – на остров, где нет ни законов, ни разницы в доходах, ни вооруженных полицейских – ничего, что раньше тебя оправдывало, а ты все равно гнешь спину с противоестественной готовностью, позволяешь угнетать себя, охваченный фатальным чувством бессилия и несправедливости...* [14, с. 74]. В данном фрагменте политический аспект романа смешивается с социальной проблематикой, что для Стига Дагермана были тесно связанными понятиями. Участники анархо-синдикалистского движения акцентировали внимание на угнетении рабочего класса, представителем которого и является Тим Солидер, выполнявший тяжелую работу всю свою жизнь.

Итак, «Остров обреченных» действительно транслирует политические взгляды Стига Дагермана, его от-

¹ Перевод И. Сухоцкой.

² Перевод И. Сухоцкой.

³ Перевод И. Сухоцкой.

ношение к власти, государству и иерархическим структурам. Однако роман не ограничивается и не определяется лишь анархо-синдикалистскими взглядами писателя, хоть об исходной идее текста и говорит изначально запланированное название – «Битва за льва». Однако вместе со сменой заглавия на «Остров обреченных» появляется и дополнительный фокус, включающий в себя как экзистенциальную обреченность потерпевших кораблекрушение, так и символическую важность острова для сюжетного развития текста.

Упомянутый выше экзистенциальный пласт «Острова обреченных» указывает на возможность отнести текст к *философскому роману*. Одним из главных факторов, определяющих данный вид романа, становится влияние некоей философской идеи, лежащей в основе текста: «...природа философского романа должна зависеть от природы философии, которая участвует в его создании» [1, с. 43]. О влиянии французских экзистенциалистов на Стига Дагермана упоминается неоднократно. Так, Лу Дагерман в интервью, посвященном выходу русского перевода «Острова обреченных», перечисляет источники вдохновения для поколения писателей-фюртиоталистов, к которому принадлежал Стиг Дагерман: «Молодые шведские писатели жадно искали новые ориентиры. Они поглощали книги Кафки, Гессе и Рильке, погружались во французский экзистенциализм, и восхищались американскими писателями, в частности, Уильямом Фолкнером. Разумеется, их кумиром был и Джеймс Джойс, его способ работы с внутренним монологом и потоком сознания» [3]. Таким образом, писатель был хорошо знаком с творчеством Г. Марселя, Ж.-П. Сартра и А. Камю, знаковых представителей французского экзистенциализма.

Юхан Куллберг, шведский литературовед, указывает на наличие в романе многоуровневой системы, которая подтверждает сложность «Острова обреченных». Исследователь выделяет «моральный, психологический и философский» [13, с. 128] уровни текста и находит возможным влияние творчества французских экзистенциалистов на выбор окончания романа. Герои, оказавшиеся на необитаемом острове, попадают в «пограничную ситуацию» [9, с. 430] и освобождаются от окружавших их законов и норм. Потерпевшие кораблекрушение встают лицом к лицу со своими страхами и травмами, пытаются выжить не только во внешнем, но и во внутреннем мире воспоминаний, грез и кошмаров. Пять героев погибают добровольно, капитана Уилсона, проигравшего Луке, убивает находящаяся на дне лагуны и обладающая смертоносными шипами рыба. В финале «Острова обреченных», о котором уже говорилось выше, – последнем предложении, состоящем из ста восьмидесяти четырех слов, – неоднократно повторяется понятие «существование» и его производные. Именно в этот момент Лука, последний оставшийся в живых, прекращает свое существование, поплыв навстречу обитающей в лагуне рыбе, уже лишившей жизни капитана. Более того, последним словом романа становится французское «fini», означающее «кончено». Подобное обращение к неродному для Стига Дагермана языку можно рассматривать в качестве дани уважения французским экзистенциалистам, повлиявшим на роман.

Кроме этого в рамках явления эскейпизма, анализируемого Н.А. Пресс, философская смерть Луки, олицетворяющего голос автора, в финале романа, по словам исследовательницы и переводчицы романа, «трактруется шведскими литературоведами как манифестация идеи Дагермана о значении правильного поступка в жизни человека, о верности самому себе <...> олицетворяя собой вершину экзистенциального этапа эскейпизма» [7, с. 103].

Иными словами, исследователи относят писателя к представителям экзистенциализма, что подтверждает обоснованность отнесения «Острова обреченных» к категории философских романов. Герои, в результате катастрофы оказавшиеся на необитаемом острове, отделены от законов, правил и социальной системы общества. Они сталкиваются сами с собой, своим существованием, трагическим изъяном и погибают, не выдерживая этой борьбы. Д.В. Кобленкова называет Стига Дагермана «выдающимся шведским экзистенциалистом» [5, с. 68] и указывает на большую роль писателя в формировании следующих творческих поколений писателей Швеции. Исследовательница подчеркивает мастерство писателя, создавшего текст, гармонично наполненный философским содержанием.

Н.А. Пресс, развивая мнение Эрланда Лагеррота, относит «Остров обреченных» к *символистскому роману*. В подобном романе ключевым аспектом становится «некий символ, приобретающий глобальный для произведения смысл» [6, с. 173]. В числе примеров символистских романов исследователи называют «Моби Дика» Г. Мелвилла, «Сердце тьмы» Дж. Конрада, «Замок» Ф. Кафки и «Игру в бисер» Г. Гессе. По мнению Н.А. Пресс, важнейшим символом романа становится остров, и исследовательница подтверждает свой тезис цитатой из статьи самого Стига Дагермана: «Остров – символ, конечно, если под символом понимать результат вынужденного уменьшения, которому приходится подвергнуть людские страдания, для того чтобы их вообще можно было пронаблюдать, понять, сразиться с ними на уровне возможного» (Там же, с. 177).

Лу Дагерман, характеризуя «Остров обреченных», отметила: «В нем есть четкая структура, но при этом – ощущение потока сознания» [3]. В этом точном определении сочетаются две очень важные характеристики романа: структурированность, состоящая в разделении на части и главы, имеющие определенную тему и подчиненные общей системе, и свобода текста, позволяющая трактовать образы в иногда противоположных направлениях, что подчеркивает сложность и многогранность романа.

Литература

1. Авраменко, В. И. Жанр философского романа в современном литературоведении / В. И. Авраменко // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання : матэрыялы V Рэсп. навук.-практ. канф. маладых вучоных. – Мінск, 2019. – С. 41–44.
2. Аристотель. Поэтика / Аристотель. – Москва : Азбука–классика, 2008. – 352 с.
3. Выступление Лу Дагерман, дочери писателя // Издательство Ивана Лимбаха : [сайт]. – Санкт-Петербург, 2022. – URL: <https://www.limbakh.ru/index.php?id=8294> (дата обращения: 02.04.2022). – Текст : электронный.

4. Дагерман, С. Остров обреченных / С. Дагерман ; перевод со шведского Н. Пресс. – Санкт–Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – 464 с.
5. Кобленкова, Д. В. Шведский нереалистический роман второй половины XX – начала XXI века / Д. В. Кобленкова ; ответственный редактор Т. А. Тоштендаль-Салычева. – Москва : РГГУ, 2016. – 447 с.
6. Пресс, Н. А. Роль символа в раннем творчестве Стига Дагермана / Н. А. Пресс // Скандинавская филология. – 2006. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-simvola-v-rannem-tvorchestve-stiga-dagermana> (дата обращения: 26.10.2021). – Текст : электронный.
7. Пресс, Н. А. Тема самоубийства в творчестве Стига Дагермана / Н. А. Пресс // XVI Конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии : материалы конференции (Архангельск, 9–12 сентября 2008 г.) / Институт всеобщей истории РАН, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2008. – Ч. II. – С. 102–103.
8. Словарь литературоведческих терминов / редактор-составитель Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – Москва : Просвещение, 1974. – 513 с.
9. Философский словарь / под редакцией И. Т. Фролова. – Москва : Республика, 2001. – 719 с.
10. Шалимова, Н. С. Жанровая динамика англоязычного романа воспитания второй половины XX века : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (литература стран Западной Европы и Америки XX века)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шалимова Надежда Сергеевна ; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2018. – 171 с.
11. Шлыков, В. Семеро против бытия / В. Шлыков // Горький : [сайт]. – Валерий Шлыков – о романе Стига Дагермана «Остров обреченных». – URL: <https://gorky.media/reviews/semero-protiv-bytiya/> (дата обращения: 19.01.2022). – Текст: электронный.
12. Ahlund, C. Georges Périlleux: Stig Dagerman. Le mythe et l'oeuvre / C. Ahlund // Samlaren. – 1994. – № 115. – С. 168–171.
13. Cullberg, J. Skaparkriser: Strindbergs Inferno och Dagermans / J. Cullberg. – Stockholm : Natur och Kultur, 1997. – 198 с.
14. Dagerman, S. De dömdas ö / S. Dagerman. – Stockholm:PA Norstedt & Söner, 1946. – 312 с.
15. Laitinen, K. Begärets irrvägar: existentiell tematik i Stig Dagermans texter / K. Laitinen. – Umeå : Umeå universitet, 1986. – 306 с.
16. Samberg, H. De dömdas ö – en politisk idéroman / H. Samberg // Samlaren. – 1972. – № 93. – С. 62–90.

N.G. Sharapenkova, I.V. Sukhotskaya

GENRE POETICS OF THE NOVEL BY S. DAGERMANS *ISLAND OF THE DOOMED*

The objective of the study is to determine the genre features of the novel by S. Dagerman *Island of the Doomed* which is a complex and multifaceted text. The novelty of the study is connected with the lack of the studies of the novel by domestic scientists and insufficient attention to the novel by Swedish researchers. *Island of the Doomed* has not been previously studied in the context of syncretism of various subgenres, reflecting the writer's worldview among other things. The study proves the complexity of *Island of the Doomed*, the text that combines such subgenres as Robinsonade/anti-Robinsonade, philosophical, political and symbolist novel.

S. Dagerman, *Island of the Doomed*, genre poetics, novel, Swedish literature.

С.Х. Головкина

Вологодский государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕКСТОВ МАЛЫХ ЖАНРОВ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.И. БЕЛОВА

Статья содержит анализ структурных и стилистических особенностей использования писателем устойчивых формул устного народного поэтического творчества. Сопоставление различных паремий позволило сделать наблюдения над речью персонажей произведений В.И. Белова, их эмоциональным состоянием и ментальным восприятием мира.

В. Белов, язык и стиль писателя, лингвистическая поэтика, паремиология, пословица, поговорка.

Своеобразие языка и стиля писателя находит отражение в используемых автором стилистических средствах, способах их органичного включения в произведение, приемах преобразования устойчивых выражений русского народа в текстовом повествовании. Л.Г. Яцкевич в предисловии к Словарю «Народное слово в произведениях В.И. Белова» справедливо отмечает: «Народная культура русской речи на Русском Севере нашла глубокое и правдивое отражение в языке произведений Василия Ивановича Белова...» [6, с. 5]. Одним из ярких проявлений народной речи в произведениях писателя становятся паремии разного типа: пословицы, поговорки, присказки, присловья. Их значимость для формирования образов персонажей художественного текста, воссоздания картин быта, авторской оценки фактов и явлений описываемой действительности несомненна. Однако в отличие от фразеологизмов такие устойчивые формы высказываний не являлись пока предметом специального исследования.

Пословицы и поговорки, несмотря на их многообразие в плане синтаксическом и поэтическом, традиционно объединялись в общее обозначение разных по структуре и семантике устойчивых речевых формул. Тем не менее, чаще всего поговорками называют иносказательные словесные обороты, выражающие «незаконченные суждения» (например: толочь воду в ступе, как снег на голову). В.И. Даль определял поговорку следующим образом: «Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, заключения, применения, это одна первая половина пословицы» [3, с. 25]. Поговорка же имеет понятийную основу, легко поддается идентификации при помощи слов-синонимов (не баран начинал = не пустяк; толочь воду в ступе = о бессмысленном действии). Пословицами называют иносказательные предложения, которые, как указывает Г.Л. Пермяков [8, с. 8–9], формулируют «законченную мысль» и образуют «замкнутое целое» (напри-

мер: воду в ступе толочь – вода и будет). Это самый малый жанр народного устного творчества, вошедшая в речевой оборот форма изречения, укладывающаяся в одно грамматически и логически законченное предложение, нередко ритмизованное и подкрепленное рифмой [5, с. 75]. Пословица самостоятельна для отдельного функционирования. Поговорка же для функционирования должна быть включена в превосходящую ее речевую единицу, в составе которой и приобретает функциональный статус, характеризуя, освещая отдельные стороны предмета речи или чаще ситуации.

Суждение, представляемое пословицей, актуально для ряда эпох, является относительно постоянной величиной, при этом содержание пословицы обычно образно мотивировано. Обобщенное (приближающееся к символическому) значение пословицы существует как своего рода «закон, правило жизни, не ограниченное хронологически и пространственно» [10, с. 41]. При этом пословица (в отличие от поговорки) имеет отнесенность и к обобщенному лицу-деятелю («вселичный» характер – термин З.К. Тарланова).

Повествователь или персонажи повестей и рассказов В. Белова любое клишированное суждение обычно называют пословицей. «Бояться особо не боюсь. Только и пословица есть: свой язык хуже любого врага» [1, с. 179] (о несдержанности, болтливости); «В молодости все мы люди только до пояса» (Там же, с. 144) (о страсти, физическом влечении); «Как говорит пословица, один рот все делает: и плачет и смеется» (Там же, с. 431) (о выражении горя и веселья).

В произведениях Белова для яркой, образной характеристики человека, предмета или обстоятельств чаще используется поговорка (например, «Всю жизнь в своих полах путаюсь и выпутаться не могу. То ли полы длинные, то ли ноги кривы...» (Там же, с. 134), «Мне и жаль самого себя, и плакать противно, слезы перерос, до крепости не дорос» (Там же, с. 145) (о повзрослевшем, но неопытном юноше), «А ежели

будешь варзать, так вот тебе Бог, вот порог» [1, с. 170] («уходи прочь», «убирайся вон»), «Ну, ладно, это самое тело иструхнет в земле, земля родила, земля и обратно взяла» (Там же, с. 183) (о бренности, разложении тела)). Автор задействует как паремии, содержащие оппозиционные пары слов (*свой – враг, плакать – смеяться, перерос – не дорос, худо – добро*), так и устойчивые формулы, не содержащие сопоставленных компонентов. Антонимичные слова при этом служат не только для выражения контраста, но и с целью охвата, объединения различных проявлений состояния субъекта, отношения к предмету или событию, выражения неопределенности ситуации. Представленные в виде повествовательных или побудительных предложений, пословицы у Белова преимущественно включены в диалоги персонажей или повествование от 1 лица, имеют высокую степень обобщенности: «Бабы поставили самовар на обычное место, повздыхали и вышли, заперев избу тем же замком. – Пошла по белому свету... – Может, и не оставят крещеные. – *Одна голова не бедна, а бедна – так одна.* – Истинно. – Говорят, *от сумы да от тюрьмы не зарекайся*, – сказала Сурганиха... (Там же, с. 437).

Пословица или поговорка в текстах писателя становится метким обобщением опыта, характеристикой поступков, поведения человека в тех или иных конкретных (частных) ситуациях: например, раннего подъема деревенского жителя по утрам («Встанешь раньше, шагнешь дальше» (Там же, с. 35)), появления после упоминания о человеке («"На помин, как сноп на овин", – сказал Куров» (Там же, с. 51)), отсутствия денег («...без денег везде худенек, – а у меня три часа сроку» (Там же, с. 99), возможности/невозможности содержать семью («Семеро ребят и барины съедят» (Там же, с. 109)), проявления честности, порядочности («Только без совести жить – не жить» (Там же, с. 145), значимости профессии («"Не клин бы да не мох, так и плотник бы сдох", – сказал старик, вытесывая клин» (Там же, с. 156)).

Наблюдения показывают, что Белов использует преимущественно клише с прямой мотивировкой общего значения (смысл вытекает из значения всех или части составляющих устойчивое выражение компонентов). Преимущественно по структуре это простые предложения, чаще двусоставные (как полные, так и неполные), однако встречаются и односоставные конструкции («После солнышка только на дураков работают» (Там же, с. 148), «Вскоре я забыл про все свои неудачи. Нет худа без добра!» (Там же, с. 352)).

Можно отметить случаи трансформации устойчивой формулы в авторском варианте: «Иной раз думаешь, ладно сделал. Добром к человеку. – Ну? – А потом ты же и виноват. Как тут пословицу не вспомнишь: не делай людям добра – ругать не будут» (Там же, с. 158) – ср.: не делай добра, не получишь зла; «Только и пословица есть: свой язык хуже любого врага» (Там же, с. 183) – ср.: язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет. По-видимому, таким образом автор усиливает эффект воспроизведения персонажами паремии в обиходно-бытовом общении: как запомнил, как адаптировал, так и воспроизводит. В то же время преобразование «застывшей» устойчивой формулы служит оживлению клишированного

выражения, сообщает тексту личностное содержание. Подтверждением тому служит фрагмент из рассказа «Одна из тысячи»: «Ахмет говорит: "Как это у вас говорят. Утро вечера мудренее..." Он не знает продолжения пословицы и заканчивает: "Все сделаем как лучше. Вот увидите"» [1, с. 451]. Трансформация пословицы «Утро вечера мудренее – авось чего-нибудь надумаем» (т.е. 'отложим решение проблемы, не будем делать сгоряча') приводит к появлению в контексте произведения нового семантического оттенка ('новый день принесет удачу, все получится').

Пословицы в произведениях В.И. Белова могут использоваться как элемент языковой игры. При этом установка говорящего может быть разной. Так, например, в «Плотничьих рассказах, Олеша Смолин обыгрывает пословицу с целью создания комического эффекта: «Пошел, помню, в сельсовет за справкой на предмет личности, меня уже звали плотником в одно место... Так и так, хочу из колхоза на производство, вот договор. Мне Табаков и говорит: "Зачем тебе документы, ехать куда-то. Ведь только там хорошо, где нас нет". Вот-вот, думаю, я хочу туда, где вас нет... (Там же, с. 178). Столкновение аллегорического и прямого значения выражения создает противоречие, которое наполняет контекст иронией и выражает отношение рассказчика к ситуации. В другом случае языковая игра становится своеобразным намеком, что реальная история не просто единичный факт, забавный случай, а отражение опыта, позволяющего делать выводы о возможных поступках чужих и своих. В рассказе «Утром в субботу» Иван Павлович Сиверков, рисуя поучительные картины из прошлой жизни (о солдате николаевского времени Харитоне Ивановиче, о прежнем барине из деревни и мужиках его проучивших), вдруг прерывает рассказ таким размышлением: «Вот есть такая книга: "Самое мудрое слово". Не читывал? – Нет. – А я-то ее в руках держал. Иван Павлович даже причмокнул с досады, дескать близко локоть, да не укусишь. – Держал, держал я эту книгу. Все в ней точно прописано, что есть и что будет. Может, она и сейчас где-то близко лежит. Да никто не знает где. – Библия, что ли? – Нет, не Библия, это другая, не Библия. Он вновь помолчал. И пристально поглядел на меня...» (Там же, с. 353).

Характерной чертой прозы В. Белова становятся авторские афористичные формулы, повторяющие ритмическую организацию, характерную для пословицы: «Стоит только топору вцепиться – и скотина в доме не будет водиться» (Там же, с. 149), «А толку нет, так в няньки иди» (Там же, с. 152), «...семья сам – восьмой, а работник один, да и то японским штыком проткнут» (Там же, с. 142), «Дадут справку, так дадут, а не дадут, так в рыло не попадут» (Там же, с. 85).

Близкими к пословицам и поговоркам можно считать так называемые «присловья». Г.Л. Пермяков относил к присловьям незамкнутые по структуре (с пропуском или местоименной заменой подлежащего) выражения поговорочного типа, имеющие прямую мотивировку [7]. Например, *молчит как стена; верен, что золото в огне; прост, как свинья, а лукав, как змея*. Присловье представляет собой высказывание, употребляемое с целью яркой и однозначной оценки предмета разговора, в отличие от фразеологизма, по-

словицы или поговорки не имеет метафорического или аллегорического содержания [2, с. 157–159]. «Выражение, вставляемое в речь для украшения, для создания комического эффекта» [9, с. 440]. В широком смысле в качестве синонимов могут использоваться слова «побасенка», «присказка», «присловка», «присловица», «присловьице», «прибаутка», «приговорка».

В.И. Даль довольно широко трактует понятие «присловье» как «короткую речь с отдельным смыслом, вставляемую в разговор» [4, с. 440]. При этом он не отграничивает присловья от пословиц или поговорок. Целый ряд выражений-присловий вошел и в Словарь пословиц и поговорок, составленный В.И. Далем [3]. Подобное включение вполне объяснимо, поскольку граница между такими паремическими выражениями не всегда четкая.

В отличие от пословицы, которая имеет высокую степень обобщения, связана с типичной, повторяющейся ситуацией и имеет аллегорический характер, присловье используется обычно в диалогической речи по принципу вопросно-ответного комплекса. Реплика-стимул одного из участников диалога (обычно это одно слово) дополняется шутливо-ироничной репликой-реакцией собеседника (присловьем). Например: Жарко – Жар костей не ломит; (люди) говорят – говорят, что кур доят; кто – дед Пехто, был – да весь вышел, был – да сплыл и т.п. Так в «Плотничьих рассказах» угрожающий батогом Олеше Смолину Козонков заявляет: «За оскорбление личности. По мелкому указу! – Указчик... – Олеша взялся за топор. – Такому указчику хрен за щеку» [1, с. 139].

В аксиологическом плане реплики представляют собой оппозицию: первая – констатация факта или утверждение, требующее подтверждения, поддержки («вот и гости»; «везет тебе»; «мне кажется»); вторая – оценочное суждение, опровергающее или дискредитирующее факт, противопоставленное ему («гости, от которых ноют кости»; «везет как утопленнику», «кажется – креститься надо»). В риторическом плане вторая реплика направлена на прекращение коммуникации и оставляет за говорящим «победу», «преимущество» в диалоге. Пример такой словесной перепалки находим у В.И. Белова в «Плотничьих рассказах»: «Мне вон дочка говорит: ты ведь умрешь от курева-то! А я ей говорю: умру, так меньше вру» (Там же, с. 148). Таким образом, смысловым ядром присловья всегда становится вторая реплика, выражающая замечание иронического характера, однако оно не имеет обобщающего характера.

В повести «Привычное дело» в несколько трансформированном виде В. Белов включает в речь персонажей шутливо-иронические присловья, например, в речи пассажиров грузовика: «Пузотряси, а не грузотакси» (Там же, с. 77); «Да и баба у меня такая стала злая, не знаю, кто ее, такую сотону, и родил. – Теща и родила» (Там же) или в разговорах мужиков у правления колхоза: «Сидим ждем у моря погоды. – Возьми да походи. – Мне ходить нечего, я не начальство». Присловья дают своеобразную косвенную характеристику фактов и поведения персонажей.

Развернутые присловья в повести «Привычное дело» нередко используются для выражения эмоциональных оттенков недовольства, возмущения, разд-

ражения речью или поведением собеседника. Доярки, реагируя на реплику бригадира «Мне что, самому их поить, что ли?», отвечают ему: «А и попоишь, невелик барин! <...> Это тебе не наряды писать! Химическим карандашом» [1, с. 40]. Начальник милиции на уговоры председателя отпустить тракториста Мишку Петрова резко реагирует: «Николай Иванович! – Сорок лет Николай Иванович!» (Там же, с. 78). Возмущенный изъятием сена Митька кричит: «Вы это чего, дураки, что ли?» На что Евстоля с иронией отвечает сыну: «А ты у нас умник... В Нюшкином-то сеннике кто три дни отсиживался?» (Там же, с. 82). Попытка журналиста выяснить у Евстоля, где найти бригадира, заканчивается ее ответом: «Я, батюшка, за бригадиром не бегаю. Не приставлена» (Там же, с. 44). Пытаясь «отбиться» от уговоров шурина ехать в город, Иван Африканович цепляется за его слова, что в городе они не будут сидеть сложа руки, а будут делать дела, и язвительно отвечает: «Это какие дела? Вроде таких, когда баб-то на ночь покупают?» (Там же, с. 85). Реагируя на слова о начальстве Митька зло отвечает Курову: «Мне Ваше начальство знаешь... Я его в гробу видел. В белых тапочках» (Там же, с. 72). Слова Мишки о возможности уехать в Воркуту к божату прерывает характеристика Дашки, обесценивающая Мишкино заявление: «Седе! Ездок выискался, так тебя и ждут в этой Воркуте!» (Там же, с. 89).

Присловье может быть реакцией не на слова собеседника, а на его действия, состояние или поведение (например, плач, смех, одевание, любопытство, безделье, неаккуратность, невыполнение просьбы и др.). Так в повести «Привычное дело» Мишка, реагируя на поведение старика Курова, говорит ему: «Три, Куров к носу, все пройдет!» (Там же, с. 57). Второй раз использует ту же реплику по отношению к Дрынову, который не доволен качеством Мишкиной работы в поле (Там же, с. 83). Присловье служит заменой необходимых собеседнику объяснений происшедшего, попыткой ухода от разговора на неприятную тему. Единственный выловленный Федором окунь длиной в 10 сантиметров вызывает у мужиков насмешки: «Ишь какой окунище. Наверное, без очереди клюнул» (Там же, с. 50). Вопрос Курова, возмущенного местом ежедневной ловли под его загородкой («А что, Федор, там не ревит моя-то рыба, не слыхал в Подозерках-то?»), тут же вызывает шутливый ответ-присловье, снимающий напряженность разговора: «Как, чудак, не ревит, голосом ревит» (Там же).

По-видимому, от присловья нужно отличать присказку (или приговорку) – повторяемое кем-либо выражение (например, «да чтоб тебя», «эх, шашки-деревяшки») либо по привычке, либо для выражения определенного эмоционального состояния. На протяжении всей повести «Привычное дело» частотными в употреблении присказками Ивана Африкановича становятся выражения «дело привычное», «а, шут с ним», «бес с ним», «ну и лешой». Горопясь в больницу к рожавшей жене, по дороге Дрынов приговаривает: «Ох, ты, беда какая, ох и беда!» (Там же, с. 19). Используют эмоционально-оценочные присказки и другие персонажи повести: Катерина и Нюшка («унеси лешой», «неси леший»), бабка Евстоля («ой, беда, однако»), председатель колхоза («ну и черт с ним»),

Надежка («путаник, дак путаник и есть»), Дашка Путанка («к водяному», «к лешему»), Мишка («мне до лампочки»). Для выражения бессилия «достучаться» до собеседника в ситуации спора в «Плотницких рассказах» Олеша Смолин в разговоре с Авиниром Козонковым использует присказку «Вот опять за рыбу деньги» (синонимичную устойчивому выражению «опять двадцать пять» – «говорить одно и то же, повторять, настаивать на своем»: «Вот опять за рыбу деньги. Я против бедняков хоть слово сказал, которые работали?» [1, с. 187].

В отличие от фразеологизмов, которые в большом количестве представлены у Белова как в устойчивом (узальном) варианте, так и трансформированном, паремии не имеют столь широкого использования. Они ограничены спецификой повествования, типами повествовательных форм, разновидностью речи и своей народно-поэтической основой. Вот почему преимущественно включены в повествование от 1 лица, встречаются в диалогах, содержащих истории из жизни, описывающих детали быта, поведения и эмоционального состояния человека – деревенского жителя. Контексты, включающие пословицы, поговорки, приговорки (присловья), нередко ироничны, отражают своеобразную рефлексию по поводу типичных жиз-

ненных ситуаций, передают колорит народной речи, житейской мудрости.

Литература

1. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011.
2. Глухов, В. М. Присловье / В. М. Глухов // Русская речь. – 1985. – № 5. – С. 157–159.
3. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 3 томах / В. И. Даль. – Санкт-Петербург : ТОО «Диамант», 1996. – Т. 1.
4. Даль, В. И. Словарь русского языка : в 4 томах / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1983. – Т. 3.
5. Кравцов, Н. И. Русское устное народное творчество / Н. И. Кравцов, С. Г. Лазутин. – Москва : Высшая школа, 1977.
6. Народное слово в произведениях В. И. Белова : словарь / автор-составитель Л. Г. Яцкевич ; научный редактор Г. В. Судаков. – Вологда : ВИРО, 2004. – 214 с.
7. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремииологии / Г. Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1988. – 235 с.
8. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише / Г. Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1970. – 239 с.
9. Словарь русского языка : в 4 томах / под редакцией А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1987. – Т. 3.
10. Тарланов, З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 1999. – 447 с.

S.H. Golovkina

FUNCTIONING OF SMALL GENRE FOLKLORE TEXTS IN THE WORKS BY V.I. BELOV

The article analyzes the structural and stylistic features of the writer's use of stable formulas of oral folk poetic creativity. The comparison of various paroemias made it possible to study the characters' speech in V.I. Belov's works, their emotional state and mental perception of the world.

V. Belov, linguistic poetics, paremiology, proverb, the writer's language and style.

А.В. Загуменнов
Вологодская духовная семинария

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В «ЖИТИИ» ЕПИФИНИЯ СОЛОВЕЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ «ПУСТОЗЕРСКОГО СБОРНИКА И.Н. ЗАВОЛОКО»)

Статья посвящена анализу экспрессивного синтаксиса в рукописном «Житии...» Епифания Соловецкого. Обосновывается корреляция между появлением экспрессивных синтаксических конструкций и персональной значимостью для автора описываемых событий.

Экспрессивный синтаксис, языковая личность, церковный раскол, Епифаний Соловецкий.

Введение. Экспрессивный синтаксис, понимаемый как «выражение в предложении эмоциональных проявлений и волевых усилий говорящего» [15, с. 24], всегда – в косвенной [17] или явной [19; 20; 3; 9; 10; 8] формах – постулировал наличие языковой личности, т.е. человека, рассматриваемого «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [9, с. 5]. К сожалению, чем дальше вглубь веков уходит текст, тем сложнее выявлять «интенсификацию формы» (в концепции А.П. Сковородникова) предложения и больше оснований в пользу принятия высказывания [4] как размытой (и потому – раскрытой) коммуникативной единицы.

Именно как некое «о-себе-повествование», «курс» следует рассматривать привлеченный в качестве материала изучения текст, написанный Епифанием – соловецким монахом, сподвижником и духовным отцом протопопа Аввакума. Из всех четырех «Пустозерских узников» иноку повезло менее всего. Его письменное наследие исчерпывается буквально несколькими редакциями «Жития...», одним посланием и одним заглавием к сочинению Аввакума. Тем не менее, отсутствие разнообразия компенсируется тем, что успел вложить в свои труды человек с отрезанным (по указанию властей) языком и искаленной рукой. Мы намеренно акцентируем внимание читателя на этой биографической подробности, поскольку в дальнейшем физическая травма станет, выражаясь в духе В. Вундта, психическим переживанием, определенным ресурсами языковой системы.

Работы по синтаксису «Жития...» Епифания нами не обнаружены, несмотря на то, что трудов в этой области по «Житию...» Аввакума за два века изучения творчества последнего накоплено немало [7; 13; 21; 11; 12; 18 и т.д.]. С точки зрения состояния системы языка, все, что найдено у огнепального протопопа, по аналогии может быть перенесено и на творчество огнепального инока, однако с позиций языковой личности это приписывание не совсем адекватно. Если «грамматический фонд» (Ю.Н. Караулов) Епифания и Аввакума условно идентичен, то выбор способов передачи пережитого ими опыта может быть различным.

По этой причине, как мы утверждали ранее, наиболее близким к лингвоперсонологической теории

оказывается экспрессивный синтаксис, куда обычно относят: а) сегментированные (именительный темы), б) парцелированные, в) вопросно-ответные и г) восклицательные конструкции, а также д) лексический повтор с синтаксическим распространением и е) инверсивное словорасположение [15; 17; 2 и др.]. Данный перечень может быть расширен и дополнен, но только в рамках нашего материала. В настоящий момент приходится констатировать, что в отечественной науке отсутствует понятие «исторический экспрессивный синтаксис», несмотря на достаточный корпус трудов по стилю «плетения словес», который сам по себе экспрессивен [16; 6; 1; 14]. Мы находимся в ситуации, когда известны стилистические особенности «до» и «после» XVII столетия, но сами тексты «бунташного века» в аспекте обсуждаемой проблемы – *terra incognita*.

Результаты и обсуждение. В автографе «Жития» обнаруживается несколько примеров именительного темы, но мы приведем только два (рис. 1).

Эти конструкции функционально не идентичны в ткани повествования. Во фрагменте текста до первого из приведенных примеров Епифаний Соловецкий извиняется перед читателем за простоту изложения и просит благословения и молитв для себя. Именительный темы становится водоразделом между вступительной частью и повествованием о том, как к нему пришли с просьбой сделать деревянный крест. Во втором случае в предшествующем фрагменте Епифанию во сне является недавно усопший друг, который и повелел ему прилежно молиться пречистой Богородице [Пустозерский сборник 1975, л. 171 об.]. Именительный темы вводится как продолжение предыдущей части, раскрывающее в последующем повествовании то, как автор «Жития...» выполнил все наказанное ему. Таким образом, минимум дважды данное средство экспрессивного синтаксиса оказывается апелляцией языковой личности к собственному пережитому опыту.

Автограф не дает оснований выделить парцелированные конструкции так, как их обнаруживают в произведениях, написанных на современном русском языке. Впрочем, содержательно этот стилистический прием считывается даже в условиях формального синтаксического нанизывания. Рассмотрим два примера. Первый из них на рис. 2.

Потенциально пропозиция части «а сердце радуется» на уровне лексической семантики предполагает вариативность: «а сердце радуется» → *«а сердце не грустит», но подобная замена внесла бы иное ритмическое построение высказывания, причем не переда-

Аналогично с вышеописанной ситуацией связано употребление восклицательных конструкций (рис. 6).

- Рис. 6. Пример восклицательной конструкции

Как и в случае с вопросительными предложениями, композиционно этот каскад восклицаний обусловлен реакцией Епифания на чудо, когда после молитв подул ветер и отогнал языки пламени от его жилища.

Еще один пример экспрессивной конструкции – лексический повтор с синтаксическим распространением – занимает в автографе «Жития...» почти лист [Пустозерский сборник, 1975, л. 179–179 об.], вследствие чего в нашей статье он дается в сокращении. В этом фрагменте Епифаний, читая строки Псалтыри, начинает прерывать развертывание ветхозаветного текста своими размышлениями и вопросами. В результате образуется квазидialog об отсутствующем у Епифания после казни языке (рис. 7).

В современных изданиях «по велицей милости твоей» – 50 псалом, 3 стих, а «возрадуется язык мой правде твоей» – он же, но уже вторая половина 16 стиха. Мы как бы присутствуем при чтении Псалтыри, фиксируя с действующим лицом ключевые точки повествования. Экспрессия достигается не только за счет чередования ветхозаветного текста со словами языковой личности о своей утрате, но и с помощью синтаксического распространения лексического повтора. «Языка» как органа речи в этом фрагменте у Епифания нет, однако «язык» как коммуникативная система есть, на что указывают глаголы с семантикой говорения («стану псалом говорить», «и реку сице», «языка нету чем возрадуюся»). Лексический повтор оказывается той скрепой, позволяющей поддерживать квазидialog Епифания со строками Псалтыри.

«И уста моя возвестят хвалу твою» – все еще 50 псалом, стихи 17–18. Осложнение повтора в части, маркированной как «свои слова», направлено на усиление коммуникативного эффекта, а значит, и на большее риторическое воздействие самой мольбы на Всеведущего и, как показывает «Житие...», Всеслышащего Бога. Тем временем квазидialog продолжается (рис. 9).

Повтор лексики сопровождается повтором целых оборотов, окаймляющих квазидialog. Если ранее «погляжу умиленно на крест, и на образ Христов», то теперь – «возведу очи мои ко Господу, зря на крест и образ Его», т.е. с осложнением исходной конструкции деепричастным оборотом. Повторяется и отрицание наличия языка, но с применением инверсии («у мене и языка нету» → «у мене во устах языка нету» → «и нету его во устах моих»). Последнее обусловлено интенцией языковой личности стилистически уравнивать свои слова (или озвученные размышления?) и строки из Псалтыри.

Обратим внимание на притяжательное местоимение «мой», данное в постпозиции. В отечественной науке нет единого мнения о «нормальном» словорасположении в XVII столетии. Тем не менее, постпозиция притяжательного местоимения, обнаруживаемая и в тексте Псалтыри, и в тексте мольбы Епифания, позволяет и стилистически уравнивать эти части, и ритмически организовать собственное высказывание, и придать ему, с одной стороны, возвышенность, а с другой – персональность (рис. 10).

«А́ ёгда́ ста́ну ꙗ́зѹ" говори", поми́ѹ" мѧ́ вѣ́е, ꙗ́зѹицеѹ́ ми́ти твоѣ́и; ꙗ́гда́ до́йде" до
се́го́ мѣ́ста; вѣ́даѹте́сѧ ꙗ́зыкъ мо́й правдѣ́ твоѣ́и; то́гда ꙗ́зѹ мно́гогѣ́шны́й, вѣ́дохнѹ́ и
гла́вны́и се́рѣца́ моего́, и слези́шка́ и́ногда́ и́ глази́ше" по́бѣ́ѣ"сѧ́ ; и ꙗ́ тѣ́ми слеза́ми погла́жѹ́
о́милѣ́нно на крѣ́тъ, ꙗ́ на о́бръ́хѣ́хъ и реку́ си́це ; ко́ ꙗ́зѹ : ꙗ́зи ко́мѹ́ во́инѣ́ вѣ́даѹте́сѧ́, о́у мене́ ꙗ́
ꙗ́зыка́ не́ѣтъ чѣ́мъ вѣ́даѹ́сѧ́;»

[Пустозерский сборник, 1975, л. 179]

Рис. 7. Первая часть квазидialogа

«ꙗ́ ꙗ́ки : ꙗ́зи о́ути́нѣ́ моѣ́ о"вѣ́рзеши, ꙗ́ о́уста́ моѧ́ вѣ́ѣсѣ́тъ хвалѹ́ твою́; чо́ ми ꙗ́зи
вѣ́дномѹ́, и о́уста́ моѧ́ о"вѣ́рза", чѣ́м ми́нѣ́ тебѣ́ свѣ́тъ и хвалѹ́ возда́ти, о́у мене́ во о́уста́ ꙗ́
ꙗ́зыка́ не́ѣтъ;»

[Пустозерский сборник, 1975, л. 179–179 об.]

Рис. 8. Лексический повтор с расширением

«а ѡста́тъ говора̀ до́нде до се́го мѣ́ста; прѣзрѣ́тъ га̀ пре́доло́ноу вѣ́ну, ꙗ́ко ѡдѣ́ну менѣ́ ѣ́тъ
да́ сѧ непѡ́вѣжѹ. се́го ра́ди вѡбѣ́селисѧ срѣ́це моѣ́, ꙗ́ко вѡбѣ́довасѧ ꙗзы́къ мо́й; ꙗ́зже то́гда ѡ́мниенно
вѡбѣ́дѹ ѡ́чи мо́и ко́ г҃у, зрѣ́ на крѣ́тъ ꙗ́ко ѡбѣ́дѣ́ е́го, ꙗ́ко рекѹ́; ꙗ́ко свѣ́тъ мо́й кѹ́ды ꙗзы́къ, мо́й ты
дѣ́ла, ни́къ срѣ́це моѣ́ не вѣ́селитѣ́сѧ, но́ пла́четъ ; ꙗ́ко нѣ́тъ е́го во ѡ́ста́ мо́и»

[Пустозерский сборник, 1975, л. 179 об.]

Рис. 9. Продолжение квазидialoga

Псалтырь	Мольбы Епифания
ѿ ѡ́ста мо́а вѡбѣ́сѣтъ́тъ хва́лѹ тво́ю	ѿ ѡ́ста мо́а о́твѣ́зѧ́
срѣ́це моѣ́, ꙗ́ко вѡбѣ́довасѧ ꙗзы́къ мо́й	вѡбѣ́дѹ ѡ́чи мо́и ко́ г҃у ...
	ꙗ́ко свѣ́тъ мо́й кѹ́ды ꙗзы́къ, мо́й ты
	дѣ́ла, ни́къ срѣ́це моѣ́ ...
	во ѡ́ста мо́и

Рис. 10. Постпозитивное притяжательное местоимение в Псалтыри и мольбах Епифания

В мольбе Епифания подчеркивается его утрата, что ему нужен его язык, и его сердце не веселится, и его уста молчат, но это все сказано чуть ли не посредством игры с цитатами из ветхозаветной книги.

Выводы. Анализ синтаксического уровня текста «Жития» Епифания Соловецкого, им самим написанного, выявил употребление сегментированных (именительный темы), парцелированных, вопросно-ответных и восклицательных конструкций, которые, по мнению ряда крупных отечественных специалистов, обладают экспрессивностью. Этим же характеризуются лексический повтор с синтаксическим распространением и инверсивное словорасположение, а они, в свою очередь, также обнаруживаются в сочинении пустозерского узника.

Обозначенный выше репертуар экспрессивных конструкций задействован в тех фрагментах «Жития...», которые напрямую связаны с эмоциональным (горечь от мнимой утраты жилища, страх огня и т.д.) и рациональным (чтение Псалтыри и мольба о возвращении утраченного языка) аспектами личности. Даже в случае описания чуда в тексте автографа оно дано как адресованное именно ему. По этой причине «Житие...» позволяет выйти на реконструкцию языковой личности сразу двумя путями. Первый из них – посредством анализа того, что главное действующее лицо считает своим, *личным*, второй – через описание того инструментария, который составляет и грамматический фонд знаний автора, и его опыт вычитки религиозно-богословской литературы.

Анализ синтаксического уровня «Жития...» позволяет утверждать, что перед нами языковая личность, которая осмысляла «что» и «как» при описании чего-либо в своем сочинении. От анафорических вопросных конструкций и постпозитивных место-

имений («ис тела моего», «уста моя» и т.д.) до смешения своего и чужого текстов, объединенных ключевой лексикой – вот далеко не полный перечень проявления творца в собственном автографе последней трети XVII века. Вероятно, языковая личность Епифания может быть обнаружена и при анализе другого типа конструкций, например осложненных предложений, оборотов с пояснительной связью, однако это остается в перспективе наших исследований.

Источники

1. Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / издание подготовили Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова ; [вступительная статья И. Н. Заволоко] ; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1975. – 263 с. ; 193 л.

Литература

1. Абрамова, И. Ю. Простое осложненное предложение в повествовательной технике «плетения словес» (на материале «Жития Стефана Пермского» и «Жития Сергия Радонежского») / И. Ю. Абрамова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 1. – С. 187–191.
2. Акимов, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка : учебное пособие / Г. Н. Акимов. – Москва : Высшая школа, 1990. – 168 с.
3. Астахова, Е. С. Экспрессивный синтаксис: функции в современном газетном тексте / Е. С. Астахова // Новые горизонты русистики. – 2018. – № 3. – С. 4–10.
4. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов / под редакцией С. Г. Бочарова, Л. А. Гоготышвили. – Москва : Русские словари, 1997. – С. 159–206.

5. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет / Г. И. Богин. – Тверь : Тверской государственный университет, 2009. – Т. 1 – 156 с.
6. Валентинова, О. И. «Плетение словес»: эстетика созерцания / О. И. Валентинова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – № 3. – С. 7–17.
7. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы : избранные труды / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
8. Власенко, Н. И. Способы выражения экспрессивных высказываний в эпистолярном жанре / Н. И. Власенко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 160–169.
9. Голайденко, Л. Н. Лексика со значением представления в аспекте экспрессивного синтаксиса (на материале художественной прозы) / Л. Н. Голайденко // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 1 (78). – С. 106–109.
10. Губарь, И. А. Качественно-количественный анализ конструкций экспрессивного синтаксиса в идиостиле Б. Л. Пастернака / И. А. Губарь // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 10 (133). – С. 116–122.
11. Иванова, В. М. Бессоюзные сложные предложения с пояснением во второй части : (На материале сочинений протопопа Аввакума) / В. М. Иванова // Проблемы общего и русского языкознания. – Москва, 1972. – С. 229–242.
12. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис [Текст] : [в 2 книгах] / [В. И. Борковский, В. Л. Георгиева, Л. А. Глинкина и др.] ; под редакцией В. И. Борковского ; АН СССР. Институт русского языка. – Москва : Наука, 1978. – [Книга 1]: Простое предложение [Текст]. – 1978. – 447 с.
13. Коротаева, Э. И. Обращение в языке произведений Аввакума / Э. И. Коротаева // Исследования по славянской филологии : Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова. – Москва, 1974. – С. 164–172.
14. Николаев, С. Г. Взаимодействие религиозно-церковного стиля со смежными сферами: онтология и экспрессология : монография / С. Г. Николаев, Ю. С. Карагодская ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. – 152 с.
15. Панасюк, А. Т. К вопросу об экспрессивном значении синтаксических конструкций / А. Т. Панасюк // Современный русский язык и методика его преподавания : в 2 частях / Ташкентский государственный университет ; редактор: А. А. Горбачевский, И. Л. Николаев. – Душанбе, 1971–1972. – Ч. 2. – 1972. – С. 20–29.
16. Петрова, В. Д. О некоторых особенностях употребления конструкций для передачи чужой речи в славянской агиографии стиля «плетение словес» (плеонастические сочетания, включающие прямую речь) / В. Д. Петрова // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – № 8. – С. 8–13.
17. Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка : Опыт системного исследования / А. П. Сковородников. – Томск : Издательство Томского университета, 1981. – 255 с.
18. Тарланов, З. К. Textoобразующая роль синтаксических конструкций в Житии Аввакума / З. К. Тарланов // Труды Отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1985. – Т. XXXIX. – С. 410–416.
19. Тошович, Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков / Б. Тошович. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.
20. Филиппова, А. В. Структурно-семантический анализ коммуникативных единиц экспрессивного синтаксиса в интернет-блоге Е.В. Гришкова / А. В. Филиппова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 104–106.
21. Черняк, Л. М. Атрибутивные словосочетания в «Житии протопопа Аввакума» / Л. М. Черняк // Вестник Харьковского государственного университета. – 1965. – № 12, вып. 2. – С. 82–92.

A.V. Zagumennov

EXPRESSIVE SYNTAX AS A MANIFESTATION OF A LINGUISTIC PERSONALITY IN THE «LIFE» OF EPIPHANY SOLOVETSKY (BASED ON THE MATERIAL OF THE «PUSTOZERSKY COLLECTION BY I.N. ZAVOLOKO»)

The article is devoted to the analysis of expressive syntax in the handwritten «Life» of Epiphany Solovetsky. A. Zagumennov substantiates the correlation between the appearance of expressive syntactic constructions and the personal significance of the described events for the author.

Expressive syntax, linguistic personality, church schism, Epiphany Solovetsky.

Е.Н. Иванова

Вологодский государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВ С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ *GOJ-/GAJ- В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматривается лексический состав исторического гнезда слов с праславянским корнем *goj-/gaj- в вологодских говорах, определяются основные направления семантической эволюции диалектных лексем.

Вологодские говоры, историческое корневое гнездо, словообразовательное гнездо, лексико-семантическая зона, семантическая эволюция.

В современном языкознании исторические корневые гнезда (далее ИКГ) рассматриваются как комплексные словообразовательные и лексико-семантические единицы [3; 5]. Особый интерес представляет изучение словообразовательной и семантической структуры диалектных вариантов ИКГ. Анализ дериватов праславянских корней в севернорусских говорах посвящены работы Н.В. Галиновой, Л.Ю. Зориной, Л.Г. Яцкевич [1; 2; 6].

В данной статье выявляются зоны семантической специализации диалектных слов с корневыми морфемами *gaj-/goj-* в вологодских говорах. Исследуемые лексемы входят в состав исторического гнезда слов с праславянским корнем *goi-/gai-/zi-, который продолжает индоевропейский корень *g^wei-/g^wie-/g^weiō-/g^woi-/g^wi-. В праславянский период данное ИКГ включало дериваты со значением существования, пребывания (*žiznъ, *žilo), питания, ухода, защиты (*žirь, *žito, *gojiti, *gajiti).

Глаголы *gojiti и *gajiti, каузативы по отношению к глаголу *žiti (ср. *pojiti и *piti), были образованы от именных основ *goj-, *gaj- при помощи суффикса глаголов 4-го класса *-i- [Аникин, вып. 9, с. 315]. Как отмечает А.Е. Аникин, праславянское имя *gojъ, на базе которого был произведен каузатив *gojiti, означало 'мир, спокойствие', 'изобилие, радость', предполагаемое исходное значение – 'жизнь' (Там же, вып. 11, с. 100). Глагол *gojiti в праславянском языке имел значения 'исцелять, вылечивать', 'питать', 'заботиться, ухаживать' (Там же, с. 102). По мнению С.М. Толстой, первичной для глагола *gojiti является семантика питания [4, с. 29].

По данным «Словаря вологодских говоров», «Словаря говоров Русского Севера» и «Словаря русских народных говоров», диалектные слова, производные от глагола *goить*, широко представлены в диалектах. В вологодских говорах от вершины *goить* образовалось словообразовательное гнездо, состоящее из 15 словообразовательных цепочек, количество членов в которых варьируется от двух до четырех:

<i>goить</i> →	<i>гой</i> →	<i>гойный</i> →	<i>гойнина</i> <i>гойно</i>
	<i>гойка</i> <i>goиться</i>		
	<i>выgoить</i> →	<i>выгаивать</i> <i>выгойка</i>	
	<i>заgoиться</i> <i>наgoить</i>		
	<i>огоить</i> →	<i>огоивать/</i> <i>огаивать</i>	
	<i>поgoить</i> →	<i>поgoиться</i>	
	<i>подgoить</i> <i>приgoить</i>		
	<i>разgoить</i> →	<i>разгаивать</i> <i>угоивать/угаиваться</i>	
	<i>угоить</i> →	<i>угаивать</i> → <i>угойка</i>	

В гнезде продуктивно глагольное префиксальное словообразование, следовательно, словообразовательное гнездо с вершиной *goить* является живым в вологодских говорах.

В вологодских говорах лексемы с корнем *goj-*, с одной стороны, унаследовали архаичные значения, с другой стороны, включились в процессы дальнейшего семантического развития. На базе полисемии глагола *goить* и производных от него слов происходит формирование новых лексико-семантических зон (далее ЛСЗ). Вслед за Л.Г. Яцкевич под ЛСЗ подразумеваем «фрагмент исторического корневого гнезда, представляющий собой систему производных слов, соотносящихся с определенной номинативной сферой» [5, с. 10].

Мотивы кормления, ухода, заботы нашли отражение в семантике диалектных слов, составляющих ЛСЗ 'заботиться, вскармливать, ухаживать': *goить* 'заботиться о ком-либо, вскармливать кого-либо; ухаживать, ходить за кем-либо (за ребенком, за скотиной и др.)' *И матки есть эдакиё, не гоят детей-то, не моят* (Ник, Дьячково) [СГРС, т. 3, с. 64]; *угаиваться* 'ухаживать за домашними животными' *А с козлюхами-то пока угаивалась, гляжу, Нюрка и дверь заложила*. К-Г. Плоск. [СВГ, вып. 11, с. 100]; *угоить* 'выполнить работу по уходу за домашними животными' *Корову угоила пришла, всё обрядила*. К-Г. Навол., *угойка* 'работа по уходу за скотом в вечернее время

(дойка, кормление и т.д.)' *Скота-то много, угойка-то большая*. К-Г. Шест. [СВГ, вып. 11, с. 102].

Диалектные слова с корнем *goj-* активно развивают значения, связанные с мотивом улучшения, преобразования, совершенствования. Самой многочисленной в вологодских говорах является ЛСЗ 'приводить в порядок': *гойть, гойтсья* 'чистить, приводить в порядок, убирать' *Скоро праздник, надо в избе гойть*. Нюкс. Бобр. *Сама-то не могу уж, а всё гоюся пока*. Ник. Ник. (Там же, вып. 1, с. 116); *гой* 'наведение чистоты, уборка' *И на усадьбе гой устраиваем, обихаживаем (Бабуш, Демьянцево), гойка* 'чистота, порядок' *Не могу с вами гойку навести, надо уж всё гойть (Ник, Чернино)* [СГРС, т. 3, с. 65]; *выгойть* 'вымыть, вычистить, убрать и т. п. (посуду, избу и т. п.)' *Неси сковороду, так выгою её*. Волог. [СРНГ, вып. 5, с. 266]; *нагойть* 'прибрать, привести в порядок' *Вишь, как баско в избе, как нагойшь*. К-Г. Лисиц. [СВГ, вып. 5, с. 31]; *огаивать* 'убирать, приводить в порядок' *Она как перешла в этот дом, дак сначала огаивать начала всё да мыть*. Ник. Филип. (Там же, вып. 2, с. 22); *погойть, подгойть* 'помыть, почистить, навести порядок' *Погоить в доме – это значит прибраться*. Нюкс. Бык. (Там же, вып. 7, с. 84); *Всё подгоили*. Ник. Дём. (Там же, с. 90); *пригойть* 'вымыть, вычистить, привести в порядок' *Пол-от я пригою*. Баб. Минк. (Там же, вып. 8, с. 45).

В результате семантических преобразований увеличивается количество существительных, выполняющих функцию дополнения при глаголах с корнем *гой-*: глаголы ЛСЗ 'заботиться, вскармливать, ухаживать' управляют существительными *дети, корова, скот*, глаголы ЛСЗ 'приводить в порядок' употребляются с существительными *изба, дом, скворода, пол* и т.д.

Семантический объем ряда приставочных диалектных глаголов с корнем *goj-* может расширяться, следствием этого является формирование ЛСЗ 'вести домашнее хозяйство': *угоить, угойтсья, погойтсья* 'выполнить ежедневные работы по ведению домашнего хозяйства' *Всё угою да и пойду в огородец*. В-У. Анисим. (Там же, вып. 11, с. 102); *Пока с хозяйством угоишьсья, день кончится*. К-Г. Н. Енанг. (Там же); *Пойду уж. Надо погойтсья*. Ник. Сорок. (Там же, вып. 7, с. 84); *угаиватьсья* 'выполнять ежедневные работы по хозяйству' *Он всё угаивался – большой парень-то. Колька доил и угаивался, всё делал, всё*. К-Г. Плоск. (Там же, вып. 11, с. 100).

Дальнейшее развитие мотива преобразования, улучшения связано с актуализацией в лексическом значении диалектных слов с корнем *goj-* семы 'очищать'. Данная сема присутствует в семантической структуре слов, составляющих следующие ЛСЗ:

- ЛСЗ 'делать чистым по составу': *гойть* 'делать чистым по составу' *Клевер молотили в молотилке, кошкой поросят кормили, а симечко-то на гумне гоили (Бабуш, Шонорово)* [СГРС, т. 3, с. 64]; *выгаивать* 'приводить в должное состояние, в порядок: убирать, чистить, обрабатывать и т. п.' *Выгаивать, чистить крупу-то надо (Ник, Холшевикуво)* (Там же, т. 2, с. 217), *гойная пшеница* 'очищенная, вымытая, провеянная пшеница' Волог. [СРНГ, вып. 6, с. 281];

- ЛСЗ 'очищая, снимать верхний слой': *гойть* 'очищать от кожуры плоды, грибы и т. п.' *Губы надо*

гойть, а то испортыччя. К-Г. Калеп. [СВГ, вып. 1, с. 116]; *нагойть, выгойть* 'приготавливая в пищу, освободить от верхнего слоя, кожуры, чешуи' *Надо ещё рыбы нагойть, картошки нагойть*. К-Г. Навол. (Там же, вып. 5, с. 31); *Рыбу-то надо выгойть да уху сварить (К-Г, Бяково)* [СГРС, т. 2, с. 217]; *огоить* 'снять кожуру, скорлупу и т. д., очистить' *Так-то не ешь голанку, смотри огой, а то горькая скорлупа*. К-Г. Навол. [СВГ, вып. 6, с. 22];

- ЛСЗ 'очищать от сорных растений': *гойть* 'обрабатывать, возделывать землю, посеивать: скашивать траву, пропалывать, удобрять и т. п.' *Ноне всё заросло, не гоим, некому гойть-то, народу-то нет (К-Г, Заборье)* [СГРС, т. 3, с. 64]; *гойка* 'прополка' *Гоили раньше лён, вырывали негодную траву из льна, это гойка называлось (К-Г, Слобода)* (Там же, с. 65); *погойть* 'выполоть, удалить сорняки' *Ковадни хотела погоить клубнику-то*. Нюкс. Бык. [СВГ, вып. 7, с. 84];

- ЛСЗ 'расчищать участок леса': *гойть* 'расчищать участок леса под покос или пашню' *Гоить – лес вырубить, склать в кучи; потом сожгут, а потом пень выйдет и опять же жгут (К-Г, Берсенево)* [СГРС, т. 3, с. 64]; *гойный* 'расчищенный, освобожденный от леса' *Сосны выгоены на покос, гойный покос и стал (Ник, Ильинское)* (Там же, с. 65); *выгойка, гойнина* 'место в лесу, расчищенное под пашню или покос' *Выгойку-то росчищают, я росчистила, дак выгойка моя (К-Г, Киркино)* (Там же, т. 2, с. 217); *Выгонки, гойнины* *росчищали в лесу-то, а потом там трава росла, вот там и косили (К-Г, Кичменгский Городок)* (Там же, т. 3, с. 65); *разгаивать* 'расчищать, возделывать' *Кто поля разгаивал, того и зовут*. К-Г. Пан. [СВГ, вып. 9, с. 12].

В вологодских говорах глаголы данных ЛСЗ покрывают семантическое пространство, занимаемое в литературном языке лексемами с корнем *чист-/чищ-* (*чистить, очистить, расчистить* и т.д.).

Являясь каузативом по отношению к глаголу **žiti*, в праславянском языке глагол **gojiti* имел значение 'исцелять, вылечивать' (в том же значении употребляется и более поздний каузатив *живить*). Как отмечает С. Толстая, в западнославянских языках глагол **gojiti* относится почти исключительно к залечиванию, исцелению, заживлению [4, с. 29]. В вологодских говорах семантика исцеления не получила развития. Данная ЛСЗ в исследуемых говорах представлена глаголом *загойтсья* 'зажить, затянуться, кожей, закрыться (о ране, царапине)': *Не реви, загойтсья, до свадьбы заживёт*. Арх. Вельск. Пайт. [СВГ, вып. 2, с. 109].

Исходная семантика именной основы **goj-* 'мир, спокойствие' близка к значению праславянского корня **lad-* 'согласие, мир, порядок'. В вологодских говорах дериваты корня **lad-* также развивают значения, связанные с идеей совершенствования, преобразования: *изладиться* 'освободиться от каких-либо недостатков, исправиться' *А потом парень у меня изладиУсе, теперь робит*. Тарн. Рамен. (Там же, вып. 3, с. 11), *налажать* 'исправлять, ремонтировать' *Столб своротили, дак теперь свет налажают*. Сямж. Мо-наст. (Там же, вып. 5, с. 47), *уладиться* 'привести себя в порядок, принарядиться' *Хоть бы ты уладилась немного, платье синее накинула*. В-У. Мард. (Там же, вып. 11, с. 123), *подладить* 'довести до нужного раз-

мера, подогнать' *А твоё-то платье я себе хорошо подладила*. Кир. Мереж. [СВГ, вып. 7, с. 97] и т.д.

Общими для дериватов корней **lad-* и **goj-* являются значения 'лечить', 'приводить в порядок': *изладить* 'сделать здоровым, вылечить' *Плохо видела она, в больнице лежала, дак изладили*. Межд. Сел., 'убрать, прибрать, навести порядок' *Молоденька-то проворна была, дак всё в дому-то быстро изладишь*. К-Г. Алфер. (Там же, вып. 3, с. 11), *наладиться* 'поправиться, вылечиться' *До чего худой был, а глико, наладился-то как*. Тот. Б. Горох. (Там же, вып. 5, с. 47), *налажать* 'приводить в порядок' *Пока дома всё налажала*. Влгд. Марк. (Там же), *поладить* 'привести в порядок, вычистить' *Я, может, полажу в хлеву-то*. Тарн. Ворон. [(Там же, вып. 7, с. 134), *уладить* 'прибрать, привести в порядок' *Комнату они уладили хорошо*. Сок. Зареч. (Там же, вып. 11, с. 123).

Каузатив **gajiti* образован от праславянского корня на ступени продления **gai-*. По мнению А.Е. Аникина, в праславянском языке глагол **gajiti* имел значения 'выращивать, подкреплять', 'охранять, защищать' [Аникин, вып. 9, с. 315]. В вологодских говорах, как и в литературном языке, глагол *гаить* не сохранился. Корень *gaj-* представлен в общерусском отглагольном существительном *гайка*, исходное значение которого – 'то, что защищает, дает возможность жить'. В вологодских говорах зафиксировано производное от глагола *гаить* суффиксальное существительное *гаино* и его дериват *гайнице*.

Существительное *гаино* употребляется в вологодских говорах в значениях 'гнездо белки, в котором могут также обитать другие животные (куница, горноста́й, дятел и т. п.)' *Куница любит в гайно забираться, белку съест и живёт сама в гайне* (В-Уст, Бахарево); 'мышинное гнездо' *Гайно мыши делают, в ём детей разводят* (Гряз, Целенниково) [СГРС, т. 3, с. 7]. На основе метафорического переноса у существительного *гаино* формируется значение 'собачья конура' [СРНГ, вып. 6, с. 99].

Семантическое развитие слова может идти в другом направлении: в результате метонимического переноса на базе значения 'гнездо' складывается значение 'выводок', на следующем этапе происходит формирование метафорических значений 'толпа, скопище (о детях)' *Родители разве пустят в избу экое гайно*. Вож. Макуш. [СВГ, вып. 1, с. 108]; 'о большом количестве детей в семье' *У какой бабы много ребят, ой какое гайно, говорят, ребят-то* (Нюкс, Нагорье) [СГРС, т. 3, с. 7].

Существительное *гайнице* в вологодских говорах имеет значение 'гнездо, логовище зверя' [СРНГ, вып. 6, с. 99]. Вследствие утраты производящего глагола *гаить* внутренняя форма существительных *гаино*, *гайнице* затемняется. В результате происходит изме-

нение фонетического облика лексемы *гайнице* и формирование нового значения: *гайнице* 'о ветхом или не имеющем бытовых удобств крестьянском доме' Волог. [СРНГ, вып. 6, с. 136].

Таким образом, корень **gaj-* в вологодских говорах оказался непродуктивным. Праславянский корень **goj-* обладает значительным семантическим и словообразовательным потенциалом в вологодских говорах, что свидетельствует об их архаичности. Сопоставительный анализ дериватов праславянских корней **goj-* и **lad-* позволяет утверждать, что развитие значений, связанных с идеей улучшения, преобразования, совершенствования, можно считать закономерным для ИКГ, восходящих к праславянским именам со значением 'мир, спокойствие, согласие, порядок'.

Словари

Аникин – Аникин, А.Е. Русский этимологический словарь. – Вып. 1–13. – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2007–2019.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под редакцией Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. – Вып. 1–12. – Вологда : ВГПУ, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под редакцией А. К. Матвеева, М. Э. Рут. – Т. 1–7. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2001–2018.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / главный редактор Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, О. Д. Кузнецова. – Вып. 1–52. – Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965–2021.

Литература

1. Галинова, Н. В. Закономерности семантического развития дериватов праславянских корней со значениями 'гнуть', 'вертеть', 'вить' (на материале говоров Русского Севера) / Н. В. Галинова // Ономастика и диалектная лексика : сборник научных трудов. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. – С. 156–171.

2. Зорина, Л. Ю. О «темном» слове *шам* и его производных в вологодских народных говорах / Л. Ю. Зорина // Слово и текст в культурном сознании эпохи : сборник научных трудов / Вологодский государственный педагогический университет. – Вологда, 2009. – Ч. 3. – С. 27–33.

3. Камчатнов, А. М. Введение в изучение русского исторического словообразования : учебное пособие / А. М. Камчатнов. – Москва : Директ-Медиа, 2022. – 300 с.

4. Толстая, С. М. Питание и воспитание в зеркале славянской лексики / С. М. Толстая // Вопросы языкознания. – 2016. – № 2. – С. 22–36.

5. Яцкевич, Л. Г. Эволюционные процессы в структуре исторических корневых гнезд / Л. Г. Яцкевич // Слово : сборник статей. – Череповец : ЧГУ, 2003. – С. 9–14.

6. Яцкевич, Л. Г. Семантические и словообразовательные особенности этимологического гнезда слов с праславянскими корневыми морфами **bat-/ *bot-* в вологодских говорах / Л. Г. Яцкевич // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 107–113.

E.N. Ivanova

SEMANTIC DEVELOPMENT OF WORDS WITH THE PROTO-SLAVIC ROOT **GOJ-/ *GAJ-* IN VOLOGDA DIALECTS

The author characterizes lexical composition of historical root paradigm with the Proto-Slavic root **goj-/ *goj-* in Vologda dialects, defines the main directions of the semantic evolution of dialect lexemes.

Vologda dialects, historical root paradigm, word-formation paradigm, lexico-semantic zone, semantic evolution.

С.А. Маник, Н.А. Шамова
Ивановский государственный университет
Санкт-Петербургский государственный университет

КОРПУСНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ РАКУРС

Статья посвящена описанию становления корпусной лексикографии от предпосылок ее зарождения до настоящего времени. Увеличивающийся репертуар технических средств, перечисляемых в работе, свидетельствует о динамике развития корпусной лексикографии и о ее многообещающих перспективах.

Корпусная лексикография, лингвистический корпус, национальный корпус, узкоспециальный корпус, Веб как корпус, корпусные технологии.

В XXI веке возрастает необходимость обработки большого объема неупорядоченной информации в связи с научно-техническим прогрессом и переходом к информационному обществу. Компьютерные технологии вносят существенный вклад в процесс анализа сведений и активно применяются во многих областях, в том числе в лексикографии, тем самым значительно облегчая и оптимизируя работу лексикографов. Вместе с тем, лексикография прошла длинный путь технологического развития от ручной обработки данных, написания специальных карточек и глоссариев до миллиардных компьютеризированных лингвистических корпусов.

Одним из основных понятий корпусной лексикографии является «конкорданс», под которым понимают список слов к определенному произведению с контекстами их употребления. Исследователи отмечают, что конкорданс, который активно изучается в рамках корпусной лингвистики и корпусной лексикографии, был изобретен давно, в начале XIII века появилась первая «конкорданция» (*Concordantiae morales sacrae scripturae*) – «Нравственная конкорданция Священного Писания», которая представляла собой «предметный конкорданс к текстам Библии» [2, с. 17]. М.И. Солнышкина и Г.М. Гатиятуллина справедливо подчеркивают, что конкордансы доэлектронной эпохи подразумевали «некий указатель места употребления слова или словосочетания», а само понятие «конкорданс» приравнивалось к понятиям «словарь» и «указатель» [5, с. 136]. В цифровую эпоху произошли изменения, которые будут рассмотрены позднее.

Работа с английскими текстами классической литературы как источниками нормативного материала осуществлялась при составлении словарей в XVIII–XIX веках. В.П. Захаров и С.Ю. Богданова указывают на то, что в XVIII веке С. Джонсон во время работы над знаменитым словарем *Dictionary of the English language* (1755) отбирал из книг предложения, которые называл цитатами, чтобы наглядно показать функционирование слов в контексте [2, с. 19]. А в XIX веке грамматисты использовали примеры для иллюстрации своих утверждений «из произведений признанных авторов» [1, с. 9].

Появление машинописи способствовало тому, что на смену рукописному написанию пришел книгопечатный способ, который вывел лексикографический процесс на новый уровень. Однако, несмотря на доступные в то время технические возможности работы с информацией, многое по-прежнему опиралось на интуицию лексикографа и его личные предпочтения относительно необходимости включения той или иной лексической единицы в словарь, опыт, т.е. лексическую интроспекцию (*lexical introspection*).

Долгое время словари были предписывающими (*prescriptive*), они отражали литературную норму и не фиксировали ненормированные варианты, которые оставались за пределами словаря. Потребность в наблюдениях за речью носителей языка явилась предпосылкой к созданию специальных электронных коллекций языкового материала, отражающих реальное словоупотребление.

Первым корпусом текстов, разработанным в 1960-х годах в Брауновском университете в США, является *Brown Corpus*. Корпусные технологии (в основе которых лежит лингвистический корпус) вызывают особый интерес ученых, которые успешно извлекают пользу из них для многих сфер. Отдельной областью применения корпусных технологий является корпусная лексикография (*corpus lexicography*), сформированная благодаря успешному объединению методов традиционной лексикографии и возможностей компьютерных технологий.

Несмотря на небольшой по сегодняшним меркам объем информации (1 млн слов) *Brown Corpus* и его ограниченные технические возможности, в 1969 году был скомпилирован словарь *American Heritage Dictionary* на основе его корпусных данных [16, р. 428]. В 1970-е годы был создан *COBUILD project* [10, р. 334]. Целью проекта являлась подготовка и публикация материалов для изучения и обучения английскому языку, основанных исключительно на анализе компьютеризированных корпусов, содержащих уже тексты в устной и письменной форме [8].

С развитием науки и техники в XIX веке перед лингвистами также встал вопрос о стандартизации терминологического пласта, который активно ворвал-

ся в язык. Лингвисты систематизировали терминологию разнообразных сфер при помощи автоматизированных терминологических банков данных (ТБД), ориентированных на конкретные группы пользователей и отдаленно напоминающих корпусы. В западной практике активно применяются термины *terminological databanks* и *terminological databases* (TDBs).

М.И. Солнышкина и Г.М. Гатиятуллина упоминают о том, что к середине 1970-х годов были сформированы специальные базы для хранения электронных корпусов: *Oxford Text Archive (OTA)* и *International Computer Archive of Modern English (ICAME)* [5, с. 137]. Подобные базы были необходимы в связи с увеличением количества корпусов, которое произошло во многом благодаря пониманию алгоритмов их составления в результате сформированных ценных теоретических навыков. Постепенно в создаваемые корпусы начинает добавляться разметка. В 1968 году был впервые использован термин *метаразметка* (*metadata*), применяемый для обозначения информации о текстах [13, р. 195].

П. Хэнкс указывает на то, что в 1990-е годы британские издательства словарей, особенно издательства, связанные с производством учебных словарей, переиздавали свои словари на основе корпусных данных [9, р. 80]. Словари и учебные пособия XXI века часто сопровождаются пометой *corpus-built*, которая свидетельствует об обращении к корпусным данным. На основе корпусных данных составлены следующие авторитетные словари, фиксирующие большее количество языковых особенностей, чем словари XX века, например, издательством *Collins* выпущен *English Learner's Dictionary* (2011 г.), издательством *Longman* – *Dictionary of Contemporary English* (2009 г.), издательством *Cambridge University Press* – *Business English Dictionary* (2011 г.) и т.д. Подчеркнем, что в XXI веке практически все крупные издательства, выпускающие словари, используют корпусные данные, которые успешно зарекомендовали себя как источник надежной информации.

Особую ценность для лингвистов и лексикографов имеют репрезентативные корпусы национальных языков. Если в докомпьютерную эпоху на создание словарей национального языка уходили целые декады, то с применением автоматизированных корпусов национальных языков этот процесс начал занимать значительно меньшее количество времени. Представляется важным акцентировать внимание на том, что ранее корпус воспринимался в основном как источник для фундаментальных исследований, поскольку доступ к нему, как правило, имели только ученые. В настоящее время создание корпусов, в частности узких корпусов, становится все более доступным практически для любого пользователя.

Появление Интернета не могло не отразиться на принципах формирования и форме существования лексикографических справочников. В XXI веке в эпоху Интернета появляется термин «киберлексикография» (*cyberlexicography*). О.М. Карпова среди новинок киберлексикографии выделяет такие «словарные ресурсы, как *Sketch Engine*, *Google Ngram Viewer*, *WorldNet*, *the Pattern Dictionary of English Verbs*, *VerbNet*, *FrameNet*, *Google Image Search*» [4, с. 32].

В связи с увеличением технических возможностей происходит расширение рамок понятия «лингвистический корпус». На современном этапе Интернет все активнее начинает рассматриваться в качестве корпуса *Web as Corpus, Corpus as Web*. В начале 2000-х годов было создано сообщество *The Web-As-Corpus Kool Yinitiative (WaCky)* [2, с. 80]. Его участники разрабатывали «набор инструментов (и интерфейсов для существующих инструментов), позволяющих лингвистам искать в Интернете тексты (веб-страницы) для наполнения корпусов, обрабатывать их, индексировать и в итоге создавать из них корпусы, которые могут насчитывать миллиарды токенов» (Там же). Составление корпусов на основе сведений из Интернета указывает на значительный технический прорыв.

Интернет предоставляет разнообразные инструменты поиска, поэтому не удивительно, что, по мнению исследователей, *Google* и другие поисковые системы могут приравняться к корпусным инструментам [11, р. 34–35]. Таким образом, в широком смысле корпусные инструменты – это средства, позволяющие упорядочивать информацию.

Отмечается успешное функционирование в режиме онлайн гибридных форм справочных ресурсов, направленных на объединение доступных технических достижений. Так, онлайн словарь *Pattern Dictionary of English Verbs (PDEV)* основан на корпусных данных [14, р. 463]. В качестве перспектив ученый видит создание платформ, объединяющих корпус и словарь (*dictionary-cum-corpus platform*), используя которые пользователи могут загружать свои собственные корпусы с целью получения информации об особенностях функционирования слова в контексте (Там же, р. 476–477).

Особое внимание следует уделить антропоцентричности корпусных технологий XXI века, которые (в отличие от разработок XX века) стараются удовлетворить запросы конкретного пользователя. В настоящее время многие лексикографические проекты применяют корпусные инструменты, представленные в режиме онлайн, поэтому пользователям не нужно устанавливать какое-либо программное обеспечение на свой компьютер [11, р. 35–36].

В сравнении с первыми корпусными технологиями, которые были лишены каких-либо подсказок, помогающих пользователю эффективно работать с ними, многие современные корпусы, напротив, имеют информативный «справочный блок» разного объема. Например, программа *AntConc* во вкладке *Help (View Help File)* содержит документ в формате *pdf*, в котором подробно рассматривается функционал программы и принципы работы с ней [6]. Безусловно, быстрый доступ к технологиям, удобство при их использовании и понятный интерфейс делают их более привлекательными для лексикографов и лингвистов.

Если на этапе зарождения корпусных технологий в арсенале у исследователей был преимущественно конкорданс, позволяющий работать с контекстом, то корпусы нового столетия предлагают существенно больше технических возможностей, что способствует расширению задач, которые ставятся перед корпусной лексикографией. Функциональные возможности современных корпусных программ довольно разнообразны.

разны, и даже привычный поиск информации может осуществляться по разным параметрам, что было недоступно в доцифровую эпоху.

Большой список задач, с которыми успешно справляются современные корпусные технологии, вдохновляет исследователей на создание новых технических возможностей. В рамках прикладной и корпусной лингвистики активно разрабатываются более совершенные функции и инструменты, позволяющие лексикографам автоматически извлекать необходимую информацию, обрабатывать ее, получать статистические данные в соответствии с поисковыми запросами. Программное обеспечение, делающее информацию из корпуса доступной для лексикографов, получило название *corpus query system (CQS)* [16, р. 431].

Высоким функционалом обладает технология *TickBox Lexicography (TBL)*, благодаря которой лексикограф выбирает необходимые элементы автоматического анализа слова для включения в словарь [12]. Опция *Good Dictionary Example (GDEX)* автоматически отсортировывает примеры из корпуса и помещает неподходящие варианты, например, те, которые имеют длинные предложения, редкие слова, варианты с более чем одной заглавной буквой и т.д. в конец списка [7].

Возможности для осуществления разметки (аннотирования) в XX веке значительно отличались от возможностей, доступных в XXI веке. Доступный на современном этапе анализ структуры материала помогает сформировать наиболее полное представление об особенностях употребления лексической единицы. П. Хэнкс акцентирует внимание на том, что при разработке лексикографического издания на основе корпусных данных необходимо обращать внимание не только на частотность лексической единицы, но также и на принципы распределения ее в тексте [9, р. 79]. Так, например, сделанные наблюдения об использовании определенных слов конкретным автором или группой авторов могут внести вклад в авторскую или писательскую лексикографию.

О.М. Карпова выделяет особую современную техническую разработку окулографию (*eye tracking*), которая фиксирует поисковую стратегию пользователя при обращении к справочнику, что позволяет устанавливать перспективу пользователя *user's perspective* [3, с. 26]. Подобное наблюдение за процессом работы пользователя со справочником, выявление его интереса к определенным блокам информации может помочь лексикографу при выпуске новой литературы или переизданию уже существующей в соответствии с потребностями пользователей.

В XXI веке, несмотря на различные технические возможности, связанные с автоматизацией многих процессов, необходимость личного участия лексикографа/лингвиста/переводчика (которое заключается в ручной проверке данных, планируемых для включения в словарь) до сих пор все еще сохраняется. Справедливо отмечается, что компьютеры никогда не заменят человека, но в практическую лексикографию они могут внести значительный вклад [15]. Безусловно, мнение человека, имеющего профессиональные знания, является важным и должно быть учтено на этапе «посткомпьютерной проверки данных».

Подводя итог описанию современного состояния корпусной лексикографии, необходимо акцентировать внимание на практической ценности использования корпусов в качестве источника данных для лексикографии. К списку достоинств корпусов в соответствии с современным состоянием корпусной лексикографии и доступными на данный момент возможностями необходимо отнести следующие достижения:

- корпус предоставляет доступ к неограниченному количеству информации в соответствии с тенденцией рассматривания Интернета в качестве корпуса (*Web as Corpus, Corpus as Web*);

- функциональные возможности корпусных технологий становятся все более антропоцентричными, они все чаще используются в лексикографическом процессе;

- репертуар узкоспециальных корпусов существенно расширяется, поскольку возрастает роль пользователя (необязательно ученого), который может (в том числе на бесплатной основе) создать свой собственный корпус, определив его объем и выбрав для него наполнение;

- гармоничное сосуществование корпуса и словаря позволяет им дополнять возможности друг друга, в результате чего появляется новый уникальный гибридный вид справочного ресурса.

Перспективы развития корпусной лексикографии, по нашему мнению, заключаются в разработке большего количества находящейся в свободном доступе электронной справочной литературы со встроенными корпусами, позволяющими пользователям, имеющим минимальный опыт работы с такими технологиями, благодаря интуитивно понятному интерфейсу, самостоятельно анализировать корпусные данные.

Таким образом, корпусные технологии, имеющие высокий потенциал, внесли значительный вклад в выпуск разнообразных авторитетных лексикографических изданий в рамках корпусной лексикографии, которая прошла долгий путь становления. Предпосылкой к созданию электронных коллекций материала о языке явились наблюдения за речью носителей языка, которая включает не только нормированные варианты словоупотребления, но и ненормированные, важность отражения которых в справочниках становилась все более очевидной. Создание электронных корпусов, включающих сначала не более 1 млн слов ознаменовало значительный прорыв в корпусной лексикографии и явилось толчком к разработке в дальнейшем более функциональных технологий. Несовершенные в техническом плане и ограниченные по объему корпусы 1960–1980-х годов заменились на более совершенные, имеющие богатый функционал и ценные метаданные. На их смену в XXI веке приходит новое понимание корпуса как неограниченного по объему самообновляемого ресурса, способного встраиваться в различные формы справочников, тем самым расширяя их репертуар и предоставляя больше возможностей для работы с материалом.

Литература

1. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика : учебник для студентов направления «Лингвистика» / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. – 148 с.

2. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика : учебник / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – 3-е изд., перераб. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2020. – 234 с.
3. Карпова, О. М. Новые вызовы современной английской лексикографии / О. М. Карпова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : ВГУ, 2018. – № 3. – С. 24–28.
4. Карпова, О. М. Современная лексикографическая картина Великобритании / О. М. Карпова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 6. – С. 28–36.
5. Солнышкина, М. И. История развития корпусной лингвистики (на примере англоязычных корпусов) / М. И. Солнышкина, Г. М. Гатиятуллина // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 63. – Томск : ТГУ, 2020. – С. 132–160.
6. AntConc. – URL: <https://laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 13.07.2021). – Текст : электронный.
7. Frankenberg-Garcia, A. Slipping Through the Cracks in E-Lexicography / A. Frankenberg-Garcia, G. P. Rees, R. Lew // International Journal of Lexicography. – 2021. – Vol. 34. – № 2. – P. 206–234.
8. Groom, N. COBUILD Project / N. Groom // The Encyclopedia of Applied Linguistics / Ed. by C. A. Chapelle. – Blackwell Publishing Ltd, 2013. – P. 650–653.
9. Hanks, P. Lexicography / P. Hanks // The Oxford Handbook of Computational Linguistics / Ed. by R. Mitkov. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – P. 71–87.
10. Kilgarriff, A. Introduction to the Special Issue on the Web as Corpus / A. Kilgarriff, G. Grefenstette // Computational Linguistics. – 2003. – Vol. 29, № 3. – P. 333–347.
11. Kilgarriff, A. Corpus Tools for Lexicographers / A. Kilgarriff, I. Kosem // Electronic Lexicography / Ed. by S. Granger, M. Paquot. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – P. 31–55.
12. Kilgarriff, A. Tickbox Lexicography / A. Kilgarriff, V. Kovář, P. Rychlý // eLexicography in the 21st Century : New Challenges, New Applications. 2010. – P. 411–418. – URL: https://www.sketchengine.eu/wp-content/uploads/tickbox_lexicography_2010.pdf (дата обращения 13.07.2021). – Текст : электронный.
13. Nguyen, T. H. Big Data Metadata Management in Small Grids / T. H. Nguyen, V. Nunavath, A. Prinz // Big Data and Internet of Things: A Roadmap for Smart Environments. Studies in Computational Intelligence / Ed. by N. Bessis, C. Dobre. Springer, 2014. – Vol. 546. – P. 189–214.
14. Paquot, M. Lexicography and Phraseology / M. Paquot // The Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics / Ed. By D. Biber, R. Reppen. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – P. 460–477.
15. Rundell, M. Good Old-fashioned Lexicography: Human Judgement and the Limits of Automation / M. Rundell // Lexicography and Natural Language Processing: A Festschrift in Honour of B.T.S. Atkins / Ed. by M. H. Corréard. – Grenoble, France : EURALEX, 2002. – P. 138–155.
16. Walter, E. Using Corpora to Write Dictionaries / E. Walter // The Routledge Handbook of Corpus Linguistics / Ed. by A. O’Keeffe, M. McCarthy. – London ; New York : Routledge, 2010. – P. 428–443.

S.A. Manik, N.A. Shamova

CORPUS LEXICOGRAPHY: DIACHRONIC PERSPECTIVE

The article describes the formation of corpus lexicography from the prerequisites of its origin to the present state. The increasing repertoire of technical means which are enumerated in this work is an indication of the dynamics of the development of corpus lexicography and its promising perspectives.

Corpus lexicography, linguistic corpus, national corpus, highly specialized corpus, Web as corpus, corpus technologies.

Н.Н. Немич

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия
им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Сызрань

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЛЬФАКТОРНОГО И ВКУСОВОГО МОДУСОВ ПЕРЦЕПЦИИ ПОСРЕДСТВОМ УЧАСТИЯ КОНСТИТУЕНТОВ СЕМАНТИКИ НЕВЫРАЗИМОГО

В статье рассматриваются способы языковой репрезентации конститuentов семантики невыразимого в сочетании с ольфакторным и вкусовым модусами перцепции в современном газетном дискурсе на материале Национального корпуса русского языка газетного подкорпуса. Ольфакторный и вкусовой модусы перцепции почти не имеют собственных репрезентантов, маркируются лексемами с семантикой невыразимого. Наиболее частотными лексемами в синонимическом ряду одорической лексики в газетном дискурсе, маркируемой конститuentами с семантикой невыразимого, являются лексемы «запах» и «аромат».

Семантика невыразимого, ольфакторный и вкусовой модусы перцепции, антифразис, синестезия, синестемия, современный газетный дискурс.

Данная статья посвящена изучению языковой репрезентации конститuentов семантики невыразимого (СН), характеризующих лексемы ольфакторного и вкусового модусов перцепции, на материале газетных печатных изданий.

Согласно «Новому словарю русского языка» А.Ф. Ефремовой, невыразимое – это ‘то, что трудно высказать, передать словами’ [8, с. 987].

СН – это функционально-семантическая категория, выражающая эмоции, чувства адресанта, она характеризует то эмоциональное состояние говорящего, которое его переполняет и он не может выразить это словами [20, с. 259].

В современной лингвистике увеличивается количество работ, посвященных изучению СН. Так, Е.П. Иванян рассматривает СН в аспекте изучения семантики умолчания [10]. М.А. Дударева, исследуя апофатическую составляющую отечественной словесной культуры конца Нового времени, указывает на ее «выражение в системе разноразмерных языковых единиц, обладающих семантикой невыразимого» [7, с. 22].

Как отдельный предмет исследования в рамках функциональной лингвистики СН была рассмотрена в монографии М.Ю. Михайловой [16]. Под СН исследователь понимает самостоятельное значение русского языка, которое располагает иерархически организованными средствами передачи. Семантика невыразимого как констатация невозможности вербализовать направлена на мир чувств человека, сферу бытования человеческой «души», мир человеческих отношений, рефлексию ощущений человека, которая становится «новой сферой невыразимого» [17, с. 964].

Цель статьи – характеристика языковой репрезентации конститuentов СН, сочетающихся с лексемами ольфакторного и вкусового модусов перцепции, в современном газетном дискурсе.

Цель предполагает решение следующих задач: дать краткую характеристику ольфакторному и вкусовому модусам перцепции, выявить их взаимодействие; проанализировать словосочетания, означаемым

которых выступают лексемы синонимического ряда семами ‘запах’ и ‘вкус’, маркируемые конститuentами СН; рассмотреть лингвистические свойства лексем с семантикой запаха, маркируемые прилагательными СН (экспрессивность, оценочность, интенсивность); определить, с помощью каких стилистических приемов и средств репрезентируются лексемы с семантикой запаха в сочетании с конститuentами СН.

Данная статья выполнена в русле нашего исследования СН, см.: [19; 20].

Материалом для исследования послужили примеры Национального корпуса русского языка (НКРЯ) газетного подкорпуса (<https://ruscorpora.ru>).

Языковая репрезентация чувственного восприятия является объектом изучения многих современных лингвистов (О.Ю. Авдеев [1], Ю.Д. Апресян [2], Е.П. Вишнякова [5], Е.В. Падучева [21], И.Г. Рузин [22] и др.). Имеются работы, посвященные исследованию перцептивной семантики в различных типах дискурса и анализу отдельных типов восприятия (А.Ю. Булюбаш [4], Т.А. Демешкина [6], Е.П. Иванян, П.С. Иванова [12; 13], А.Ю. Колесникова [14] и др.).

Для данной работы наибольший интерес представляют научные труды, посвященные изучению лексики обонятельного восприятия в русском языке. Опираясь на проведенные ранее исследования, отметим, что слова ‘обонятельный’, ‘одорический’, ‘ольфакторный’ употребляются как синонимы.

Обоняние, как известно, представляет собой восприятие организмом определенных свойств различных веществ при помощи органов обоняния. П.С. Иванова определяет ольфакторный модус перцепции как «часть высказывания, содержащая отношение к виду ощущения, который относится к запаху и чувству обоняния» [9, с. 65].

А.Ю. Булюбаш в статье «Перцептивный модус “запах” и средства его языкового означивания в поэтической речи И.А. Бунина и Н.А. Заболоцкого», рассматривая средства языкового означивания перцептивного модуса «запах» в поэтических моделях мира

И. Бунина и Н. Заболоцкого, указывает, что лексика запаха в лирике поэтов является средством экспликации авторских суждений, оценок, объективирующих ценностные ориентации говорящего; формирует эмоциональную доминанту текста, его тональность; выполняет структурирующую функцию [4].

Е.П. Иванян, П.С. Иванова считают, что языковая репрезентация запаха в современном русском художественном дискурсе направлена «на описание персонажей, их поведения для раскрытия темы, проблем и идей, выдвигаемых автором» [13, с. 1725]. По мнению исследователей, ольфакторный модус перцепции представлен сопряженными явлениями антропоцентрического описания (ощущения, качества и др.) с запахом (Там же, с. 1730).

И.А. Котенева указывает на аксиологический критерий объектов, издающих запах, и контекст ситуации [15, с. 126]. По мнению исследователя, особенностью обонятельной перцепции является то, что «при идентификации запаха у человека возникают большие трудности, причиной которых является <...> трудность наименования (обозначения и характеристики) запаха» (Там же, с. 124). И.А. Котенева акцентирует внимание на важности психологической оценки в аксиологической деятельности субъекта восприятия запаха (Там же, с. 125).

Ряд исследователей указывают на тесную связь обоняния со вкусовыми ощущениями. Так, например, И.Г. Рузин отмечает, что вкус и запах «обладают широким набором общих атрибутов» [22, с. 96]. По мнению исследователя, одно и то же прилагательное определяет и вкус предмета, и его запах.

В процессе восприятия человеком предметов или явлений окружающего мира происходит взаимодействие между модусами перцепции. Эта взаимосвязь ощущений проявляется в синестезии, которая в широком смысле понимается как феномен восприятия, при котором «впечатление, соответствующее данному раздражителю и специфическое для данного органа чувств, сопровождается другим <...> ощущением, <...> характерным для другой модальности» [24, с. 166]. Иными словами, синестезия представляет собой способ восприятия, при котором у воспринимаемого человеком явления или объекта появляется дополнительное качество. Так, например, при зрительном восприятии какого-либо продукта мы ощущаем его вкус во рту или чувствуем его запах.

Исследователи Е.П. Иванян и П.С. Иванова, рассматривая явления синестезии и синестемии в сравнениях ольфакторного модуса перцепции, указывают на частотность синестезии ольфакторного и вкусового модусов перцепции и взаимосвязь между данными модусами [12, с. 302].

О.В. Чалей рассматривает синестезию как результат «метонимических и метафорических способов концептуализации действительности, лежащих в основе осмысления и вербализации вкусовых ощущений» [23, с. 8].

Синестетическая метафора представляет собой языковое выражение различной протяженности, в котором «синестетическому переосмыслению подвергаются слова различных частей речи <...>, прямые значения которых соотносятся с различными сферами

сенсориума человека» [3, с. 5]. Основанные на синестезии сочетания слов А.И. Бардовская трактует как синестетические образования (Там же, с. 3).

В нашей работе мы будем использовать понятие «синестетические сочетания» как соединения слов, основанные на синестезии (совмещении ощущений, работы одновременно сразу не менее двух каналов восприятия).

При восприятии запаха у человека возникают большие трудности для словесного обозначения и характеристики запаха, что указывает на ограниченность вербальных средств характеристики запаха в русском языке: ольфакторный модус располагает минимальным набором репрезентантов. Большинство репрезентантов заимствуется из других перцептивных сфер: например, вкуса (*сладкий, кислый*) и осязания (*легкий, тяжелый*). Обычно запах с чем-то сравнивают, для вербализации используют конструкции сравнения, поэтому определенную роль для маркирования ольфакторного модуса играют прилагательные с СН, констатирующие наличие запаха при невозможности конкретизировать воспринимаемый запах.

Как показал анализ языкового материала, лексемы ольфакторного и вкусового модусов перцепции, характеризующие конституентами СН, используются как для передачи экспрессивности, оценочности (приятный/неприятный запах, вкус), так и как средство привлечения внимания к высказыванию, указывают на интенсивность.

Лексемы с семантикой запаха, маркируемые прилагательными СН, образуют синестетические сочетания с языковыми единицами вкусового и зрительного восприятия.

В основе некоторых синестетических сочетаний ольфакторного и вкусового модусов перцепции лежит антифразис.

Охарактеризуем представленные выше положения на фактическом материале.

Как показал анализ языкового материала (в современных российских печатных газетных изданиях 2000–2019 гг. НКРЯ было выявлено 640 вхождений, включающих лексемы с СН), для передачи ольфакторного и вкусового восприятия, который по своей природе почти не имеет собственных репрезентантов, используются средства СН (однословные лексемы *непередаваемый* и *неописуемый*) – 2,3%. Отметим низкую частотность употребления данных лексем в сочетаниях с конституентами СН.

Анализ примеров НКРЯ показал, что в синонимическом ряду ольфакторной лексики представлены лексемы *запах, аромат, вонь, амбре, дух* (к данному ряду существительных мы отнесли лексемы с семой 'запах', включенные в сочетания с именами прилагательными с СН). Доминантой в данном ряду является лексема *запах*, так как данная языковая единица, по замечанию Мэй Цзылинь, является нейтральным обозначением обонятельного восприятия, его семантическая структура не несет в себе дополнительной информации и может употребляться для обозначения как приятных, так и неприятных запахов [18, с. 19].

В синонимическом ряду лексических единиц с семантикой вкуса представлены два существительных: *вкус* и *горечь* (горький вкус).

Конstituенты СН в составе словосочетаний с лексемами ольфакторного модуса перцепции придают процессу восприятия эмоциональную окраску: восприятие и переживание совмещены во времени. Например, лексема *дух* в значении 'запах' используется автором для передачи положительных эмоций, возникающих при вдыхании воздуха заповедника:

(1) Конечно, есть те, для кого главное – альпинизм, но многие просто приходят в заповедник для того, чтобы насладиться **непередаваемым духом этой местности** (lenta.ru, 14.01.2017).

Мы полагаем, что лексема *дух* употребляется для обозначения запаха чистого воздуха, указывает на положительные эмоции, на что указывает и эмотивный глагол *насладиться*.

Примеры, представленные в газетных текстах, указывают на оценочный компонент (положительную и негативную оценки) употребляемых лексем. Например, используя лексемы *запах*, *аромат* в ряду однородных членов предложения, автор тем самым усиливает восприятие от многообразия запахов продукции, указывая на положительную оценку и не имея возможности точно подобрать к имеющимся запахам определения:

(2) Продавцы готовятся к очередному рабочему дню. На прилавках горы баночек-скляночек, в которых представлены образцы продукции. Тягучие золотые струи медленно и нехотя сползают в приготовленную для них тару. **Запах, ароматы – непередаваемы!** (Труд-7, 26.08. 2002).

Отметим, что прилагательные СН маркируют ольфакторный модус перцепции для выражения интенсивности запаха. Например, лексема *запах* усиливается прилагательным *непередаваемый* и глаголом *источал* не только для выражения оценки, но и для передачи интенсивности запаха как высшей степени качества. Акцент делается на интенсивности запаха барана и силе воздействия его на воспринимающего:

(3) После института торговли я в первый раз попал в ресторан «Прага» на приём, который организовал МИД. Повар в шикарном колпаке выкатил на красиво оформленной тележке целого запечённого барана. Этого барана я запомнил на всю жизнь – как произведение искусства. Вот это был настоящий НЛО – неподвижно лежащий объект, который источал **непередаваемый запах** (Комсомольская правда, 04.07.2001).

В (3) конституент СН помимо компонента 'не могу выразить' содержит компонент-интенсификатор 'очень сильно'.

В синонимическом ряду *аромат*, *запах*, *амбре*, *вонь* наибольшую интенсивность запаха обозначают существительные *вонь* и *амбре*. В «Словаре эвфемизмов русского языка» Е.П. Иванян «амбре» фиксируется как языковой эвфемизм, смягчающий обозначение «дурной запах»: 'амбре – вм. Вонь' [11, с. 56].

Название такого запаха подразумевает дополнительную, резко негативную эмоциональную характеристику:

(4) Веничка Ерофеев ехал с такой же скоростью, в таком же тамбуре... И запахи... **Непередаваемые амбре** российской железной дороги. Ни один парфюмер мира никогда не сможет объяснить, почему все

электрички у нас пахнут одинаково (Комсомольская правда, 16.07.2007).

В (4) автор, используя антифразис *непередаваемые амбре*, усиливает восприятие о неприятных «ароматах» российских железных дорог, силу запаха которых невозможно передать словами.

Лексема *вонь* содержит отрицательную аксиологическую оценку, указывает на неприятный, отвратительный запах с оттенком интенсивности, природу которого невозможно передать словами. Данное утверждение подтверждает пример из газетного дискурса (5):

(5) ...Чтобы понять правду о национал-большевистской партии, надо заглянуть в её туалет. Обычно очарованные журналисты не могут выйти оттуда по полчаса. Дверь в сортире смоляная, бачок – ярко, ярко-алый; **вонь и грязь неопишущая** (Комсомольская правда, 18.07.2002).

Как стилистический прием, антифразис может использоваться и для номинации «букет ароматов» в качестве иронии при характеристике портянок (объекта с отрицательным запахом):

(6) Ура! Стёртые в кровь ноги на марш-бросках, деревенеющие за ночь в караулах портянки. Неужели всё в прошлом? И из казарм исчезнут **непередаваемые букеты ароматов**, основную гамму которых составляли именно эти, казалось бы, незыблемые гардеробные столпы Российской армии (Комсомольская правда, 24.11.2007).

В (7) прилагательное *непередаваемый* указывает на интенсивность запаха с негативным оценочным значением, актуализируется антифразис:

(7) В Калачинском районе Омской области возле деревни Ковалево около скотомогильника обнаружили «озеро» из слитой крови. Видеозапись с ним опубликовал в Instagram местный житель. Он отметил, что на месте **«запахи непередаваемые»** (lenta.ru, 06.12.2019).

Употребление словосочетания 'запахи непередаваемые' с положительным денотатом в противоположном значении повышает степень эвфемизации данного сочетания, автор намеренно использует антифразис, акцентируя внимание читателя на дурном, отвратительном запахе, зловонии, которое источает «озеро» крови.

Лексемы с семантикой запаха, маркируемые прилагательными СН, образуют синестетические сочетания с языковыми единицами вкусового и зрительного восприятия. Проиллюстрируем использование стилистического приема синестезии несколькими примерами сочетаний прилагательных СН с номинациями *аромат*, *вкус* на материале газетных печатных изданий:

(8) Мне поручили следить за ремонтом, – поясняет Александр Илларионович, – не работа, а удовольствие. Тогда климат на побережье стоял другой. По Ялте машины не ездили, я до сих пор помню вкус тогдашнего воздуха, его **непередаваемый аромат** (Труд-7, 19.01.2007).

В (8) лексема *непередаваемый* употребляется в сочетании с существительным *аромат* при передаче воспоминаний о воздухе, обладающем особым специфическим вкусом и запахом, которые невозможно

забыть и передать словами. К запаху воздуха (чистому, свежему, без выхлопных газов автомобилей) добавляется вкусовое ощущение. Благодаря синестетической метафоре лексемы *вкус*, *аромат* в составе словосочетания с лексемой *непередаваемый* указывают на положительную оценку.

Синестетическое взаимодействие лексем зрительного модуса и вкусового мы наблюдаем в (9). Зрительное восприятие темного пива переходит во вкусовое, которое маркируется конституентом СН, без возможности передать словами те ощущения, которые говорящий испытывает при употреблении данного напитка:

(9) *Длинный хвост тянулся в столичном Парке культуры и отдыха имени Горького к заветному павильону, где продавали просто редкостный, в 1963-м совершенно неизвестный нам напиток – тёмное пльзенское пиво. В Москве ходили легенды о его **непередаваемом вкусе*** (Труд-7, 12.04.2006).

В (10) ощущение вкуса осмысливается как результат зрительного процесса с указанием на эмоциональность и оценочность восприятия: журналист почувствовал вкус во рту, рассматривая гастрономические изыски.

(10) *Состав их разный. Например, половина сырокопчёной колбасы состоит из свиного фарша, а вторая – из цельного куска копчёной говядины. Или наоборот – фарш из говяжьей вырезки и кусок вяленой свинины со шпиком. **Вкус непередаваемый*** (Московский комсомолец, 23.11.2016).

Синестезия ольфакторного и вкусового модусов перцепции наблюдается в (11):

(11) *Более сложная модель – очищенная от мякоти шкурка половины апельсина заполняется гелем для свечей оранжевого цвета (такой гель можно купить, например, в магазине ИКЕА). **Запах** от таких фруктовых свечек **непередаваемый!*** (Комсомольская правда, 23.12.2002).

В (11) запахи свечек и апельсина соединяются, добавляется вкусовое ощущение, выраженное значением слова *фруктовых*.

Синестемию, когда к перцептивной лексеме добавляется какая-либо эмоция, мы можем наблюдать в (12):

(12) *Малышка первой увидела деда и сама окликнула его. Так началась их жизнь в аду. Пытка жаждой оказалась особо тяжкой для Сидакова-старшего – уже много лет он страдал сахарным диабетом. **Жажда и духота** были **неописуемые**. Доходило до того, что, изнывая от зноя, люди раздевались почти полностью, дети начали пить мочу* (Труд-7, 2005.08.24).

Жажда как физиологическое ощущение, относящееся к разряду общих чувств, и *духота* (запах спертого воздуха) тяжело воспринимаются участниками описываемых событий.

Подводя итоги, следует отметить, что ольфакторный и вкусовой модусы перцепции, имея бедный репертуар репрезентантов, маркируются конституентами СН. Наиболее частотными лексемами одорической лексики в газетном дискурсе, определяемыми конституентами СН, являются лексемы *запах* и *аромат*.

Как показал анализ, однословные лексемы СН:

- служат маркером ольфакторного и вкусового восприятия окружающего мира – этот фактор и определяет их частотность и отнесенность к денотативным сферам. Выявлено, что ольфакторный и вкусовой модусы перцепции в газетном дискурсе являются низко-частотными;

- употребляются в сочетании с лексемами ольфакторного и вкусового модусов перцепции при передаче восприятия окружающего мира, для указания на интенсивность запаха или вкуса;

- указывают на оценку (либо запах приятный, либо ужасный). С одной стороны, использование лексемы *аромат*, в значении которой присутствует сема 'приятный', позволяет выразить положительную оценку. С другой стороны, сравнение с дурным запахом, исходящим от портянок, подчеркивает его неприятность при восприятии. При ярко выраженной положительной оценке – указание на высшую степень качества описываемого объекта; при ярко выраженной отрицательной оценке объекта – использование антифрасиса, иронии;

- передают эмоции. Выявлено, что при чувствовании неблагоприятного запаха присутствуют эмоции отвращения, неприятия; ощущая приятный запах – наслаждение, восхищение, восторг;

- употребляют в синестетических сочетаниях с лексемами ольфакторного и вкусового модусов перцепции. Ольфакторные лексемы сочетаются со вкусовым и зрительным модусами перцепции. Одно и то же прилагательное СН может определять и вкус предмета, и его запах.

Перспективы нашего исследования лежат в плоскости дальнейшего изучения СН и ее репрезентации в современном газетном дискурсе, связанной с субъективным восприятием действительности, внутренним миром человека.

Литература

1. Авдеевнина, О. Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. Ю. Авдеевнина. – Москва, 2014. – 49 с.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
3. Бардовская, А. И. Средства номинации синестетических соощущений (на материале английских и русских художественных текстов) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. И. Бардовская. – Тверь, 2005. – 20 с.
4. Булюбаш, А. Ю. Перцептивный модус «запах» и средства его языкового означивания в поэтической речи И. А. Бунина и Н. А. Заболоцкого / А. Ю. Булюбаш // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 8 (50), Ч. 5. – С. 90–93.
5. Вишнякова, Е. П. Категория перцептивности как основа языкового моделирования возможных миров в новелле Г. Уэллса «The country of the blind» : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. П. Вишнякова. – Хабаровск, 2015. – 24 с.

6. Высказывания со значением восприятия запаха / Т. А. Демешкина, Н. А. Верхотурова, Л. Б. Крюкова, Н. В. Курикова // Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / под редакцией Т. А. Демешкиной. – Томск : Издательство Томского университета, 2006. – 194 с.
7. Дударева, М. А. Апофатика русской словесной культуры конца нового времени: образы смерти : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии / М. А. Дударева. – Иваново, 2021. – 50 с.
8. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : [в 2 томах] / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – Т. 1: А – О. – 1210 с.
9. Иванова, П. С. Корреляция между гедонистической оценкой и семами 'живое – неживое' в сравнениях ольфакторного модуса / П. С. Иванова // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С. В. Черновой. Межвузовский сборник научных трудов с международным участием. – 2018. – С. 64–72.
10. Иванян, Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке / Е. П. Иванян. – Москва : ФЛИНТА, 2015. – 328 с.
11. Иванян, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Иванян. – 3-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – 461 с.
12. Иванян, Е. П. Синестезия и синестемия в сравнениях ольфакторного модуса перцепции / Е. П. Иванян, П. С. Иванова // Горизонты современной русистики : сборник статей Международной научной конференции, посвященной 90-летию юбилею академика В. Г. Костомарова (Москва, 30–31 января 2020 г.). – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 298–303.
13. Иванян, Е. П. Сравнение ольфакторного модуса перцепции в современной художественной литературе и парфюмерном интернет-дискурсе / Е. П. Иванян, П. С. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 1725–1731.
14. Колесникова, А. Ю. Лингвистическое моделирование ирреального в творчестве В. Пелевина: перцептивный аспект : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. Ю. Колесникова. – Томск, 2019. – 24 с.
15. Котенева, И. А. Одорический признак как объект оценочного восприятия в номинативной системе французского языка / И. А. Котенева // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 3 частях. – 2017. – № 11 (77), ч. 3. – С. 124–126.
16. Михайлова, М. Ю. Семантика невыразимого в языке и речи / М. Ю. Михайлова. – Москва : ФЛИНТА ; Самара : СГСПУ, 2020. – 244 с.
17. Михайлова, М. Ю. Семантика невыразимого и смежные явления / М. Ю. Михайлова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17, № 1–4. – С. 963–966.
18. Мэй, Цзылинь. Перцептивная лексика в рекламном тексте : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мэй Цзылинь. – Воронеж, 2017. – 23 с.
19. Немич, Н. Н. Проблемы изучения семантики невыразимого в современном газетном дискурсе / Н. Н. Немич // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 3 (42). – С. 109–117.
20. Немич, Н. Н. Эмоциональный потенциал семантики невыразимого в газетном дискурсе / Н. Н. Немич // Лекантовские чтения. Материалы Международной научной конференции. – Москва, 2020. – С. 258–261.
21. Падучева, Е. В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С. 23–44.
22. Рузин, И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И. Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79–100.
23. Чалей, О. В. Концептуализация вкусовых ощущений в естественном языке : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. В. Чалей. – Москва, 2017. – 30 с.
24. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

N.N. Nemich

REPRESENTATION OF OLFACTORY AND GUSTATORY MODES OF PERCEPTION THROUGH THE CONSTITUENT PARTICIPATION OF SEMANTICS OF INEXPRESSIBLE

The article considers the ways of linguistic representation of the constituents of semantics of inexpressible in combination with the olfactory and gustatory modes of perception in modern newspaper discourse on the material of the National Corpus of the Russian language of the newspaper subcorpus. The olfactory and gustatory modes of perception have almost no representatives of their own, they are marked with the lexemes with the semantics of inexpressible. The most frequent lexemes in the synonymous series of odoric vocabulary in newspaper discourse, marked by constituents with the semantics of inexpressible, are the lexemes «smell» and «aroma».

Semantics of inexpressible, olfactory and gustatory modes of perception, antifrasis, synesthesia, synenstemia, modern newspaper discourse.

Юе Тэн

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

РАЗЛИЧИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СПОСОБОВ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья направлена на анализ различий в восприятии заимствованных слов носителями китайского и русского языков путем сравнения различных способов преобразования заимствованных слов в китайском и русском языках. Анализируя разницу между двумя преобразованиями двух языков, мы можем получить полезные предложения по работе перевода на русском и китайском языках.

Китайский язык, русский язык, заимствование, преобразование заимствований.

Введение. С углублением российско-китайских обменов растет спрос на китайское и российское образование. Понимание и применение заимствований в обоих языках будет одним из важных вопросов в работе перевода. В данной статье анализируются китайская и русская литература о лексике заимствований¹. Цель этой статьи – сравнить два языка, проанализировав способ преобразования заимствованных слов в них. Задача статьи – выявить различие способов преобразования заимствований в русском и китайском языках и предложить эффективное решение проблемы перевода.

Различие и функционирование способа преобразования заимствования в русском и китайском языках

С развитием глобальной экономики и Интернета общение между Россией и Китаем, и другими странами стало удобнее, и в то же время объем передаваемой информации также сильно увеличился. Среди различных культурных продуктов и символов заимствования являются одним из индикаторов, отражающих это изменение. С введением большого количества новых понятий и новых заимствований скорость издания словарей становится все ниже, и меньше способных поспевать за введением заимствованных слов, что вызывает трудности в изучении языка. В этих обстоятельствах очень важно понимать правила преобразования иностранных слов. С помощью этих общих правил мы можем лучше понимать значение возникающих иностранных слов и более точный перевод.

Из-за фундаментальных различий в языковой структуре китайского и русского существуют большие различия в использовании и преобразовании заимствований между этими двумя языками.

Например, в русском языке существуют три основных способа.

Лексическое усвоение (переход как формы, так и значения слова из языка-донора в язык-реципиент с

соответствующей фонетической и грамматической адаптацией). Заимствоваться могут как целые слова, так и части слов: суффиксы, префиксы, в ограниченной степени даже окончания: герцог (нем. Herzog), архиерей (греч. ἁρχιερεύς), хинин (ново-лат. Quinine), антипирин (греч. Antipyridinum) и т. д.

Семантические заимствования (формирование у уже имеющегося в языке-реципиенте слова нового значения под влиянием другого языка: например, рус. трогать – «вызывать эмоциональный отклик» (Просьба женщины тронула его) под влиянием французского слова «toucher»; мышь (животное) > (компьютерная) мышь (вид компьютерного манипулятора) по аналогии с английским словом «mouse», у которого такое обозначение манипулятора появилось раньше.

Варваризмы относятся к наименее освоенному виду заимствованной лексики, могут употребляться в транслитерационном или даже в иноязычном написании. Обычно употребляются в стилистических целях для создания «местного колорита» или следуя «требованиям моды». И в нашей статье сокращения латинских букв считаются как варваризмы. Например: HeadHunter, GPS, WLAN и т. д.

Ситуация в китайском языке бывает сложнее, чем в русском, в связи с уникальными языковыми характеристиками отличительными свойствами китайского языка. Интернетизация иностранных слов в китайском языке в основном делится на следующие четыре категории: 1) фонетическое преобразование; 2) фонетическое и морфологическое преобразование; 3) полупонетическое и полуморфологическое преобразование; 4) морфологическое преобразование². Помимо фонетического преобразования, иностранные слова также записываются с помощью китайских иероглифов.

Фонетическое преобразование позволяет при сохранении исходного значения слова также сохранять характеристики произношения исходного слова. Этот тип преобразования в основном представляет собой преобразование разговорной речи. Исходя из этого

¹ Это включает Ши Ювэй. Словарь заимствованных слов Синьхуа. Коммерческая пресса, 2016. Ши Ювэй. Заимствования на китайском языке. Коммерческая пресса, 2000. Словарь иностранных слов. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования.

² Эти классификации основаны на литературе Ши Ювэй. Заимствования на китайском языке. Коммерческая пресса, 2000.

данный тип преобразования подразделяется на четыре подкатегории: 1) чистое фонетическое преобразование, 2) фонетическое преобразование с лексической ориентацией, 3) фонетическое преобразование с модификацией иероглифов, 4) фонетическое преобразование с лексическим индикатором.

Чистое фонетическое преобразование – самое простое преобразование, оно не имеет никакого лексического или морфологического дополнения. Целое слово является единицей, и иероглифы в слове не отражают лексического значения. Китайское иероглифическое выражение фонетических символов отражено в следующих примерах: 摩尔(mo er) mall «торговый центр», 谷歌(gu ge) Google «поисковая система», 奥司他韦(ao si ta wei) Oseltamivir «Осельтамивир» – тип лекарства.

Фонетическое преобразование с лексической ориентацией. Между этим методом преобразования и чистым фонетическим преобразованием есть некоторые отличия, поэтому он рассматривается как отдельная категория. В чистом фонетическом преобразовании иероглифы в слове не несут лексического значения. Но в фонетическом преобразовании с лексической ориентацией иероглифы в слове выражают определенную коннотацию. Например: 优步(you bu) Uber (американская международная публичная компания из Сан-Франциско), в этом слове иероглиф «优» носит и фонетический характер этого слова и имеет значение «хорошее». 必应(bi ying) Bing (поисковая система, разработанная международной корпорацией Microsoft), в этом слове иероглиф «必» и «应» заменяет фонетические иероглифы и имеет значение «обязательно» и «отвечать». Таким образом, приведет дополнительное значение в слове с определенными иероглифами. И меняется нейтральное значение слов на негативное или позитивное.

Метод фонетического преобразования с модификацией иероглифов редко встречается в современном китайском языке. Он предназначен для завершения преобразования иностранных слов путем создания новых китайских иероглифов. Такое преобразование занимает главное место в химической и биологической сферах. Например: 鲱鱼(сельдь), за счет добавления ключа «鱼» (эта часть указывает на связь значения с рыбами) к иероглифу «非» произошло преобразование этого заимствованного слова. Также в усвоении названия элемента «氧» (кислород), ключ «气» (эта часть имеет значение: газообразный) соединили с иероглифом «羊», выполнили преобразование этого заимствованного слова.

Метод фонетического преобразования с лексическим индикатором – это метод преобразования заимствованных слов за счет добавления китайских иероглифов после фонетически адаптированных иероглифов. Например: 伺服器(sì fú qì) server (сервер), «伺服» является фонетическим усвоением и «器» – лексическое добавление со значением «механический». 安赛蜜(an sai mi) Acesulfame (ацесульфам – подсластитель сульфамидного ряда, бесцветные кристаллы, легко растворимые в воде, примерно в 180–

200 раз слаще сахарозы (традиционного кулинарного сахара)). «安塞» является фонетическим усвоением и «蜜» – это лексическое добавление со значением «сладкий».

При этом фонетическое и морфологическое преобразование заимствований в китайском языке имеет свою подгруппу способов: 1) сохранение звука и написания, 2) японское фонетическое и иероглифическое усвоение, 3) усвоение японских иероглифов.

Сохранение звука и письменности в усвоении иностранных слов часто встречается в виде сокращений, то есть сохраняется произношение и правописание слова без изменений и внедряется в китайский язык. Например: CEO (исполнительный директор), UI (пользовательский интерфейс).

Японское фонетическое и иероглифическое усвоение является преобразованием японской катаканы и иероглифов из китайского языка. Известно, что в японском языке существует большое количество китайских иероглифов. Несмотря на то что произношение этих китайских иероглифов изменилось, они очень удобны для преобразования иностранных слов. В результате китайские иероглифы и преобразования японской катаканы используют для локализации иностранных слов. Например: 弹幕(dan mu) 弹幕(danmaku, т.е. подзаголовок, который движется в проигрывании видео), 声优(sheng you) (яп. 声優seiyū, т.е. голос актера) «声» значит звуковой и «优» относится к значению актера.

Усвоение японских иероглифов подразумевает прямое использование японских оригинальных иероглифов. Например: 腺(xian) 腺(sen, японская катанка) (железа).

Полуфонетическое и полуморфологическое преобразование относится к неполным заимствованиям. В этом преобразовании частично осуществляется перевод. Например: 3D电影(san di dian ying) от англ. 3D movie (3D фильм), «电影» является переводом «фильм». 尼帕病毒(ni pa bing du) Nipah virus (вирус нипах), в котором «病毒» с китайского переводится как «вирус».

Морфологическое преобразование делится на два типа: морфологическое преобразование с фонетической модификацией и морфологическое преобразование с использованием произношения китайского иероглифа. Большинство слов этого типа преобразования заимствованы из японского языка, остальные – из другого китайскоязычного региона. Морфологическое преобразование с фонетической модификацией – это чистое морфологическое заимствование, в котором не сохраняются фонетические отличительные свойства оригинального языка, например: 轻食(qing shi) 軽い食(karui shoku) «легкая закуска». Морфологическое преобразование с использованием произношения китайского иероглифа – это тот тип преобразования, в котором используется оригинальное произношение китайского иероглифа в заимствованных словах. То есть такое преобразование пропускает модификацию слов, вместо этого использует китайское произношение китайских иероглифов, составляющих слово. Например: 回转寿司(hui zhuan shou si) яп. 回

転寿司(kaitensushi) «конвейерная лента суши», 二次元 (er ci yuan) яп.二次元 (nijigen): 1. «любитель анимации (обычно японская анимация)»; 2. «японская анимация и манга».

Анализ различия способов преобразования заимствования в русском и китайском языках.

Анализируя преобразование иностранных слов в китайском языке, мы можем сделать вывод, что преобразование иностранных слов за последние 30 лет является лингвистически неизбежным результатом. Другими словами, несмотря на то, что источник заимствования изменяется с развитием мира, способ преобразования китайской лексики сохраняется и продолжает функционировать в сфере заимствования.

А в русском языке метод преобразования заимствования отличается от китайского. Русский и английский языки входят в индоевропейскую семью, и оба языка имеют сходство. Хотя в русском языке имя существительное имеет грамматические показатели рода, падежа и числа, похожая схема словообразования помогает усвоению слов английского языка. Например: слово «биткоин» оканчивается на согласный звук «н», таким образом, эти английские слова легко усваиваются в русском языке и привычны русской грамматике. В русском языке лексическое усвоение занимает главное место во всех заимствованных словах в последние 30 лет.

Кроме английского языка, влияние японского языка бывает разным в русском и китайском языках – гораздо больше влияния в китайском, чем в русском. В Китае влияние японского языка началось в конце 19-го века. Причина проста – это иероглифы, используемые в обоих языках. Например: заимствованное слово из японского языка «二次元(эр си юань)» в китайском языке пишется так же, при этом нет необходимости в фонетической модификации, потому что используется произношение китайских иероглифов. Хотя в отношении японского языка до сих пор нет точной атрибуции языковой семьи, прежнее влияние китайской культуры дало иероглифам возможность внедрения в японскую письменность. Эти иероглифы и слова легко заимствует китайский язык. Данное усвоение продолжается и до сегодняшнего дня. Однако в русском языке преобразование японской лексики проявляется только с помощью катаканы, то есть морфология самой лексики не сохраняется. Например, манга (яп. 漫画, マンガ, [manga]) «японские комиксы» – слово заимствуют в русском языке через фонетическое произношение (т.е. фонетическое усвоение), а в китайском языке это чистое морфологическое преобразование с использованием произношения китайского иероглифа (в китайском языке слово 漫画 является заимствованием японского слова 漫画, マンガ, [manga], очевидно, с точки зрения письменности различия между этими двумя словами отсутствуют).

В русском языке японское влияние не такое сильное, как в китайском. Иероглифы и произношение японского языка мешают усвоению слов в русском языке. Кроме этого, поскольку преобразование китайской и японской лексики в русском языке в основном основано на фонетическом преобразовании, оно разрушает исходную морфологическую структуру

русского языка, косвенно приводит к трудностям крупномасштабного преобразования и применения японской и китайской лексики в русском языке.

С помощью приведенной выше классификации мы можем обнаружить, что существует большая разница между правилами преобразования китайских и русских иностранных слов из-за разницы в использовании пишущего носителя. Принимая во внимание нынешнюю высокую популярность англоязычного образования в Китае, иностранные слова английской этимологии в русском языке не будут серьезным препятствием для носителей китайского языка. Однако из-за короткого произношения китайских слогов и того факта, что в китайском языке есть небольшое количество слов с более чем четырьмя слогами. Поэтому произношение иностранных слов с большим количеством слогов, а также запоминание и правописание слов по-прежнему являются проблемой для китайцев и пользователей китайского языка.

В отличие от заимствований в китайском языке, за исключением сокращений, составленных из латинских букв, большинство иностранных слов написаны в форме китайских иероглифов. Это также выдвигает более высокие требования к русскоговорящим. Как различать разные типы фонетических преобразований иностранных слов, будет огромной проблемой. Такая проблема перевода становится особенно сложной при переводе имен собственных. Например, русское имя «Иван» в китайском языке переводится как «伊万» или «伊凡», оба этих метода перевода относятся к одному и тому же русскому имени, но для русскоговорящих они могут показаться двумя разными именами. Хотя некоторые собственные существительные в китайском языке имеют привычный перевод, это все же не может решить проблему перевода остальных иностранных слов. Ввиду неточности фонетического усвоения собственных заимствований в китайском языке русскоязычным пользователям следует проявлять особую осторожность при переводе китайских иностранных слов.

Таким образом, для носителей китайского языка, поскольку основным источником иностранных слов в современном русском языке являются английские корни, переводить или понимать эти иностранные слова относительно просто при хорошем английском образовании. Напротив, для русскоязычных, даже с определенным образованием по китайскому языку, все еще могут быть неправильные переводы и понимание китайских слов, преобразованных фонетическим способом.

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что из-за различий в преобразовании заимствованных слов между китайским и русским языками китайские пользователи легче понимают заимствованные слова, состоящие из чистых латинских букв, чем русские пользователи понимают заимствованные слова, преобразованные из китайских иероглифов.

Из вышеприведенного анализа мы можем сделать следующие выводы: 1. Когда китайский язык вводит японскую лексику, в которой также используются китайские иероглифы, это преобразование пройдет успешно. Точно так же русский язык вводит лексику от языков, в которой используются латинские буквы

(латинский алфавит и кириллица имеют определенные сходства), это преобразование пройдет успешно. В то же время для пользователей, чей родной язык китайский или русский, эти заимствования из той же или близкой языковой системы относительно легко усваиваются, и эти заимствования будут иметь более широкое применение в обществе. Это в основном отражается в широком использовании заимствований из германских языков, латинского и древнегреческого языков в русском языке и широком использовании японских заимствований в китайском языке. 2. Но в преобразовании иностранных слов из несходственных языков у китайского больше преимуществ, чем у русского. Китайцы могут реконструировать такие иностранные слова с помощью китайских иероглифов, образовывать новые слова и сохранять морфемы исходных слов. Однако русскоязычные не могут сделать это преобразование на основе сохранения словесных морфем. Это приводит к тому, что заимствования из неродственных языков в русском языке имеют те же проблемы, что и японская катакана. То есть сами новые заимствования становятся трудными для понимания, и в то же время для пользователей возникли новые требования к владению иностранным языком, то есть пользователи должны владеть как русским языком, так и языком заимствований, чтобы иметь возможность использовать и осваивать эти заимствования хорошо. Эта ситуация также имеет место в китайском языке, но в основном ограничивается именами собственными.

Таким образом, можно сделать вывод, что преобразование заимствований в современном китайском языке значительно сложнее, чем в русском языке, но и в том, и в другом случаях можно относительно легко преобразовать заимствования из языков, использующих ту же или подобную систему письма. Однако при преобразовании слов из языков с отличной системой письма китайский язык имеет определенные преимущества перед русским.

По мере того как политические, экономические и культурные общения между Китаем и Россией становятся все теснее и теснее, потребность в переводах также будет расти. Это обязательно будет связано с переводом заимствованных слов в китайском языке. Анализ в этой статье поможет переводчикам лучше понять метод преобразования и внутреннюю логику заимствованных слов в китайском языке. Согласно приведенному выше анализу, самое главное, на что переводчикам следует обратить внимание, – это фонетическое преобразование заимствованных слов в китайском языке. Поскольку для таких слов в китай-

ском языке не существует единого стандарта преобразования, русским переводчикам необходимо уделять особое внимание при переводе, чтобы избежать двусмысленности в процессе перевода. Точно так же и при китайском переводе следует обращать внимание на общепринятый метод перевода лексики при переводе русской литературы, чтобы избежать ненужных недоразумений.

Литература

1. 新华外来词词典. 史有为. 北京: 商务印书馆, 2016. Словарь заимствованных слов Синьхуа / составитель и главный редактор Ши Ювэй Пекин : Коммерческая пресса, 2016.
2. 汉语外来词. 史有为. 北京: 商务印书馆, 2000. Ши Ювэй. Заимствования на китайском языке / составитель и главный редактор Ши Ювэй Пекин : Коммерческая пресса, 2000.
3. 杨锡彭. 汉语外来词研究. 上海: 上海人民出版社, 2007. Ян Сипэн. Исследование китайских заимствований. Шанхай: Шанхайское народное издательство.
4. 吴礼权. 汉语外来词音译的特点及其文化心态探究. 复旦学报: 社会科学版, 1994 (3): 82-88. У Лицюань. Особенности транслитерации иностранных слов в китайском языке и ее культурный менталитет. – Шанхай : Журнал Фудань: Издание социальных наук, 1994. – № 3. – С. 82–88.
5. Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
6. Словарь иностранных слов современного русского языка : 100 000 слов и выражений / составитель и главный редактор Т. В. Егорова. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.
7. Козырев, В. А. Свое и чужое: заимствованное слово в современной речи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2007. – № 3. – С. 54–59.
8. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. – Москва : Эллипс, 2008. – 493 с.
9. Гуськова, А. С. Функционирование англоязычных заимствований в текстах современных интернет-изданий / А. С. Гуськова, Л. Б. Карпенко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2020. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-angloyazychnyh-zaimstvovaniy-v-tekstah-sovremennyh-internet-izdaniy> (дата обращения: 08.09.2022). – Текст : электронный.
10. Ваулина, Е. Ю. Поиски электрона в компьютерной сети / Е. Ю. Ваулина // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы : Материалы Международной научной конференции. – Москва, 2003. – С. 442–446.
11. Семенов, А. Л. Лексика китайского языка / А. Л. Семенов. – Москва : Муравей, 2000. – 312 с.

Yue Ten

DIFFERENCES IN BORROWING METHODS AND THEIR FUNCTIONING IN MODERN RUSSIAN AND CHINESE

This study aims to explore the differences in the perception of loanwords by Chinese and Russian speakers by comparing and contrasting different ways of loanwords transformation in Chinese and Russian. By analyzing the difference between the adaptation techniques in the two languages, the recommendations on translation techniques in Russian and Chinese can be suggested.

Chinese, Russian, loanwords, loan word transformation.

С.А. Хадашева, Ф.А. Царикаева
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

РОЛЬ ОСЕТИНСКИХ РЕГИОНАЛИЗМОВ В ОЧЕРКЕ И. КАНУКОВА «В ОСЕТИНСКОМ АУЛЕ»

Включение тех или иных осетинских слов в художественный текст на русском языке служит воссозданию национального колорита, самобытности региона, отражая в той или иной степени национальную действительность. Среди многих структурно-семантических особенностей лексических единиц большой интерес представляют осетинские регионализмы. В статье на материале очерка И. Канукова «В осетинском ауле» проанализирован значительный пласт этой лексики. Основная цель работы – обоснование целесообразности включения осетинских слов и словосочетаний без перевода в русскоязычный текст очерка. Особое внимание сосредоточено на изучении семантики того или иного осетинского регионализма, наличии или отсутствии эквивалентов в русском языке; достижении писателем стилистического эффекта при передаче национального колорита жизни, быта, нравов осетинского народа, вызванного использованием в тексте регионализмов.

Регионализмы, региолект, художественный текст, русский язык, осетинский язык, лексика, национальный колорит.

Каждое подлинно художественное произведение, каким бы «простым» и «открытым» оно ни казалось, заключает в себе тайну глубинного смысла, воплощенного в сложной взаимосвязи всех элементов его содержательной формы. Все больший интерес у исследователей вызывает отражение этнокультурной специфики в лексическом фонде языка, что обусловило появление в лингвистической науке термина регионализм, под которым подразумевается «местное слово или выражение, бытующее на определенной территории, употребляемое носителями региолекта» [11, с. 299]. Начало данному термину было положено в середине XX века представителями французской диалектологии [22, с. 32]. В научном пространстве отечественного языкознания его впервые использовала М.А. Бородина [3, с. 34]. Впоследствии данный термин активно начинают употреблять ленинградский диалектолог В.И. Трубинский [21] и профессор Ленинградского госуниверситета А.С. Герд [6; 7].

Надо сказать, что к настоящему времени количество работ по изучению региолектов значительно возросло. В некоторых из них предпринимаются попытки выявить сущность региолекта, определить особенности его функционирования, место в системе национального языка, отношение к норме и др. [21, с. 157; 6, с. 23; 8, с. 14; 16, с. 119–136; 22, с. 32–36; 11, с. 300; 10].

Проследивая традицию употребления регионализмов, представляющих собой локальные заимствования, необходимо отметить, что одним из первых, кто начал заниматься данной проблемой, был и профессор И. Е. Гальченко. В своей книге «Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке», рассматривая лексическую систему русского языка, он выделил четырнадцать тематических групп слов [5, с. 35–36]. Изучение северокавказских регионализ-

мов автором осуществлялось средствами художественной литературы, так как именно в ней находит свое воплощение ментальная особенность людей.

Итак, в контексте нашего исследования можно утверждать, что, являясь выразителем колорита в художественном произведении, национальная лексика все шире и шире привлекается в тексты как необходимое стилистическое средство изображения предметов, явлений окружающего мира. Примечательно, что у истоков пользования национальной лексикой в русскоязычном художественном тексте, передающем колоритный образ территории Осетии, стоит творчество И. Канукова.

Литературное наследие И. Канукова находится в центре внимания многих филологов. Среди работ, посвященных его творческому пути, анализируется не только его мастерство как писателя, но и язык. Так, можно выделить работы Т.И. Валиевой [4], Е.Б. Дзапаровой [9], Р.З. Комаевой [12], М.Р. Куловой [13], З.Х. Тедтеновой [20], З.Н. Суменовой [19] и др.

Безусловно, указанные труды являются хорошим подспорьем для исследования поставленной нами проблемы, но не решением ее.

Из всего многообразия языкового богатства, используемого И. Кануковым в художественных текстах его русскоязычных произведений, особое внимание обращают на себя лексические компоненты, заимствованные из родного осетинского языка без перевода, так называемые «регионализмы». Причина такого обращения к регионализмам, на наш взгляд, вызвана тем, что при описании быта, нравов, традиций, национальных особенностей автор не обнаруживает семантического эквивалента в русском языке, а при подборе в чем-то близкого по значению русского слова, несомненно, утрачивается не только национальный колорит изображаемого, но нередко возникает иска-

жение смысла повествования. По справедливому замечанию Е.Б. Бесоловой, «обнаружение глубинного значения слова, термина, концепта предполагает определенное мастерство в использовании фразеологии, пословиц и поговорок и других жанров фольклора для решения проблем отражения культуры народа в его языке, в частности – лексике» [2, с. 63].

Проследим это на примере анализа текста «В осетинском ауле». В этом незначительном по объему произведении мы обнаружили свыше 150 слов и выражений-регионализмов, ко многим из которых И. Кануков приводит пояснения в тексте, что облегчает читателю восприятие описываемых в каждом конкретном случае явлений.

Обнаруженные нами регионализмы можно разделить на несколько тематических групп. Так, выделяются регионализмы, связанные с национальными традициями, религией, фольклором, национальными особенностями быта, национальной кухней, а также регионализмы, характеризующие положение человека в обществе, выражающие чувства, эмоции, фонетические регионализмы, эквивалентные русским словам.

Категория регионализмов, связанная с национальными традициями, наиболее многочисленная по составу группа осетинских слов в русскоязычном тексте, что объясняется во многих случаях отсутствием в русском языке эквивалентов, выражающих аналогичные с осетинским словом смысловые понятия: *кастæрдзинад, хъæргæнæг, мæрддзыгой*.

Вместе с тем, нередки случаи, когда осетинские и русские слова совпадают в своих значениях. Это такие слова, как: *куывд, хист, чындæхсæв, мæрдмæ, аходын, бæркад, къухылхæцæг, уæздандзинад, уырдыгыстæг, цырт, фидиуæг, хуын*. Здесь автор часто останавливает свой выбор на первом варианте, так как семантический национальный колорит регионализма, ярко проявляющийся в оттенках значений, отсутствует у русского лексического эквивалента. Это дает возможность писателю раскрыть национальную специфику той или иной характерной для осетин детали. Например, слово *куывд*, включенное в текст без перевода, имеет в русском языке эквивалент, на что указывает авторское комментирование, данное в скобках. Однако И. Кануков из двух семантических параллелей избрал осетинский вариант, так как в нем заключен значительно больший смысловой потенциал, наполняющий регионализм *куывд* целым рядом дополнительных семантических оттенков, позволяющих создать неповторимый национальный колорит, что было бы объективно невозможно при включении в контекст русского слова *пир*. Основанием для такого утверждения служит и толкование, приводимое В.И. Абаевым [1, с. 614]: «Молитва, обрядовое пиршество, обычно с жертвоприношением».

Это убеждает нас в том, что выбор осетинского *куывд* неслучаен. С его включением в русскоязычный текст автору удается образно раскрыть особенности национального быта: *куывд* – это не только и не столько обильное угощение, сколько обрядовый ритуал, сопровождающийся жертвоприношением. Совершенно очевидно, что русское *пир*, толкуемое в словаре И.С. Ожегова как «большой званый обед», а также «обильное угощение» [17], лишено отмеченного

выше важного семантического оттенка, характерного для осетинского *куывд*.

Необходимость использования регионализма в русскоязычном тексте можно ярко проиллюстрировать и осетинским словом *хист*, которому, по мнению самого автора, соответствует русское – *поминки*. Выбор данного регионализма, несомненно, продиктован значительно большим смысловым потенциалом, чем русский его эквивалент. Несмотря на то что оба они раскрывают традиционный обряд, характерный как для осетинского, так и для русского народов, несмотря на их взаимозаменяемость, регионализм *хист* имеет более широкие семантические возможности, благодаря которым автор и отдает ему предпочтение. Собственно, это отличие мы видим и в словарных толкованиях данных лексических единиц. Так, если русское слово *поминки* – согласно словарю – это «угощение после похорон в память умершего» [17], то сема *хист*, помимо значения, соответствующего русской лексической единице, имеет дополнительный оттенок, подчеркивающий одну из национальных традиций осетинского народа, а именно «поминальное угощение, которое применяется не только к тризне в дни погребения, но и к последующим поминальным угощениям, которых в году бывало до десяти» [1, с. 203]. Это обстоятельство и определило выбор автором регионализма *хист*, образно раскрывающего национальное своеобразие обряда поминок, передающегося от поколения к поколению.

Свою стилистическую функцию – обозначение черт национальной культуры – выполняет регионализм *мæрдмæ*, которому идентично русское слово *на похороны*. Анализ дефиниции этнолексемы *мæрд* свидетельствует о необходимости его включения в русскоязычный текст. Семантическая сложность слова *мæрдмæ* основывается на многоплановости значения, раскрывающего специфическую особенность национального ритуала похорон. По своей структуре оно образовано от основы *мæрд* (покойник) и падежного окончания *мæ*, которое дословно переводится как «к покойнику». Это лишний раз подчеркивает, что осетинский обряд сопровождается не только и не столько процессом захоронения, сколько является одним из звеньев традиционно-ритуальной религии осетин. У А.Х. Магометова читаем: «Обычай посещения покойника всеми – мужчинами и женщинами – до того строг и общеобязателен... что всякий, узнавший о смерти кого-нибудь, какую бы спешною работою он ни был занят, бросает свое дело и спешит выразить свое сочувствие и соболезнование горю родных погибшего, чтобы хоть этим отчасти уменьшить страдания последних». Покойника посещали и «малознакомые для данной семьи или просто приехавшие из-за уважения к родственникам или приятелям умершего лица» [15, с. 377].

В отличие от регионализма, семантика его русского эквивалента *на похороны* однопланова и толкуется словарем как «обряд закапывания умершего в землю или обряд кремации» [17].

Отражение местного колорита мы находим и в регионализме *чындæхсæв*, которому, казалось бы, эквивалентно русское *свадьба*. На первый взгляд, как будто никаких оттеночных значений между ними нет.

Однако при кажущемся полном соответствии русской лексеме, содержательная сторона регионализма, легко обнаруживающаяся при его словообразовательном анализе, характеризующем данное слово как сложный элемент, состоящий из двух слов: *чындз* (невеста) и *ахсав* (ночь), а потому буквально осетинское *чындзыхсав* означает «невестина ночь». У А.Х. Магомедова читаем: «*Чындзыхсав* есть первый прием, первое знакомство невестки с семейством, первое приглашение ее к принятию участия в семейных отношениях, в домашних нуждах и заботах» [15, с. 367].

Такое лексикографическое толкование не характерно русскому слову *свадьба*, которое, реализуя прямое свое значение «брачный обряд» [17], никаких дополнительных оттенков не имеет. Это позволяет говорить об оправданности включения регионализма *чындзыхсав* в русскоязычный текст.

Среди встречающихся в очерке регионализмов укажем *къухылхæцæг*: «...удары сыпались на бедную голову *къухылхæцæг* 'а, несмотря на то, что он умолял своих палачей оставить его в покое!» Для перевода лексемы *къухылхæцæг* используется слово *шафер*, которое можно считать его эквивалентом. На первый взгляд, между регионализмом *къухылхæцæг* и русским *шафер* нет особых смысловых различий. Это легко обнаруживается при словообразовательном анализе, который характеризует регионализм как структурно сложный элемент, состоящий из двух слов: *къухыл* (руку) и *хæцæг* (державший), и буквально означает «державший за руку». Согласно осетинскому свадебному обычаю *къухылхæцæг* обязан длительное время охранять невесту, и, как отмечает В.И. Абаев в своем словарном толковании данного слова, — это не только лицо, сопровождающее невесту, но *къухылхæцæг* — это *шафер*, который «обнажает шашку и берет правую руку невесты» [1].

При сопоставлении приведенных примеров можно заметить, что русское слово не способно полностью передать соответствующее значение этнолексемы, что вполне оправдывает и объясняет включение последнего в русскоязычный текст. Кроме того, *шафер* толкуется словарем как «лицо, состоящее при женихе (невесте) и держащее у него (нее) над головой венец в церковном свадебном обряде» [17], выражает особенности традиций русского народа, не характерные осетинским традициям.

Таким образом, русское *шафер* и осетинское *къухылхæцæг* совпадают лишь в значении «лицо, состоящее при женихе (невесте)». Несомненно, включение в текст русского *шафер* было бы формально логично в русскоязычном тексте, но автору важно было максимально передать читателю своеобразие национального колорита описываемого ритуала, и он хорошо понимал, что слово *шафер* лишено многих семантических оттенков значения регионализма *къухылхæцæг*.

Очень развернутую и полную этнолингвистическую и этнокультурную информацию о функциональных обязанностях *къухылхæцæг* 'а нам дает А.Х. Магомедов: «Во время свадьбы шафер должен был быть душой общества и следить за тем, чтобы из гостей никто не остался без внимания. От распорядительности шафера зависел весь порядок на свадьбе, а подчас и настроение пирующих, почему шафером обычно

старались выбирать человека общительного и распорядительного. *«Къухылхæцæг*, считаясь названным братом невесты, в последующее время, в случае надобности, имел право защищать ее. В тяжелые моменты жизни он первым приходил ей на помощь, являлся он и первым ее советчиком» [15, с. 353].

Совершенно оправданно, на наш взгляд, включение в русскоязычный текст и регионализма *фидиуæг*, встречающегося в следующем контексте:

«Вот тебе на! — сказал я, проснувшись от этого громкогласного крика нашего *фидиуæг а* (крикуна): умер мой родственник».

Данный регионализм семантически эквивалентен русскому *глашатай*, но эта эквивалентность не абсолютная, о чем свидетельствует семантический анализ этих слов. Так, слово *глашатай* толкуется словарем как «лицо, объявляющее народу официальные известия», а регионализм *фидиуæг*, наряду с этим значением, обладает более широкими смысловыми возможностями. У В.И. Абаева, например, регионализм трактуется как «вестник, герольд», что по своей семантической насыщенности значительно богаче, чем русское *глашатай*, о чем свидетельствует сопоставительная характеристика данных толковых словарей:

«Вестник...1. Тот, кто приносит какие-нибудь вести (книжн.)...». Как видим, разница между смысловым содержанием *глашатай*, функциональной обязанностью которого является, как уже было отмечено, объявлять народу «официальные известия», очевидна. При этом данное слово подается словарем без стилистической пометы, содержание же слова *вестник* значительно шире, так как не ограничивает функции «официальными известиями», а особо подчеркивает «...какие-нибудь вести», отмечая стилистическую принадлежность его к книжной лексике. О более широких семантических возможностях осетинского *фидиуæг* говорит и приведенное в толковании В. Абаева рядом с *вестником* слово *герольд*, по происхождению являющееся заимствованием из немецкого и, как толкует словарь [18], означает «..вестник, глашатай при дворах королей и крупных феодалов; распорядитель на торжествах и рыцарских турнирах; герольды ведали также составлением родословий и прочее».

Разница между значениями слов *фидиуæг* и *глашатай*, таким образом, определяется не их смысловым содержанием, а широтой или ограниченностью сфер их использования: в функции *глашатай*, например, входит объявлять народу какие-либо официальные известия, а *фидиуæг* — это лицо, возвещающее народу не только официальные, но и неофициальные новости.

Нужно заметить, что помимо приводимого выше контекста, в котором сам автор эквивалентом к *фидиуæг* 'у в скобках приводит слово *крикун*, использует данный вариант, но уже без скобок, в следующем контексте: «Оу — у — уй! Послушайте, люди! Ночью умер Карасе, оу — у — уй! — так кричал нынче чуть свет Мази, *крикун* нашего аула с вершины холма».

Слово *крикун* отмечено в словаре пометой «разг.», что говорит об ограниченности сферы его использования. Но, вместе с тем, благодаря этой стилистической окрашенности, автору удается создать тот оригинальный фон повествования, который необ-

ходим для более точного и яркого выражения быта осетинского народа.

Обращает внимание включение регионализма и в следующем контексте: «Потом прикрыли его дубовыми досками, доски засыпали землею и поставили **цырт**».

Регионализм **цырт** здесь, несомненно, является ключевым компонентом, так как именно на нем автор концентрирует внимание читателя, понимая, что оно наиболее полно раскрывает традиционную специфику национального быта осетин. Это и объясняет авторское предпочтение данного слова его русскому эквиваленту **памятник**.

Несмотря на почти идентичные у них значения, регионализм, тем не менее, обладает целым рядом дополнительных семантических оттенков, необходимых автору для передачи читателю национального колорита описываемого ритуального действия. Различие в семантике данных слов легко обнаруживается при их словарном толковании, где слово **памятник** толкуется как: «1. Скульптурное или архитектурное сооружение в память кого – чего-нибудь». Регионализм **цырт** в словаре В.И. Абаева, помимо данного значения, включает в себя понятие «надмогильный камень». Именно это и позволяет нам считать вполне оправданным включение регионализма в русскоязычный текст. Русское **памятник** в своем смысловом значении выражает законченное произведение творческого труда ваятеля. Осетинское же **цырт** – это простое, скромное надгробие, символизирующее скорбь по умершему при погребении. Автор хорошо понимает эту семантическую разницу и включением регионализма ярко подчеркивает важную составляющую национального ритуала осетин, передающуюся от поколения к поколению.

Весьма интересно включение регионализма **уырдыгыстаг** в контексте: «...отпила немножко из стакана за мое здоровье и передала обратно мне, я же отдал **уырдыгыстаг** 'у, который, долив стакан, подал Симайли...».

Прежде всего следует отметить, что выделенное слово в его фонетическом оформлении в процессе исторического развития осетинского языка претерпело изменение: звук **дж** перешел в **з**, и сегодня нормированной считается форма **уырдыгыстаг**, а та, которую использовал автор, квалифицируется как устаревшая форма.

По своей словообразовательной структуре данный регионализм представляет собой сложное слово и состоит из двух основ: **уырдыг** (прямо) и **стаг** (стоящий), что в буквальном переводе означает «прямо-стоящий», или, как уточняет В. Абаев, человек, находящийся «все время на ногах в отличие от пирующих». Иначе говоря, в своем словарном толковании **уырдыгыстаг** – это «виночерпий, кравчий, прислуживающий за столом на пиршествах и тризнах, обычно из числа молодых людей».

На первый взгляд, осетинское **уырдыгыстаг** и русское **виночерпий** являются эквивалентами, но в отличие от функциональной однозначности **виночерпия**, обозначающего «лицо, подносящее напитки на пиру», регионализм **уырдыгыстаг**, кроме этого, является «лицом, избираемым для прислуживания на пиру, для резания мяса, распределения кусков, потчевания» [1].

Кроме того, он прислуживал за столом не только во время пиршеств, как **виночерпий**, но и на тризнах.

Анализ семантической наполненности выделенных лексических параллелей позволяет говорить не только об оправданности включения регионализма в русскоязычный текст, но убедительно подчеркивает еще и еще раз тонкое языковое чутье писателя, позволившее ему предпочесть русскому **виночерпий**, с его ограниченным смысловым планом, регионализм **уырдыгыстаг**.

Описывая быт и нравы осетинского народа в очерке «В осетинском ауле», И. Кануков охотно прибегает к использованию региональной лексики, которая в произведении довольно многочисленна по своему составу. Подавляющее большинство регионализмов, по нашему мнению, стилистически оправданно. С одной стороны, посредством введения их в текст достигается большая достоверность изображения действительности, в них отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой народа. С другой стороны, в них в полной мере раскрывается национальная специфика языка, его самобытность. Стилистическая целесообразность употребления регионализмов особенно очевидна в тех случаях, когда в русском языке существует близкая по форме и значению лексическая единица, но не раскрывающая в полном объеме семантику этнолексемы. Ни один регионализм не воспринимается читателем «инородным телом», использованным как украшательский лексический компонент. Это еще раз подтвердило правильность высказывания Б.В. Кунавина: «Используя осетинские регионализмы, автор не только передает колорит национальной культуры, но и стремится привить к ней любовь, раскрыть ее огромный нравственный потенциал, стабилизирующие и объединяющие возможности» [14, с. 134].

Таковы некоторые наблюдения над использованием регионализмов в очерке И. Канукова «В осетинском ауле».

Литература

1. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1958. – Т. I. – 659 с. ; Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1973. – Т. II. – 451 с. ; Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1979. – Т. III. – 362 с. ; Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Т. IV. – 330 с. ; Москва : Московская типография № 2 РАН, 1995. – Т. 5. – 449 с. Указатель.
2. Бесолова, Е. Б. Отражение системы мировоззренческих знаний осетин в языке и его когнитивной структуре / Е. Б. Бесолова // Известия СОИГСИ. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. – № 14 (53). – С. 63–72.
3. Бородин, М. А. Диалект или региональные языки? / М. А. Бородин // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 32–36.
4. Валиева, Т. И. Проблемно-тематическое своеобразие очерков И. Канукова / Т. И. Валиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12–2 (90). – С. 230–233.
5. Гальченко, И. Е. Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке / И. Е. Гальченко. – Орджоникидзе, 1976. – 99 с.
6. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – Санкт-Петербург, 2005. – 456 с.

7. Герд, А. С. Историческая география и регионалисти-ка: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон / А. С. Герд // Псковский регионалистиче-ский журнал. – Псков, 2013. – № 16. – С. 107–116.
8. Грузберг, Л. А. Региолект / Л. А. Грузберг // Филолог. 2010. – № 11. – URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208 (дата обращения: 10.11.2022). – Текст : электронный.
9. Дзапарова, Е. Б. Автоперевод как вид художествен-ного перевода в осетинской литературе / Е. Б. Дзапарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5 (16). – С. 65–69.
10. Ерофеева, Т. И. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект / Т. И. Ерофеева. – Пермь, 2003. – 320 с.
11. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань, 2010. – 486 с.
12. Комаева, Р. З. Семантико-стилистическая структура художественного текста (на материале произведений И. Канукова) / Р. З. Комаева // Лингвистические этюды / Сборник научных трудов. – Вып. VIII – Владикавказ : Изда-тельство СОГУ, 2003. – С. 5–24.
13. Кулова, М. Р. Идеино-тематическое и художествен-ное своеобразие кавказского периода творчества Инала Ка-нукова : автореферат диссертации на соискание ученой степе-ни кандидата филологических наук. – Владикавказ, 2008. – 21 с.
14. Кунавин, Б. В. Функциональные характеристики осетинских и общесеворокавказских регионализмов в ро-мане А. Цаликова «Брат на брата» / Б. В. Кунавин // Из-вестия СОИГСИ. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН И РСО-А, 2019. – № 31 (70). – С. 125–139.
15. Магометов, А. Х. Культура и быт осетинского наро-да / А. Х. Магометов. – Орджоникидзе, 1968. – 568 с.
16. Оглезнева, Е. А. Дальневосточный региолект русско-го языка: особенности формирования / Е. А. Оглезнева // Рус-ский язык в научном освещении. – 2008. – № 2. – С. 119–136.
17. Ожегов, И. С. Словарь русского языка / И. С. Оже-гов. – Москва : Мир и образование, 2020. – 736 с. – URL: <https://slovarozhegova.ru/>. – Текст : электронный.
18. Словарь иностранных слов. – Москва : Русский язык, 1986. – 624 с. – URL: https://gufo.me/dict/foreign_words. – Текст : электронный.
19. Суменова, З. Н. Инал Кануков. Жизнь и творчество / З. Н. Суменова. – Орджоникидзе : ИР, 1972. – 247 с.
20. Тедтеева, З. Х. Своеобразие языка и стиля публи-цистики Инала Канукова / З. Х. Тедтеева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хета-гурова. – 2015. – № 4. – С. 223–226.
21. Трубинский, В. И. Современные русские региоле-кты: приметы становления / В. И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение: Межвузовский сборник научных трудов Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Псков, 1991. – С. 156–162.
22. Хорошева, Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н. В. Хорошева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 32–36.

S.A. Hadasheva, F.A. Tsarikaeva

THE ROLE OF OSSETIAN REGIONALISMS IN I. KANUKOV'S ESSAY *IN THE OSSETIAN VILLAGE*

The use of certain Ossetian words in Russian literary texts serves to recreate the national and local peculiarities as well as to reflect some national realities. Ossetian regionalisms evoke great interest. The study analyzes a great number of the regionalisms used in *In the Ossetian Village* by Kanukov. The aim of the study is to prove the necessity to include authentic Ossetian words and phrases in the Russian text of the essay. Accordingly, the authors' attention is focused on studying the semantics of certain Ossetian regionalisms and the availability of their equivalents in Russian. The authors also determine the writer's success in creating an artistic stylistic effect while introducing the national identity, colour of life, daily routines, morals, etc. of the Ossetian people by means of the regionalisms.

Regionalisms, literary text, Russian, Ossetian, vocabulary, national peculiarities.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82

Т.Н. Воронина, С.Х. Головкина
Вологодский государственный университет

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕМИНАР «ЛАД КАК ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. БЕЛОВА»

В статье представлен обзор докладов литературного семинара, посвященного осмыслению категории лада в творчестве В.И. Белова. На научном собрании обсуждались мировоззренческие основы творчества писателя, их связь с ценностным миром русского народа, вклад В.И. Белова в изучение народной традиционной культуры Вологодского края, творческая общность В.И. Белова и В.Г. Распутина.

Василий Белов, Валентин Распутин, деревенская проза, лад, национальная картина мира, традиционная народная культура.

21 октября 2022 г. в рамках IX Всероссийских Беловских чтений, приуроченных к 90-летию со дня рождения В.И. Белова, состоялся научный литературный семинар. В качестве организаторов выступили Вологодская областная универсальная научная библиотека и Череповецкий государственный университет. Если в 2021 г. поводом для научного обсуждения стала повесть В.И. Белова «Привычное дело» [4], то в этот раз тему литературного семинара определила книга «Лад», изданная 40 лет назад. В формате видеоконференции ученые из Вологды, Череповца, Москвы, Архангельска, Иркутска, Барнаула обсудили лад как художественный образ в творчестве В.И. Белова и как национальную модель гармонического жизнеустройства, наметили дальнейшие перспективы исследования данной темы.

Заседание литературного семинара открыла директор ВОУНБ Т.Н. Буханцева. С развернутыми докладами выступили д-р филол. наук ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН им. А.М. Горького А.Ю. Большакова; д-р филос. наук, профессор ВоГУ И.Н. Тяпин; канд. искусствоведения, профессор ВоГУ Г.П. Парадовская; канд. искусствоведения, канд. филол. наук, доцент ИГУ, научный сотрудник Музея В.Г. Распутина В.Я. Иванова.

Во вступительном слове канд. филол. наук, доцент ЧГУ А.Е. Новиков обратил внимание на то, что книга очерков о народной эстетике «Лад» была ответом В.И. Белова на стереотипное восприятие деревни как чего-то отсталого и примитивного, произведение проникнуто стремлением автора привлечь внимание к сельскому миру.

А.Ю. Большакова, автор целого ряда работ о деревенской прозе [2; 3], выступила с сообщением о «Ладе» Белова как воплощении русского идеализма. Исследователь отметила, что отстаивание национальных идеалов представителями деревенской прозы (В.И. Беловым, В.Г. Распутиным, В.П. Астафьевым)

было и остается объектом противодействия. Утверждение, что «Лад» – главное произведение писателя, есть вопрос дискуссионный, но книга эта самоценна. В 1970-е гг. деревенскую прозу обвиняли в патриархальности, воспеваании отсталой деревни. В противодействие этой тенденции начинается публикация книги «Лад» В.И. Белова. Эта книга о внутренней свободе нашего землепашца, о красоте его мира и возвышенности трудового бытия, в ней представлено понимание мира как всеединства, пронизанного эстетическим измерением. Установка на реабилитацию традиционных ценностей, вытесненных за годы индустриализации, предполагала и восстановление философских подоснов национального мира, свойственных русскому космизму. Так, деревня в «Ладе» уподоблена не только родному дому, малой Родине, но и явлена как аналог крестьянской вселенной.

А.Ю. Большакова отметила, что Белов в «Ладе» подводит итог поиску в литературе 1960–1970-х гг. модели развития национальной личности, человека труда. Каким он должен быть? В ответе на этот вопрос писатель опирается на традицию: это должен был быть человек, самостоятельно творчески мыслящий, который хочет красоты, гармонии, лада. Идеей деревенской прозы как литературного направления была реабилитация художественными средствами земледельческого эстетического идеала крестьянского лада. Творчество Белова предполагает неразрывную связь между людьми и ответственность их перед миром, спорит как с бездушием отвлеченного отношения к народу, так и с показным народолюбием. Именно поэтому почвенничество не противостоит высокой культуре. В завершение А.Ю. Большакова подчеркнула родство тем, мотивов, пафоса деревенской прозы с Л. Толстым, М. Шолоховым, Л. Леоновым, сумевшими высветить национальные качества русского характера: христианское сострадание и самопожертвование, основательность и независимость от внешнего ми-

ра внутренняя свобода, хозяйственность и семейственность – все это и «Лад» Белова. Таково принятое русским классиком силой слова восстановление русской культуры в идеальном эстетическом модуле.

А.Е. Новиков согласился, что дискуссии вокруг «Лада» связаны со спором о пути России, и поставил вопрос о продуктивности модели жизнеустройства, предлагаемой Беловым, в современной России.

В продолжении обсуждения директор учебно-научного центра современных компаративных исследований РГГУ д-р филол. наук, профессор И.О. Шайтанов сформулировал круг обозначенных проблем: в какой мере «Лад» является идеализацией; в какой мере справедливы были те идеалы, которые отстаивали представители деревенской прозы; что отличает Белова от других писателей этого направления? Ученый привел высказывание русско-английского философа И. Берлина: всякое серьезное противостояние нужно понимать как противостояние ценностных систем [5]. Важно уметь найти точку соприкосновения этих систем, которые сами по себе не могут быть верными или неверными. Также И.О. Шайтанов высказался по поводу естественности языка Белова. Писатель не просто использует народное слово, он умеет его вырастить до очень большого значения. В связи с этим особую трудность представляет перевод текстов Белова на иностранные языки: легко нарушить речевой лад, привнести концепт другой культуры с иным ассоциативным полем.

Кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой литературы ВоГУ С.Ю. Баранов согласился с И.О. Шайтановым и выразил мысль о сложности составления словаря языка Белова, для которого простые словарные значения не сработают, нужно учитывать особенности внутреннего мира произведений писателя. Тем не менее, задачу создания такого словаря необходимо решать.

Доктор филологических наук, профессор САФУ им. М.В. Ломоносова А.В. Петров обратил внимание ученых на музыкальную составляющую семантики слова «лад», на то, какое большое значение Белов придавал ритму, соразмерности, в том числе в композиции книги.

И.Н. Тяпин озаглавил свое выступление «В.И. Белов и социальные идеалы русского народного сознания: поиск и утрата гармонии». Ученый считает, что Белов в своих произведениях вывел желаемую народом, в какой-то степени вневременную модель социальной и социоприродной гармонии. Ключевым принципом этой модели является сохранение традиции как идеала. В рамках этого идеала община как ячейка общества желала справедливой власти, государства, которое должно помочь в случае серьезной необходимости, но при этом стоит несколько в стороне. Русский человек подсознательно тяготел к небыстрому по темпам экстенсивному развитию. Вкупе со стремлением быть в гармонии с природой это создавало нечто среднее между активностью и пассивностью, деянием и созерцанием. Такая деликатная диалектика взаимоотношений традиции и новации, государства и общества не была в России реальностью ни в одну из эпох, но составила установку национально

ориентированной философской мысли. Русский человек желал видеть государство, в котором право подчинено морали, утверждается приоритет соборного целого, где каждый гражданин должен жертвовать собой во благо государства, а оно в свою очередь обеспечивает человеку возможности для реализации. Белов создал образ деревни как матрицы русского общества. Все отчетливее в беловских работах проступала мысль о том, что исчезновение совестливого русского человека как типа будет означать конец России.

По версии И.Н. Тяпина, если до середины 1990-х Василий Иванович двигался от советского к русскому, то далее он осуществил синтез советского и русского в своем мировоззрении. Белов и другие писатели-патриоты пытались протестовать против массового воспроизводства типа личности, обладающей набором таких характеристик, как индивидуализм, поверхностная образованность, дискретность сознания, примитивный прагматизм, гедонистический круг интересов. В заключение исследователь подчеркнул: к интеллигенции пришло осознание необходимости выработать ценностно-смысловые ориентиры дальнейшего развития. Сохранение села выступает частью более глобальной стратегии реализации модели национального государства, суверенного во всех аспектах своего бытия, где формирование идеологии сверху сочеталось бы с учетом социальных идеалов народа.

Доктор филол. наук, профессор АГПУ А.И. Куляпин возразил докладчику, что тезис о синтезе советского и русского – крайне актуальная проблема, но применительно к Белову утверждение видится спорным, отношение писателя к советскому очевидно негативное. А.Ю. Большакова согласилась с тем, что у Белова присутствует модель не столько прошлого, сколько будущего, хотя идеал писателя и локализован в прошлом. Исследователь поставила вопрос о мере обобщения у Белова. В «Ладе» есть описания трудовых процессов, быта, праздников, игр, но это все – ряд явлений, а в сущностном плане важен лад в душе, что применимо и к городской жизни, здесь Белов выступает как теоретик, а не только как бытописатель.

В продолжении обсуждения доктор филол. наук зав. кафедрой социальных коммуникаций и медиа, директор Гуманитарного института ЧГУ А.В. Чернов высказал мысль о том, что прекрасное в «Ладе» предполагает наличие безобразного, с чем связана иерархичность каждой описанной Беловым социальной категории: не все крестьяне – мастера своего дела, лад предполагает наличие маргинализованного сообщества, которое не стремится овладеть мастерством. По мнению ученого, в дальнейшем изображении разлада мира писатель рисует общество наподобие перевернутой пирамиды, когда маргинальная часть оказывается вверху, что видно, например, в романе «Все впереди».

И.О. Шайтанов заметил, что В.И. Белов заставляет участников дискуссии постоянно обращаться к вопросу о судьбе России. Ни в одной стране вопрос о крестьянстве не оказался так трагически связанным с судьбой страны. Вытеснение деревенского способа жизни есть в истории всех европейских стран, но в России этот процесс оказался слишком ускорен. Отсюда и мечта о ладе как культурной матрице, которую

хочется сохранить в других цивилизационных условиях. В какой мере в жизни на земле таится лад, к которому мы стремимся, об этом и мыслил Белов прежде всего.

Г.П. Парадовская сделала сообщение о вкладе В.И. Белова в дело изучения народной традиционной культуры. Глубоко проникая в стихию народной жизни, Белов выступает как фольклорист и этнограф, историк, писатель, философ, общественный деятель. Книга «Лад» помогает в популяризаторской деятельности современных фольклорных объединений, связанной с изучением и восстановлением народной традиционной культуры. Лад как собрание фольклорных и этнографических материалов о жизни деревни может способствовать реализации этой цели. Простым и доступным языком писатель комментирует многие непонятные молодому поколению забытые обычаи, фиксирует фольклорные тексты. Достоверность информации – результат опроса конкретных информаторов – жителей д. Тимониха, среди которых его мать Анфиса Ивановна, бабушка по отцу Александра Фоминична и жители соседних деревень.

Большое внимание писатель уделяет материальной культуре, профессиям, ремеслам, обращается к проблемам воспитания детей, организации жизни в семье. Подробно описан у В. Белова свадебный обряд, общинные действия во время различных праздников. Автор обращается к ритуалу и этикету русского застолья, которое во многом связано с идеей воссоединения за одним столом умерших предков и новых поколений потомков. Автором доклада были представлены аудио- и видеозаписи фольклорных текстов (частушек, приговоров, свадебных песен), исполненных жителями Харовского района. В планах Г.П. Парадовской – объединить собранные в ходе экспедиций материалы (предоставленные ВоГУ и Центром традиционной народной культуры г. Вологды) с фактами, изложенными В. Беловым в книге «Лад», «распеть» те обряды, которые были зафиксированы в деревнях в разное время, и представить эту работу в виде документального фильма как своеобразного приложения к очерку Белова «Лад». Г.П. Парадовская выразила надежду, что этот уникальный материал станет частью духовной жизни многих поколений.

А.Е. Новиков обратил внимание на то, что у фольклорных объединений Вологды есть единомышленники. Например, государственный ансамбль Русский Север, ансамбль «Череповец», которые не только возрождают народные песенные традиции, но и интегрируют их в современное искусство (рок-музыку, например), фольклорные театры («Этно», Санкт-Петербург) в интерактивной форме приобщают людей разных возрастов к русским обрядам.

И.А. Поздняков, развивая мысль участников семинара об умирании русской деревни, выразил мнение о том, что будущее, по-видимому, за крупными селами, в которых сосредоточена и экономическая, и социальная, и культурная жизнь. И нужно сделать так, чтобы традиции «лада», описанные Беловым, были переданы современному селу, ведь они средоточие мудрости народа, за ними будущее русского человека.

Профессор И.О. Шайтанов выделил еще один аспект в этой теме. На примере профессоров Оксфорд-

ского университета, ведущих не только научную работу, но и фермерскую деятельность, показал возможность восстановления деревни совместными усилиями жителей города и села. Это касается также сохранения и возрождения фольклора. Доктор филол. наук, профессор Московского государственного областного университета О.В. Никитин на личном примере показал, что приобщение к земле городского жителя (ученого-интеллигента) во многом позволяет понять сложности крестьянского труда. Наблюдения в ходе диалектологической экспедиции позволили оценить красоту и богатство народной речи. В то же время Олег Викторович, вспоминая разговор с жителем тарногской деревни, демонстрирует причины ухода молодежи из села: низкая оплата труда, обман со стороны работодателя и отсутствие социальной защищенности. О.В. Никитин считает, что каждому человеку независимо от его социального положения нужно побывать в таких экспедициях, чтобы увидеть настоящую жизнь, начать думать о людях, почувствовать себя русским человеком и научиться понимать людей так, как понимал их В.И. Белов.

В.Я. Иванова в своем докладе рассказала о первых детских впечатлениях В. Белова и В. Распутина о мире, зафиксированных в автобиографических очерках писателей. Это своего рода подведение итогов в произведениях В. Распутина «Откуда есть пошли мои книги», «Вопросы, вопросы» и В. Белова «Невозвратные годы». В.Я. Иванова сопоставляет восприятие мира двумя писателями, обращает внимание на сходство образов, которые пронизывают все творчество В. Белова и В. Распутина. Авторы объединяет единение с природой, родство с миром, гармония, восхищение красотой родного края. Хранительная сила материнства (основа прозы обоих писателей) связана с образом родины, отсюда благодарное сыновнее отношение к природе, земле, желание обустроить и укрепить «родной дом». Отражение этого мотива укрепления дома, созидания мира мы находим и в книге «Лад», и в «Плотницких рассказах» В.И. Белова. Отличительной чертой мироощущения В. Распутина является созерцательное отношение к природе, взгляд вглубь, в тайну природы, а потому стихия Распутина – вода, у Белова же восприятие мира ребенком происходит через действие, это восхождение вверх, от земли к небу. И то и другое не выходит за рамки нашей национальной картины мира.

А.Ю. Большакова отметила, что раскрытие данной темы могло бы быть расширено за счет привлечения целого ряда произведений В.П. Астафьева.

Подводя итоги семинара, А.Е. Новиков подчеркнул актуальность книги «Лад» и в наши дни, она, как и повесть «Привычное дело» [1], могла бы стать интересным материалом для создания энциклопедии. С.Ю. Баранов отметил, что наполнение категории «лад» имеет значение и для понимания того, что такое Белов и литература в целом. Перспективным направлением исследований могла бы стать реконструкция этой категории. Знание людей, причастных к миру деревни, литературно оформлено В. Беловым, и в этом, несомненно, его заслуга. Рассмотрение Беловского лада как цели искусства (вслед за А.С. Пушкиным) заслуживает специального осмысления. Кате-

гория «лад», по-видимому, не ограничивается только этой книгой, она рассредоточена по всему творчеству писателя. Интересен для изучения и вопрос соотношения концептов «лад» и «привычное дело» не только в произведениях Белова, но и в русской литературе и культуре.

А.В. Петров напомнил и о другом восприятии книги «Лад», представив мнение Ф.А. Абрамова, не принявшего для себя это произведение В. Белова. Расхождение писателей связано с пониманием «гармонии» крестьянской жизни». По мнению Абрамова, народ, как и сама жизнь, противоречив и не идеален. Современные писатели продолжают переосмысливать эту категорию, поэтому тема имеет перспективу для дальнейших размышлений и исследований.

Участники дискуссии оценили значимость обсуждаемых на семинаре вопросов, определили перспективы дальнейшего изучения обозначенных в рамках конференции проблем, поддержали идею научного рассмотрения книги «Лад» как литературного произведения, методического осмысления этого текста в

процессе преподавания истории литературы и культуры. Проведенный семинар, несомненно, дает новый импульс для изучения творчества В.И. Белова.

Литература

1. Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова / С. Ю. Баранов, Л. А. Берсенева, Т. Н. Воронина [и др.]. – Вологда : Полиграф-периодика, 2021. – 655 с.
2. Большакова, А. Ю. Крестьянство в русской литературе XVIII–XX вв. : пособие для педагогов / А. Ю. Большакова. – Москва : Российская академия образования, 2004. – 415 с.
3. Большакова, А. Ю. Русская деревенская проза XX века: код прочтения / А. Ю. Большакова. – Шумен : АКЦИОС, 2002. – 160 с.
4. Головкина, С. Х. Всероссийский научный литературный семинар «Повесть В. И. Белова “Привычное дело” в современном прочтении» / С. Х. Головкина, А. В. Федорова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2021. – № 4 (23). – С. 101–104.
5. Шайтанов, И. О. Русское интервью Исая Берлина / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2000. – № 5. – С. 127–167.

T.N. Voronina, S.H. Golovkina

ALL-RUSSIAN LITERARY SEMINAR: HARMONY AS AN IMAGE OF THE NATIONAL WORLDVIEW IN V. BELOV'S WORKS

The article presents an overview of a literary seminar dedicated to understanding the category of «harmony» in V. Belov's works. The ideological foundations of the writer's literary work, their connection with the system of values of Russian people, Belov's contribution to the study of folk traditional culture of the Vologda region, the creative community of V. Belov and V. Rasputin were discussed at the meeting.

Vasily Belov, Valentin Rasputin, village prose, harmony, national worldview, traditional folk culture.

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НИКОЛАЙ РУБЦОВ НА ТОТЕМСКОЙ ЗЕМЛЕ /
[авторы основного текста и составители: Г.А. Мартюкова, А.М. Новосёлов];
ВРО ОДОО МАН «Интеллект будущего», Тотемское музейное объединение.
Вологда: Древности Севера, 2021. 503 с.**

Рецензия посвящена региональному изданию, которым вправе гордиться тотмичи, вологжане, россияне. Маргарита Шананина со школьниками бережно собирали воспоминания всех, знавших Николая Рубцова, и накопленное на протяжении десятилетий не кануло в Лету, как это часто бывает, а обрело достойное завершение трудами Галины Мартюковой и Алексея Новоселова, авторов основного текста и составителей книги.

Николай Рубцов, Тотма, воспоминания, контекст.

Систематически и целенаправленно изучать биографию и творчество Рубцова на Тотемской земле начала Маргарита Афанасьевна Шананина (р. 1938), учительница русского языка и литературы Тотемской средней школы № 1. Она училась в Тотемском педагогическом училище (с никольскими детдомовцами из числа воспитывавшихся с Рубцовым, но на два курса младше), затем в Вологодском педагогическом институте на историко-филологическом факультете. В 1968 г. начала работать в школе и для факультатива выбрала литературное краеведение. На слуху были Белов, Яшин, Романов, Фокина, Орлов, Викулов. Несколько раз пересекалась с Рубцовым – в Тотме и в Вологде, слышала его чтение, но ни он, ни стихи ей не запомнились. Целенаправленно исследованием жизненного и творческого пути поэта Шананина стала заниматься через пару лет после его смерти. Обратилась в Вологодскую писательскую организацию – и Виктор Коротаев посоветовал начать с изучения детдомовского периода жизни. В работу включились старшеклассники. Переписка тогда тянулась годами и десятилетиями. Получали до пяти-шести писем в день. Приезжали любившие Рубцова. Постепенно школьный кабинет разросся до масштабов настоящего «литературно-краеведческого комплекса» (с. 408).

Любопытно свидетельство Николая Коняева – будущего автора книги о Рубцове в серии «ЖЗЛ». Вчерне завершив книгу, он решил съездить на родину героя: «...ехал я, во-первых, для того, чтобы не отвлекаться на другую работу, а во-вторых, так сказать, для протокола, чтобы рассказывать потом, дескать, как же, как же... бывал и я там...» (с. 417). В музее школы обнаружил столько новых материалов, «что под этой тяжестью рухнул весь продуманный в Питере “протокол”» (Там же). Стало понятно, что работу, которую он считал сделанной, предстояло начать заново.

В 1993 г. М.А. Шананина вышла на пенсию (после этого системность работы школьного музея нарушилась, но сотрудники Тотемского музейного объединения успели сделать копии с собранных материалов). Шананина, человек скромный, не любящий ин-

тервью, по-прежнему принимает гостей и никогда не акцентирует, что многие исследователи публиковали полученные материалы без ссылок на их архив.

А.М. Новосёлов

Рецензируемое литературно-художественное издание, отдавая ей должное, представило страницы пребывания Николая Рубцова на Тотемской земле. В центре – воспоминания: воспитателей, пионервожатых, учителей, детдомовцев и учеников школы, преподавателей техникума, друзей, гражданской жены, дочери. Авторами основного текста и составителями этого большеформатного (22х29 см) объемного (63 усл. печ. л.) издания являются Галина Алексеевна Мартюкова, заведующая мемориальным музеем Рубцова, и Алексей Михайлович Новоселов, директор Тотемского музейного объединения. Их профессионализм – в гармонии с творчеством Рубцова. Функционален прекрасный изобразительный ряд: в книге – сотни документальных и художественных фотографий, копий документов, снимков музейных реликвий,

засушенные осенние листья и цветы, которые непроизвольно трогаешь, не живые ли. Верю, каждый открывает в книге свое. Я с удовольствием следила за обстоятельствами создания стихотворений. Валентина Тугаринова записала рассказ мамы (жили они неподалеку от Геты и Николая). У них в огороде косили траву. «Рубцов подошел, увидел скошенные, растущие в междутравье анютины глазки, взял их в ладони и спросил у мамы: “Как называются эти цветы?” Потом долго стоял, задумавшись, а мама подумала тогда: “И что это с ним, эка невидаль...”» (с. 287).

*По утрам умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: – А как назывались? –*

*И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались – «анютины глазки».*

Подчас строки и контексты воспоминаний разных людей расходятся. Генриетта Меньшикова, гражданская жена Рубцова, отмечала, что он очень боялся грозы. Галина Мартюкова зафиксировала ее рассказ, как однажды гроза началась, когда Рубцов ушел в лес. Оставив там корзинку, он бежал от грозы домой.

*Поток вскипел
И будто сразу прибыл!
По небесам, сверкая там и тут,
Гремело так, что каменные глыбы,
Вот-вот, казалось, с неба упадут!*

Сергею Багрову запомнилась другая гроза – в летний вечер, когда он ночевал у Рубцова в пахнущем сеном сарае и Николай еще не ушел в дом. К ним, «несмотря на молнии, ливень и гром, скрипя ступеньками лестницы, поднялся» зоотехник, донимавший Рубцова частушками (с. 304). Рубцов, раздраженный рифмоплетством, предложил ему написать о переживаемой грозе, подняв палец «в сторону крыши, по которой хлестко постукивал ливень». Утром Рубцов спросил у Багрова, не хочет ли он снова услышать грозу. «Я кивнул, и Рубцов, усевшись на потолочную балку, закурил сигарету и, помогая голосу, разрубил ладонью светлеющий воздух:

*Поток вскипел
и как-то сразу прибыл!
По небесам, сверкая там и тут,
Гремело так, что каменные глыбы,
Вот-вот, казалось,
с неба упадут!
И вдруг я встретил
Рухнувшие липы,
Как будто, хоть не видел их никто,
И впрямь упали каменные глыбы
И сокрушили липы...
А за что?! (с. 304–305)*

Варианты разнятся: *и будто сразу прибыл; и как-то сразу прибыл*, но за приращениями смыслов инте-

ресно наблюдать благодаря пережитому каждым из рассказчиков.

Первый из трех разделов книги – «Тотемская земля в судьбе и творчестве Николая Рубцова»: с 1943 г., когда он мальчиком прибыл на пристань деревни Черепаниха, и до последнего приезда в Тотьму в 1970 г. Особенно подробно восстановлен детдомовский период жизни в селе Никольское. Некоторые писали развернуто, например, у Анатолия Мартюкова, друга Рубцова, – несколько разделов: «Детдом на берегу», «Чувство песни», «Воскресные цветы», «Помню Анну Георгиевну», «Первая учительница», «Вешние воды», «Коля Рубцов – примерный ученик». У других, как у Генриетты Меньшиковой (Шамаховой), – все предельно кратко. Узнаем многое, вплоть до прозвищ: «У Коли Рубцова было даже не одно: “Рубец” (по фамилии), “Шарфик” (потому, что любил шарф носить) и “Подлиза” (к Коле хорошо относились воспитатели – и это не могли не замечать сверстники)» (с. 38). Подлизой он, конечно, не был: хорошо учился, старался всем помочь, стремился к прекрасному, отличаясь чувствительностью и нежностью. Перед сном им иногда что-то рассказывали, и Галина Гаричева (Матвеева) записала: «Коля любил, чтобы я садилась именно возле его кровати и при рассказе держала его руку в своей руке. Я уступала его желанию, стараясь хотя бы этим подарить ему немножко тепла и нежности, так недостающих всем нам в те годы. Когда я желала ребятам спокойной ночи, вставала и уходила спать, кто-нибудь из мальчишек бросал мне ревностно: “Гаричева, а тебя Рубцов любит!”. Я поворачивалась и говорила, что я их всех люблю» (с. 141).

Учился Рубцов хорошо, и после окончания семи классов право выбора при распределении для продолжения учебы дали только ему. Поступить в Рижское морское училище не удалось (двух сантиметров роста не хватило) – пришлось возвращаться. «“Там такой горох не берут!” – сказал он и срезал с мостовой свои инициалы со злостью» (перед отъездом вырезал их на мостках, возле детского дома, крупными буквами – думал, что уезжает навсегда) (с. 149).

Впереди у него был Тотемский лесотехнический техникум (1950–1952), Кировский горно-химический (1953–1955), служба на флоте (1955–1959). По словам флотского друга Валентина Сафонова, «служба и творчество шли параллельными курсами» (с. 225). Дальше – Ленинград: Кировский завод, литературное объединение «Нарвская застава», вечерняя школа, которую окончит 21 июня 1962 г., а 13 июля выйдет его сборник стихов «Волны и скалы» (38 стихотворений).

Авторов рецензируемой книги закономерно интересует центральная тема: когда Рубцов приезжал в эти и последующие годы в Никольское и Тотьму, с кем встречался, что писал. Процитирую из рассказа Владимира Аносова о зиме 1964 г., когда он сам (тогда студент), Рубцов (учился в Литинституте) и другие собирались на каникулах: «Многие из нас не понимали стихов, и Коля пытался увлечь нас, привить любовь к стихам, причем своих стихов он не читал, а чаще всего брал гармонь или гитару и под ее аккомпанемент свои стихи преображал в песню. Впоследствии, многие из песен прижились в нашем селе, и вечерами можно было услышать их в исполнении мо-

их сверстников. Например, мы пели песни на такие стихи, как “В горнице”, “Прощальная песня”, “Осенняя песня”, “Элегия»» (с. 268). Поведал Владимир Аносов и об ответе Рубцова при выборе, как отправиться из Тотьмы в Вологду – на самолете или на автобусе: «Ну что ты, на самолете не интересно, ничего не увидишь и не услышишь» (с. 268). О его способности видеть и слышать рассказывали многие.

Станислав Куняев вспоминал о Рубцове в годы студенчества, когда тот тридцать километров от Усть-Толшмы до Николы шел пешком: «Бывало, что редкий грузовик догонит студента. Он садится и едет дальше, радуясь, что отдыхает усталое тело, и в то же время смутно понимая, что теряет нечто, не успевая взглянуть в небо, надышаться ветром, распахнуть душу воле, синеве, зеленому простору. А потому, не доезжая несколько километров до родного села, просит удивленного шофера притормозить и выходит из кабины...» (с. 276). Дорогой Рубцова интересовались давно, и осенью 2019 г. был реализован совместный проект (Никольской школы и музея Рубцова) «Старая дорога», в ходе которого установили восемь указателей с названиями примечательных мест на участке от местечка Борок до Никольского – последние три километра пути.

Пронзительны письма. В 1964 г. готовится к печати книга «Лирика» (в то время рабочее название «Вьюга») – идет переписка с Архангельским издательством. Это общение доставляло поэту много огорчений. Из письма Рубцова руководителю семинара в Литинституте Н.Н. Сидоренко: «...даже стихотворение “В горнице моей светло” почему-то выбрасывают. Жаль. Но что же делать? Останутся в книжке стихи мои самые давние, мной самым давно позабытые. Хорошо, что оставили стихотворение “Тихая моя родина”» (с. 285); «Вообще, зачем это сидят там, в институте, некоторые “главные” люди, которые совершенно не любят поэзию, а, значит, не понимают и не любят поэтов. С ними даже как-то странно говорить о стихах (это в Литературном-то институте!). Они все время говорили со мной, например, только о том, почему я выпил, почему меня вывели откуда-то, почему и т.п., как будто это главное в моей жизни. Они ничего не понимают, а я все объяснял, объяснял, объяснял...» (Там же).

Тонкость чувствования подчеркивали все знавшие его. Из воспоминаний Людмилы Залесской: «Рубцов был очень ранимый, очень боялся, что над ним будут смеяться. Он был не от мира сего. В школе встреча выпускников была, пригласили и Рубцова. Обещал, но не пришел. Потом увидела, спрашиваю: “Почему не пришел?” – “Вдохновения не было”» (с. 286).

К Рубцову, согласно друзьям, люди тянулись: он открывал им другой мир. Сергей Багров рассказал, как любил приезжать к Рубцову, и тот предлагал ему на выбор кровать, раскладушку, русскую печь. Сергей предпочитал сарай, «где было сумрачно и просторно, шуршало сено под головой и пахло подкошенными цветами» (с. 303). Туда приходили отпускники и местные. «Всем хотелось послушать Рубцова, да и самим вступить в разговор, который тем, пожалуй, и был интересен, что мог идти обо всем. Кое-кто из ребят был готов причислить себя к легиону поэтов, и

потому приносил с собой записную книжку или тетрадку, куда были выписаны стихи. Каждому льстило узнать объективное мнение Николая. Наш сарай превращался в читальный зал. Слышались строфы стихов, нервные выкрики, резкие споры. Анархии не было никогда: Рубцов после каждого, кто читал, приводил на память стихи поэтов минувшего века, и этим самым давал нам возможность сопоставить поэзию Пушкина, Тютчева, Лермонтова и Фета с теми стихами, которые здесь выносились на суд. Преимущество классиков было наглядным, и спор моментально ослабевал. Расходились ребята всегда неохотно, – словно здесь, на сарае еще продолжался удавшийся вечер, а там, куда им предстояло уйти – однообразная скучная ночь, после которой – такое же скучное утро» (с. 303–304).

Между тем ощущение Рубцовым родного места менялось – не к лучшему: «Хиреют деревни. Вот и Никола. Чувствую я ее, как человека перед болезнью» (с. 307). Сергей Багров тогда не понял – переспросил: «Она же красива?» Рубцов объяснил: «Красива снаружи, да и то лишь в хорошее время года. А могла бы красивой быть постоянно. Вся беда, что в ее красоте нет возвышенной силы. Где церковь? Где веселые праздники? Где необычные люди? Но главное: в ней оскудела душа. Измельчал человек, и стало вокруг уныло и грустно. Боюсь, что сбегу отсюда. Вероятно, в Сибирь, где еще русское не исчезло» (Там же).

Трагичны рассказы Елены Рубцовой и Генриетты Меньшиковой о последней встрече с Рубцовым. Воспоминания Генриетты касаются сентября 1970 г., когда она из Тотьмы возвращалась в Никольское, Рубцов – в Вологду: «С большим скандалом купил на меня билет в каюту (до нашей пристани ехать было недолго, и поэтому билеты в каюту нам не давали). Я боялась идти с ним в каюту, но когда увидела билеты – место второе и третье, значит, кто-то едет еще, успокоилась. Ехала там бабушка. Сидели, разговаривали. Он сказал, что хорошо бы, если бы у нас был сын, Коля, и чтобы фамилия его была Рубцов. Я все прекрасно поняла, но в Николу его не пригласила...

В два часа ночи наша пристань, мы сошли с парохода. Он в это время спал. Больше я его живым не видела» (с. 393).

В книге есть свидетельство, что в последний месяц жизни (думается, и не только) Генриетта Михайловна часто вспоминала Рубцова, читала его стихи и однажды сказала: «Я вот все думаю, что бы мне тогда на пароходе позвать его в Николу. Он бы поехал. Может быть, тогда он остался бы жив» (с. 403). Незадолго до ухода она приняла крещение с именем Ксения. Умерла 17 февраля 2002 г.

Отрадно звучит последняя глава первого раздела о том, как продолжается род Рубцовых.

Второй раздел – о памяти: школьном музее в Тотьме, памятнике Рубцову Вячеслава Клыкова, библиотеке имени Н.М. Рубцова в Тотьме и ее филиале в Николу, мемориальном музее в Никольском, мемориальной коллекции рубцовских материалов в фондах Тотемского музейного объединения и др.

Третий раздел представляет scrupulously собранные адреса, связанные с Рубцовым в Тотьме, Никольском, селе Красном, деревне Аникин Починок и

др. Состояние домов различное. У родового дома Генриетты Меньшиковой, где Рубцов неоднократно бывал и гостил, в 2015 г. обвалилась крыша, и ныне дом восстановлению не подлежит. А вот Никольский Дом культуры был капитально отреставрирован в 2021 г.

Читая послесловие, хочется пожелать тотмичам, проделавшим огромную работу, ценность которой невозможно переоценить, создания Государственного музея-заповедника Николая Рубцова.

L.V. Egorova

**BOOK REVIEW: NIKOLAY RUBTSOV AND TOTMA LAND /
[authors of the main text and compilers: G. A. Martyukova, A. M. Novoselov];
«Intellect of the future», Totma Museum Association.
Vologda, 2021. 503 p.**

The review is devoted to a regional publication, Totma, Vologda, Russia have the right to be proud of. The reminiscences of everyone who knew Nikolay Rubtsov, carefully collected by Margarita Shananina during her life, did not sink into oblivion but found a worthy completion through the works of Galina Martyukova and Alexey Novoselov, the authors of the main text and the compilers of the reviewed book.

Nikolai Rubtsov, Totma, reminiscences, context.

Г.В. Судаков
Вологодский государственный университет

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РЕГИОНА: ТРАДИЦИИ, ОПЫТ, НОВАЦИИ

В обзоре сообщается о состоявшихся в Вологодском институте развития образования научно-педагогических чтениях, посвященных памяти профессора В.В. Судакова, который был ректором Вологодского государственного педагогического института, а затем ректором Вологодского института развития образования.

Педагогические науки, педагогические инновации, анализ и пропаганда опыта.

Педагогические чтения на эту тему прошли 30 сентября в Вологодском институте развития образования. Мероприятие посвящено памяти профессора, доктора педагогических наук Валерия Васильевича Судакова (1942–2014), которому в эти дни исполнилось бы 80 лет.

В.В. Судаков – кандидат философских наук и доктор педагогических наук, удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры РФ». Он длительное время был ректором Вологодского педагогического института, затем – ректором Вологодского института развития образования. Вологжанам он известен и как инициатор и главный редактор «Книги памяти». Благодаря ему именно в нашей области появилась первая в России «Книга памяти».

В этот раз Валерия Васильевича вспоминали ученые-педагоги и вологодские учителя. На пленарном заседании выступили с докладами нынешний ректор ВИРО И.А. Макарына, главный врач областного Центра общественного здоровья и медицинской профилактики кандидат педагогических наук Р.А. Касимов (с этим центром у ВИРО постоянная творческая связь), педагоги из Грязовца Т.А. Патракеева и Т.В. Петрова. «Сохраняя традиции, смотрим в будущее» – так назывался доклад директора Кадуйской средней школы № 1 имени В.В. Судакова. Президент областного клуба «Учитель года» сокольский учитель В.В. Вахрамеев рассказал об истории клуба, созданного по инициативе В.В. Судакова, и «педагогических десантах» этого клуба, проводимых в районах области. В программе пленарного заседания проведен мас-

тер-класс по патриотической тематике (учитель школы № 16 г. Вологды С.А. Семко).

Затем состоялись заседания трех тематических секций: «Опыт духовно-нравственного и патриотического воспитания на ценностной основе» (10 секционных докладов и 15 стендовых), «Учет региональных особенностей Вологодского края в образовательном процессе» (10 секционных докладов и 13 стендовых), «Здоровьесберегающая деятельность в образовании и в семье» (10 секционных и 8 стендовых докладов). Члены клуба «Учитель года» провели отдельный круглый стол, посвященный развитию форм методической поддержки педагогов с участием членов клуба. Таким образом, более пятидесяти специалистов приняли в чтениях активное участие, а 36 представили свои педагогические размышления на стендах.

Материалы конференции будут опубликованы в электронном сборнике, в котором отдельным разделом будут опубликованы педагогические эссе участников ежегодного конкурса «За эффективное использование русского языка в профессиональной деятельности». Этот конкурс проводит Департамент образования при поддержке Законодательного собрания области.

Получился своеобразный фестиваль педагогических технологий, а именно такую форму пропаганды педагогических новаций и проповедовал Валерий Васильевич. Вологодский институт развития образования хранит и развивает традиции ради активного и эффективного ответа на вызовы времени.

G.V. Sudakov

MODERN EDUCATION IN THE REGION: TRADITIONS, EXPERIENCE, INNOVATIONS

G.V. Sudakov tells about the educational research conference held in Vologda Institute of Education Development to commemorate Professor V.V. Sudakov who was Rector of Vologda State Pedagogical Institute and then Rector of Vologda Institute of Education Development.

Pedagogical science, educational innovations, analysis and popularization of experience.

ЮБИЛЕИ

УДК 929.5

В.А. Саблин, М.С. Черкасова
Вологодский государственный университет

ЮБИЛЕЙ ИЗВЕСТНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ Д.А. ПШЕНИЦЫНА

Статья посвящена 50-летию юбилею выпускника исторического факультета ВГПУ, соучредителя Вологодского городского генеалогического общества (ВГГО), действительного члена Вологодского Союза писателей-краеведов, руководителя Отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Свѣточъ», участника 33 всероссийских, региональных и международных научных конференций, автора свыше 100 научных трудов, в том числе 53 книг и 40 статей, известного специалиста в области исторической генеалогии.

Провинциология, Российская генеалогическая федерация, родословия, пресс-секретарь Президента РФ, историческая демография.

В апреле 2022 г. свой юбилей отметил Дмитрий Александрович Пшеницын – известный вологодский краевед, руководитель Отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Свѣточъ», действительный член Вологодского Союза писателей-краеведов, член Международного научно-творческого объединения «Родимая земля» им. Н.М. Рубцова (г. Череповец).

Редколлегия «Вестника Вологодского государственного университета. Серия «Исторические и филологические науки» сердечно поздравляет Дмитрия Александровича, автора многочисленных разноплановых публикаций, в том числе и увидевших свет на страницах нашего журнала. В этой связи хотелось бы коротко охарактеризовать его жизненный и трудовой путь, научный опыт – все это выглядит отнюдь не легким и весьма поучительным.

Д.А. Пшеницын родился 26 апреля 1972 г. в д. Мокрынино Перцевского сельсовета Грязовецкого района Вологодской области РСФСР. В 1990 г. закончил Череповецкую общеобразовательную школу-интернат

№ 2. Тогда же началась и его трудовая деятельность. Он освоил многие рабочие профессии: помощника вальщика в Белозерском леспромхозе, автоматчика холодновысадочных автоматов 5 разряда на Череповецком сталепрокатном заводе, столяра-плотника 4-го разряда в Грязовецкой межхозяйственной передвижной механизированной колонне, в акционерном обществе закрытого типа племзавод «Заря» Грязовецкого района полевода, слесаря на ферме, животновода и пастуха. Приходилось ему работать в одном из частных предприятий г. Вологды охранником, сторожем, экспедитором, бухгалтером, продавцом мобильных аппаратов и даже непродолжительное время генеральным директором.

Все это время Д.А. Пшеницын не оставлял интерес к изучению истории родного края, с юных лет привитый ему учителями и старшими наставниками. Особую благодарность Дмитрий Александрович хранит в своей душе и памяти о замечательном учителе истории в 4–8 классах Римме Александровне Кузнецовой. Затем в 9–11 классах его учителями были известный в настоящее время череповецкий историк и филолог Евгений Васильевич Шалашов и Юрий Николаевич Анискин. В дальнейшем Пшеницыну удалось установить даже дальние родственные и земляческие связи с Е.В. Шалашовым. Благодаря их мудрым советам и неутомимой поддержке Пшеницын сделал решающий для себя выбор будущей профессии и профиля научно-краеведческой деятельности. И на избранном пути его прежняя работоспособность, скромность в быту, ответственное отношение ко взятому делу удачно соединились с большим познавательным интересом к истории, несомненными творческими способностями.

В 1992 г. он поступил на исторический факультет Вологодского государственного педагогического инс-

титута, а в 1997 г. окончил его с присвоением квалификации – «Учитель истории, социально-экономических и политических дисциплин». На формирование его исторических знаний и научного мировоззрения, практических навыков исследовательской работы в университете повлияли такие незаурядные преподаватели и настоящие знатоки своего дела, как Ю.С. Васильев, М.В. Васильева, А.В. Камкин, Ф.Я. Коновалов, А.А. Микешин, В.А. Саблин.

С 1997 г. Д.А. Пшеницын приступает к изучению истории Вологодского края, прежде всего на основе широкомасштабной разработки источниковой базы в федеральных и региональных архивах страны (РГАДА (Москва), РГИА (Санкт-Петербург), ГААО (Архангельск), ГАВО (Вологда), ГАЯО (Ярославль), ВУЦА (Великий Устюг) и др.). Им были также освоены фонды ряда рукописных отделов в музеях-заповедниках Вологды, Тотьмы, Великого Устюга. В 2007 г. в дни пребывания в РГАДА он невольно оказался слушателем на XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков», посвященной 100-летию со дня рождения нашего выдающегося земляка и организатора науки профессора П.А. Колесникова. На конференции произошло его знакомство с доктором исторических наук М.С. Черкасовой, которая заметила его тягу к знаниям и предложила поучаствовать в последующей конференции, запланированной в г. Кириллове. Данное предложение, по сути, явилось для него путевкой в мир «большой науки».

Так Д.А. Пшеницын стал участником четырех научных конференций, посвященных проблемам изучения и издания писцовых книг и других массовых источников по истории России XVI – начала XX в. – в Кириллове (2009 г.), Каргополе (2011 г.), Санкт-Петербурге (2015 г.) и Ярославле (2021 г.). В сентябре 2018 г. он выступил с секционным докладом в рамках XXXVI-й сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоявшейся в г. Брянске.

С 2007 г. Пшеницын состоит действительным членом Вологодского Союза писателей-краеведов. 23 марта 2009 г. стал соучредителем (вместе с руководителем фотоклуба «Северянин» Л.В. Стариковым) Вологодского городского генеалогического общества (ВГТО). С 2010 г. он вместе с заведующей Отделом редкой книги Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. Н.В. Бабушкина Н.Н. Фарутиной – организаторы работы краеведческого клуба «Генеалогические консультации», заседания которого в настоящее время проводятся 2 раза в месяц. Многочисленные участники этого научно-просветительского собрания всегда с благодарностью принимают профессиональные и, вместе с тем, доходчивые консультации Д.А. Пшеницына, касающиеся практической методики и правил составления генеалогических таблиц и поколенных росписей вологжан и других жителей нашего города и области. Просветительское значение имело его сотрудничество с музеем «Домик Петра», в котором им в 2019–2021 гг. было проведено несколько научно-популярных бесед и лекций для школьников по истории Вологодского края в Петровскую эпоху, по истории Северной войны и др. Глубокие источниковедческие и архивоведческие изыскания Д.А. Пше-

ницына, публикации им множества исторических источников – все это дало основание включить его в число наиболее активных и продуктивно работающих членов Северного отделения Археографической комиссии РАН.

С весны 2015 г. началось плодотворное сотрудничество Д.А. Пшеницына с красноборским историком и краеведом В.В. Копытковым (выпускником исторического факультета ВоГУ и учеником А.В. Камкина). По предложению Василия Викентьевича Пшеницын вступает в научно-просветительскую организацию – Культурно-исторический центр «Свѣточъ». С 21 января 2018 г. Пшеницын возглавляет в нем Отдел генеалогических исследований. С 12 декабря 2019 г. Пшеницын – член Российской генеалогической федерации. В 2021 г. становится членом Международного научно-творческого объединения «Родимая земля» им. Н.М. Рубцова (г. Череповец).

За свою научную деятельность он имеет следующие общественные награды: 21 декабря 2012 г. Советом Российской генеалогической федерации (РГФ) награжден медалью 2-й степени «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин»; 12 апреля 2013 г. медалью «80 лет со дня рождения летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза П.И. Беляева»; 6 сентября 2019 г. региональной общественной медалью Вологодской области «Николай Рубцов»; 12 декабря 2019 г. по представлению Культурно-исторического центра «Свѣточъ» (г. Дубна Московской обл.) решением Совета РГФ награжден медалью 1-й степени «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин». 15 октября 2020 г. стал лауреатом диплома IX областного конкурса «Вологодская книга года – 2019», который вручил Вологодский научный центр Российской академии наук. 19 декабря 2021 г. ему вручен золотой знак «Свѣточъ» от Культурно-исторического центра «Свѣточъ». 14 февраля 2022 г. решением Научного совета Культурно-исторического центра «Свѣточъ» награжден общественной медалью «За вклад в историческую науку и культуру».

Свой юбилей Д.А. Пшеницын встречает весьма впечатляющими результатами. Он является автором свыше 100 научных трудов, в том числе 53 книг и 40 статей. Основные направления его творчества разнообразны. Особенно важна неустанно проводимая им трудоемкая архивоведческая и источниковедческая разработка огромного массива новой архивной документации XVII–XIX вв. Широка проблематика и хронология его работ: это историческое краеведение, историческая генеалогия крестьянских родов Русского Севера, вопросы исторической демографии и географии, история водно-волоковых путей на севере, народное образование на севере, вопросы военной истории – история рекрутских наборов в русскую армию XIX – начала XX вв., источниковедческая разработка послужных и формулярных списков 1874–1914 гг., история северного церковно-приходского летописания XIX – начала XX вв.

Д.А. Пшеницын за последние 15 лет был участником 33 всероссийских, региональных и международных научных конференций (г. Грязовец, г. Вологда, селение имени Бабушкина, село Нюксеница, село Кичменгский Городок, г. Кириллов, г. Никольск, г. Тотьма

Вологодской обл., пос. Октябрьский Архангельской обл., г. Брянск, г. Каргополь, г. Котлас, г. Москва, г. Ростов Великий, г. Санкт-Петербург, г. Ярославль). Статьи Дмитрия Александровича выходили и выходят, кроме Вестника ВоГУ, в таких известных журналах, как «Российская история», «Вестник церковной истории», «Вестник Екатеринбургской духовной семинарии», «Вестник Вологодской духовной семинарии», «Вестник Волгоградского университета», «Генеалогический вестник», «Известия Русского Севера»; продолжающихся музейных сборниках – «История и культура Ростовской земли», «Вестник Котласского краеведческого музея», «Заволочье» (сборник Устьянского музея), «Кичменгский край» (Кичменгский Городок), «Русский Север» (Тотьма), «Двинская земля» (Котлас) и др. Дмитрий Александрович – активный участник проводимых в последние годы научных чтений – Савеловских, Воротынских, Некрасовских, Проничевских, Глубоковских, Стефановских, Романовских (Москва – Вологда – Грязовец – Кичменгский Городок – Тотьма – Котлас – Устьянский музей).

Особо активный и продуктивный участок его научных изысканий, исполняемый с неизменным профессионализмом, – это, конечно, историческая генеалогия. Глубина памяти создаваемых таким образом росписей и очерков по комплексу разнообразных источников нередко восходит к XVI–XVII вв., а доводится до первой четверти XXI в., буквально до наших дней, охватывая подчас по 12–15 поколений. История нашей огромной страны на протяжении многих веков, по сути, рассматривается на микроуровне, через призму конкретных человеческих судеб. Перед читателями предстает живая цепочка последовательно сменявшихся друг друга поколений крестьян, посадских людей, рабочих, военных, представителей духовенства, литературной, научной и художественной интеллигенции в координатах истории семьи – рода – малой группы, в индивидуальных и коллективных практиках повседневной жизни. Целые исторические эпохи проходят перед нашими глазами: вот средневековая Русь, а вот императорская Россия, а вот советская эпоха, две великие войны XX в., а вот и современность с ее проблемами и противоречиями.

Пишет автор так, что все это согрето человеческой теплотой и сопереживанием, несколько не снижая научного, прежде всего источниковедческого, уровня своих очерков. Все его работы историографичны и фундированы, со множеством ссылок на научную литературу и источники в подстрочниках, с обширными библиографическими списками в конце брошюр и книг. В результате перед нами – отнюдь не облегченное, «узкое краеведение», а представленная автором-профессиональным историком востребованная в современном гуманитарном знании локальная, микро- и региональная история, а еще историческая антропология, как бы ни называть практикуемые Д.А. Пшеницыным исследовательские стратегии, независимо от того, как они осознаются им самим и его читателями.

Важно еще и постоянное пристальное внимание автора к истории того, что именуется «малая родина», – городов, поселков, волостей, сел и деревень, где рож-

дались, проживали свою жизнь, трудились и уходили в мир иной описываемые им люди. Этому тоже нашлось название в современном научном дискурсе – Память места. А это связано и с историей традиционных крестьянских сообществ – мира-общины, церковного прихода, трудовых и профессиональных ассоциаций разного уровня. И все указанное – в тесной привязке к конкретному локусу, конкретному месту действия, его природе, историко-культурному ландшафту, естественной и рукотворной среде обитания. Отсюда и характерные для большинства его работ названия: село или волость такая-то и далее – диалекты крестьян таких-то.

Отметим также, что многочисленные издания Д.А. Пшеницына, обращенные к широкой читательской аудитории, почти всегда красочно оформлены – это карто-схемы, размещенные в интернете съемки малых пространств из космоса, цветные фото отдельных чертежей и карт Генерального межевания, ордена и знаки отличия, черно-белые и цветные фотокопии архивных документов, различные картины, рисунки и иллюстрации. Самое же дорогое – это лица живых людей на фотографиях конца XIX – начала XX в. Человек в разные периоды его жизни, человек от рождения до смерти, взятый индивидуально и в кругу родни, коллег по работе, человек в труде и отдыхе, среди каждодневного набора вещей, предметов, в парадной и обычной одежде, на празднике и в простой день... Прадед – дед – отец – сын – внук – правнук... Мужчина – женщина – ребенок... Все есть на этих драгоценных фотографиях из семейных архивов, бережно хранящихся у потомков и доверяемых историку-генеалогу Д.А. Пшеницыну, который соприкасается с судьбами десятков-сотен семей.

Им составлено свыше 1000 родословных Русского Севера. Среди героев и персонажей родословных такие знаменитые уроженцы Вологодского края, как адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, маршал Советского Союза И.С. Конев (выступление с докладом на II Всероссийской научно-практической конференции «Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков» 10–12 сентября 2021 г. с дальнейшей публикацией в сборнике в 2022 г.), генерал армии, Герой Советского Союза М.И. Казаков, космонавт, Герой Советского Союза П.И. Беляев, социолог и философ Питирим Сорокин, писатель А.Я. Яшин, поэт Н.М. Рубцов, писатель В.Т. Шаламов, доктор исторических наук А.В. Камкин (выступление с докладом на III Всероссийской (с международным участием) научной конференции Камкинские чтения 31 марта – 1 апреля 2022 г.), доктор исторических наук В.А. Саблин (здесь достоверно установленные исторические корни уходят к рубежу XV–XVI вв.), советский и российский деятель органов внутренних дел, депутат Законодательного собрания Вологодской области П.А. Горчаков, генерал-майор ФСБ В.В. Чурин, президент Вологодской торгово-промышленной палаты Г.Д. Телегина, пресс-секретарь Президента Российской Федерации В.В. Путина Д.С. Песков. В данное время занимается сбором и анализом материалов для научного труда «Живой словарь Вологодских прозваний, родов и фамилий XVI–XX вв.».

Д.А. Пшеницын встречает свой юбилей в расцвете жизненных и творческих сил. Пожелаем ему здоровья, всяческого благополучия, дальнейшей плодотворной работы, широких исследовательских горизонтов. Закончим наш дружеский очерк о нем словами великого основателя школы «Анналов» Марка Блока: **«История – это наука о людях во времени».**

Список научных трудов Д.А. Пшеницына

1. Пшеницын, Д. А. Генеалогическое исследование рода Липиных (XVI–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2007. – 77 с.
2. Пшеницын, Д. А. Загадочные сплетения / Д. А. Пшеницын // Пятницкий бульвар. – № 1. – Вологда, 2008. – С. 22–23.
3. Пшеницын, Д. А. Уфтюжская волость Уфтюжского уезда по массовым источникам XVII века / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2009. – 49 с.
4. Пшеницын, Д. А. Народнонаселение и демографические процессы Грязовца (1744–1858) / Д. А. Пшеницын. – Вологда : [б. и.], 2011. – 197 с.
5. Пшеницын, Д. А. Страницы истории Мольской волости Тотемского уезда Вологодской губернии (XVI–XX вв.): (Чучковское поселение, Сокольский район) / Д. А. Пшеницын, А. Н. Хомутов. – Вологда, 2012. – 230 с.
6. Пшеницын, Д. А. Страницы истории Лежского Волока (XVII–XX вв.): (Сидоровское сельское поселение, Грязовецкий район) / Д. А. Пшеницын, А. Н. Хомутов. – Вологда, 2013. – 326 с.
7. Пшеницын, Д. А. Страницы истории Мольской волости Тотемского уезда Вологодской губернии (XVII–XX вв.) / Д. А. Пшеницын, А. Н. Хомутов. – Вологда, 2013. – 297 с.
8. Пшеницын, Д. А. «Волость Никольская Слободка, а в ней погост на реке на Югу»: Династия государственных крестьян Сорокиных в истории Никольского края (XVIII–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2015. – 50 с.
9. Пшеницын, Д. А. «Волость Халеская, а в ней погост на реке на Югу...»: Династия государственных крестьян Глебовых в истории Кичменгского края (XVII–XXI вв.): деревня Кондратово, Кичменгское сельское поселение, Кичменгско-Городецкий район / Д. А. Пшеницын ; [предисловие: В. А. Саблин]. – Вологда ; Великий Устюг, 2015 (АРТ Эталон Media ИП Смирнов Н.И.). – 196 с.
10. Пшеницын, Д. А. Династия государственных крестьян Федотовских в истории родного края (XVII–XXI вв.): деревня Терехово, Рослятинское сельское поселение, Бабушкинский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2015. – 77 с.
11. Пшеницын, Д. А. Династия государственных крестьян Федотовских в истории родного края (XVII–XXI вв.): деревня Терехово, Рослятинское сельское поселение, Бабушкинский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – [2-е изд.]. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2015. – 82 с.
12. Пшеницын, Д. А. Как оформить родословие? Оформление генеалогических сведений. Генеалогические таблицы и поколенная роспись / Д. А. Пшеницын

// Первые шаги в генеалогии: методические рекомендации начинающему генеалогу / [В. А. Воропанов и др. ; составитель Н. Н. Фарутина ; редактор Е. Л. Демидова]. – Вологда : ВОУНБ, 2015. – С. 36–42.

13. Пшеницын, Д. А. Николай Михайлович Рубцов. Родословная / Д. А. Пшеницын // Под куполом синих небес / Галина Рубцова, Д. А. Пшеницын ; [под общей редакцией А. А. Огаркова]. – Вологда : Садогород, 2015. – С. 87–101.

14. Пшеницын, Д. А. Страницы истории волости Шонга (XVII–XX вв.): Городецкое и Кичменгское сельские поселения, Кичменгско-Городецкий район / Д. А. Пшеницын, А. Н. Хомутов ; [предисловие: С. А. Гладких]. – Вологда, 2015. – 284 с.

15. Пшеницын, Д. А. «Лес дикой, да по речке по Леже мхи и болота...»: династии крестьян Молодяковых и Поляковых в истории родного края (XVII–XXI вв.): деревня Обухово, Сидоровское сельское поселение, деревня Суворково, Перцевское сельское поселение, Грязовецкий муниципальный район, Вологодская область / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2016. – 120 с.

16. Пшеницын, Д. А. Династия Вологодских крестьян Фоминых в истории Вожегодского края (XVII–XXI вв.): деревня Мишутинская, Мишутинское сельское поселение, Вожегодский район, Вологодская область / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2016. – 99 с.

17. Пшеницын, Д. А. Деревня Подлаз, а Слободка тож на речке на Шартюге: династия государственных крестьян Рогалевых в истории родного края (XVII–XXI вв.): деревня Слобода, Городищенское сельское поселение, Нюксенский район, Вологодская область / Д. А. Пшеницын. – Вологда; Великий Устюг, 2016. – 50 с.

18. Пшеницын, Д. А. Генеалогические источники для составления устьянских родословных в ГАВО / Д. А. Пшеницын // Заволочье. Устьянская земля / Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Устьянский краеведческий музей» Архангельской области. – Вып. 3. Исследования и материалы. Статьи и сообщения X–XI межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвященных памяти М. И. Романова. – Устьянский краеведческий музей, 2017. – С. 257–266.

19. Пшеницын, Д. А. «Деревня Сырошапово, а Серкино тож на речке на Городишной»: Династия государственных (черносошных) крестьян Храповых в XVII–XXI вв. / Д. А. Пшеницын. – Архангельск : КИРА, 2017. – 89 с.

20. Пшеницын, Д. А. Из истории народного образования в Вельском уезде Вологодской губернии (1840–1860-е годы) / Д. А. Пшеницын // Заволочье. Устьянская земля. Выпуск 3. Исследования и материалы. Статьи и сообщения X–XI межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвященных памяти М. И. Романова. – МБУК Устьянский краеведческий музей, п. Октябрьский, 2017. – С. 56–61.

21. Пшеницын, Д. А. Котлас в документах XVII века (По материалам писцовых и переписных книг Устюжского уезда) / Д. А. Пшеницын // Известия Русского Севера. – Архангельск, 2017. – № 3–4. – С. 53–57.

22. Пшеницын, Д. А. Лежский Волок в XVII–XX веках: документы, материалы, исследование /

Д. А. Пшеницын ; [редактор Р. П. Биланчук] ; Вологодский союз писателей-краеведов, Вологодское городское генеалогическое общество. – Вологда : Киселев А. В., 2017. – 351 с.

23. Пшеницын, Д. А. От волокового пути к волости: Лежский Волочок в XIV–XVII веках / Д. А. Пшеницын // Некрасовские чтения : материалы III Всероссийской научной конференции (памяти д. и. н., профессора Ю. К. Некрасова) (Вологда, 19–20 мая 2017 г.) / Министерство образования и науки Российской Федерации, Вологодской государственной университет. – Вологда, 2017. – С. 95–98.

24. Пшеницын, Д. А. Род Саблиных в XVI–XVII вв.: опыт историко-генеалогического исследования / Д. А. Пшеницын // Русский Север-2017: проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия: сборник материалов межрегиональной научной конференции МБУК «Тотемское музейное объединение» / Тотемское музейное объединение, редактор А. М. Новоселов. – Тотьма-Вологда : ООО ЦКИ «Пава», 2017. – С. 155–158.

25. Пшеницын, Д. А. Родословная книга династии Никоновых (XVII–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын. – Вологда ; Великий Устюг, 2017. – 182 с.

26. Переписная книга Шонгского стана Устюжского уезда 1677–1678 гг. / (подготовил к публикации и предисловие – Пшеницын Д. А.) / Д. А. Пшеницын // Кичменгский край : материалы Глубоковских чтений / Администрация Кичменгско-Городецкого муниципального района, Кичменгско-Городецкий районный краеведческий музей ; [главный редактор С. А. Гладких]. – Кичменгский Городок, 2018. – Вып. 4. – С. 9–20.

27. Пшеницын, Д. А. Брачность крестьянства на севере России в первой половине XVIII в. / Д. А. Пшеницын // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений (Брянск, 24–28 сентября 2018 г.) / [редколлегия: Е. Н. Швейковская (ответственный редактор) и др.]. – Москва : ИСЛ РАН, 2018. – С. 76–79.

28. Пшеницын, Д. А. Брачность крестьянства на севере России в первой половине XVIII в. / Д. А. Пшеницын // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2017 год: Формы землевладения и системы землепользования, сельское управление и самоуправление в аграрной истории России X–XXI вв. / Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН ; ответственный редактор Е. Н. Швейковская. – Москва ; Брянск : Новый проект, 2018. – С. 25–49.

29. Пшеницын, Д. А. Венечные памяти, пошрины и записные книги XVI–XVIII вв. / Д. А. Пшеницын, М. С. Черкасова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2018. – № 3. – С. 44–95.

30. Пшеницын, Д. А. Волость Сараева и Святица, а в ней Троицкой погост на речке на Кичменге: Династия государственных крестьян Пьянковых в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.): деревня Якшинская (Подол), Городецкое сельское поселение, Кичменгско-Городецкий район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2018. – 77 с.

31. Пшеницын, Д. А. Из истории деревень Великуша и Еловино / Д. А. Пшеницын // Кичменгский край: материалы Глубоковских чтений / Администрация Кичменгско-Городецкого муниципального района, Кичменгско-Городецкий районный краеведческий музей ; [главный редактор С. А. Гладких]. – Кичменгский Городок, 2018. – Вып. 4. – С. 3–8.

32. Пшеницын, Д. А. Новонайденный источник по аграрной и социальной истории севера России конца XVI–XVII в. / Д. А. Пшеницын, М. С. Черкасова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия Гуманитарные и педагогические науки. 2018. № 3. – С. 12–15.

33. Пшеницын, Д. А. Новые источники по исторической демографии XVII – первой половины XVIII в. (Устюжская десятина Ростовской митрополии и Великоустюжская епархия) / Д. А. Пшеницын, М. С. Черкасова // История и культура Ростовской земли. 2017. – Ростов, 2018. – С. 63–79.

34. Пшеницын, Д. А. Опыт исторической генеалогии посадских людей и крестьян XVI–XVII вв. (на примере рода Саблиных) / Д. А. Пшеницын // Вестник Вологодского государственного университета. Серия Гуманитарные и педагогические науки. – 2018. – № 2. С. 18–22.

35. Пшеницын, Д. А. Ранние поземельные акты из архива Котласской церкви второй половины XVI века / Д. А. Пшеницын // Вестник Котласского краеведческого музея. – 2018. – Вып. 1. – С. 6–10.

36. Пшеницын, Д. А. Рекрутские наборы 1849 и 1853 года в Вельском уезде (по материалам Государственного архива Вологодской области) / Д. А. Пшеницын // Заволочье. Устьянская земля / Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Устьянский краеведческий музей» Архангельской области. Выпуск 4. Исследования и материалы. Статьи и сообщения Всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции «XII Романовские чтения», посвященной памяти М. И. Романова: (21–22 июля 2017 г., с. Березник – поселок Октябрьский Устьянского района Архангельской области) / Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Устьянский краеведческий музей» Архангельской области ; [редколлегия: А. А. Истомин (научный редактор) и др.]. – Поселок Октябрьский, Архангельская область : Устьянский краеведческий музей, 2018. – С. 30–85.

37. Пшеницын, Д. А. Страницы истории Стрелицкой волости (XVII–XX вв.): Биряковское сельское поселение, Сокольский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын ; [предисловие: Н. А. Белова, Г. Б. Прохорова]. – Вологда, 2018. – 285 с.

38. Пшеницын, Д. А. Церковно-приходские летописи Тотемского уезда второй половины XIX – начала XX вв. / Д. А. Пшеницын // Русский Север-2018: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия : сборник материалов Второй Всероссийской научной конференции с международным участием (Тотьма, 1–4 марта 2018 г.) / Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет ; [редколлегия: Новоселов А. М. (ответственный редактор) и др.]. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2018. – С. 45–57.

39. Пшеницын, Д. А. «Бежецкой пятины Новгородской земли в Слезкине в Ильинском погосте»: Династия государственных крестьян Соловьевых в истории Вологодского края (XVI–XXI вв.): деревня Бельское, Никифоровское сельское поселение, Устюженский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2019. – 68 с.
40. Пшеницын, Д. А. «Волость Вожбал, а в ней погост, а на погосте церковь Благовещения Пресвятой Богородицы»: Династия государственных крестьян, священно- и церковнослужителей Упадышевых в истории Вологодского края (XVII–XXI вв.): деревня Мишуково, Вожбалское сельское поселение, Тотемский муниципальный район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2019. – 58 с.
41. Пшеницын, Д. А. «Волость Ентала, а в ней Георгиевский погост на речке на Ентале»: Династия государственных крестьян Пономаревых в истории Кичменгского края (XVII–XXI вв.): деревня Бакшеев Дор, Енангское сельское поселение, Кичменгско-Городецкий район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2019. – 86 с.
42. Пшеницын, Д. А. «Волость Кичменга, а в ней деревня Борисовская и Вороново, Булышево и Бобровское тоже»: Династия государственных крестьян Алексеевских в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.): деревня Борисовская (Верхнее Вороно), Кичменгское сельское поселение, Кичменгско-Городецкий район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2019. – 79 с.
43. Пшеницын, Д. А. «Волость Кичменга, а в ней Кичменской городок на реке на Югу»: Династия государственных крестьян Казаковых в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.): деревня Княжигора (Палкинская), Городецкое сельское поселение, Кичменгско-Городецкий район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2019. – 71 с.
44. Пшеницын, Д. А. «Волость Сараева и Святца, а в ней Троицкой погост на речке на Кичменге»: Династия государственных крестьян Моклоковых в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.): деревня Якшинская (Подол), Городецкое сельское поселение, Кичменгско-Городецкий район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2019. – 96 с.
45. Пшеницын, Д. А. «Волость Стрелица на реке Стрелице»: Династия государственных крестьян Хромовых в истории родного края, к 400-летию деревень (XVII–XXI вв.): Биряковское сельское поселение, Сокольский район, Вологодская область / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2019. – 61 с.
46. Пшеницын, Д. А. «Волость Уфтыга на реке Уфтыге»: Династия государственных крестьян Локтевых в истории родного края, к 400-летию деревень (XVII–XXI вв.): Нюксенское сельское поселение, Нюксенский район, Вологодская область / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2019. – 70 с.
47. Пшеницын, Д. А. «Волость Шарженга, Халезец и Березовец»: Династия государственных крестьян Шиловских в истории Никольского края (XVI–XXI вв.): Деревня Сенино, муниципальное образование «Зеленцовское сельское поселение», Никольский муниципальный район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2019. – 78 с.
48. Пшеницын, Д. А. Династия вологодских крестьян Висковых в истории Харовского края (XVII–XXI вв.): деревня Тихонино, Кубенское сельское поселение, Харовский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2019. – 107 с.
49. Пшеницын, Д. А. «За Вологодским епископом в Брюховской волости»: Династия государственных крестьян Соловьевых в истории Вологодского края (XVII–XXI вв.): деревня Пыхмарев, муниципальное образование «Спасское», Вологодский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2019. – 93 с.
50. Пшеницын, Д. А. Копийная книга актов Пачеозерской церкви Сольвычегодского уезда конца XVI–XVII вв. / Д. А. Пшеницын, М. С. Черкасова // Вестник церковной истории. – 2019. – № 1–2 (53–54). – С. 5–52.
51. Пшеницын, Д. А. Ломовенковы, Корановы: архивные данные в сокращении / Д. А. Пшеницын // Малая родина. Высоковский край. Вологодский район. – Вологда, 2019. – Т. 4. – С. 17–25.
52. Пшеницын, Д. А. Население Котласа в XVIII веке (по материалам ревизских сказок) / Д. А. Пшеницын // Вестник Котласского краеведческого музея. – 2019. – Вып. 2. – С. 8–13.
53. Пшеницын, Д. А. Начало Дальней дороги Питирима Сорокина / Д. А. Пшеницын, О. Б. Зенкова, В. В. Копытков // Вестник Вологодского государственного университета. – 2019. – № 4 (15). – С. 16–22.
54. Пшеницын, Д. А. О древних корнях черносошной крестьянской династии Рубцовых XVII – нач. XVIII вв.: [изучение родословной поэта Н. М. Рубцова] / Д. А. Пшеницын // Рубцовский сборник. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России : материалы научных конференций с международным участием «Рубцовские чтения» в Тотеме и селе Никольском / Администрация Тотемского муниципального района, МБУК «Тотемское музейное объединение». – Вологда : Полиграф-Периодика, 2019. – С. 137–142.
55. Пшеницын, Д. А. О предыстории метрического учета в России (XVII – первая половина XVIII в.) / Д. А. Пшеницын, М. С. Черкасова // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 86–102.
56. Пшеницын, Д. А. Солигаличский торговый тракт, или История волости Толшма (XVII–XX вв.): Толшменское сельское поселение, Тотемский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын ; Тотемское музейное объединение [и др.]. – Архангельск : Лоция, 2019. – 575 с.
57. Пшеницын, Д. А. Церковно-приходская летопись Новокуножской Троицкой церкви Тотемского уезда второй половины XIX в. / Д. А. Пшеницын // Русский Север-2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник работ III Всероссийской научной конференции с международным участием / Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет ; [редколлегия: Новоселов А. М. (ответственный редактор) и др.]. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2019. – С. 75–90.

58. Пшеницын, Д. А. Церковь святого Николая Чудотворца в Белозерском уезде в Хилецкой волости: Династия государственных крестьян Коковихных в истории Белозерского края (XVII–XXI вв.): деревня Александровская, Санинское сельское поселение, Бабаевский муниципальный район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2019. – 70 с.
59. Пшеницын, Д. А. «В Сямской волости храм Рождества Христова на Вотче»: Династия крестьян Баграковых в истории родного края (XVII–XXI вв.): деревня Палкино, Новленское сельское поселение Вологодского муниципального района Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2020. – 97 с.
60. Пшеницын, Д. А. «Волость Илеза на реке на Илезе, а в ней деревня Мулино» (XVII–XXI вв.): Династия государственных крестьян Афанасьевых. Деревня Мулино, Тимановское сельское поселение, Бабушкинский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда ; Великий Устюг : ИП Киселев А. В., 2020. – 114 с.
61. Пшеницын, Д. А. «Волость Демьяново, Вотча, Илеза, Кептур на реке на Илезе» (XVII–XXI вв.): Династия государственных крестьян Коневых: деревня Сивеж, Миньковское сельское поселение, Бабушкинский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда ; Великий Устюг : ИП Киселев А. В., 2020. – 107 с.
62. Пшеницын, Д. А. «Волость Енанга, а в ней деревня Левашово, а Аксеновщина тож на речке на Енанге»: Династия государственных крестьян Аксеновских в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.): деревня Аксеновщина, сельское поселение Енангское Кичменгско-Городецкого района Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2020. – 89 с.
63. Пшеницын, Д. А. «Волость Кичменга, а в ней деревня Субботино на реке на Югу»: Династия государственных крестьян Наволоцких в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.): деревня Субботино (Заверкино), Городецкое сельское поселение, Кичменгско-Городецкий район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2020. – 91 с.
64. Пшеницын, Д. А. Вотчины Московского Пресвятыя Богородицы Донского монастыря Юзской волости села Андреевского: Династия государственных крестьян Ракитиных в истории Бабушкинского края (XVII–XXI вв.): деревня Афоньково, Рослятинское сельское поселение, Бабушкинский район / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2020. – 64 с.
65. Пшеницын, Д. А. Из истории Успенской Кичменгской церкви Великоустюжской епархии, 1781–1783 гг. / Д. А. Пшеницын // Кичменгский край: Материалы Глубоковских чтений. – Коряжма : ООО Успешная, 2020. – Вып. 5. – С. 3–9.
66. Пшеницын, Д. А. Клировые ведомости Христорождественского собора г. Грязовца как источник по демографии духовенства XIX – начала XX вв. / Д. А. Пшеницын // Церковь. Богословие. История. – 2020. – № 1. – С. 340–347.
67. Пшеницын, Д. А. Лежский волок в XIV–XVII вв.: история одного водно-волокового пути / Д. А. Пшеницын // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. Выпуск 3. Сборник статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции (Котлас, 20–21 апреля 2018 г.) / под редакцией С. А. Гладких. – Котлас : Котласский филиал ГУМРФ им. адм. С. О. Макарова, 2020. – С. 112–118.
68. Пшеницын, Д. А. Население Грязовца в XVI – начале XX вв. Т. 1. 1538–1795. Грязовец в зеркале переписей / Д. А. Пшеницын. – Вологда : Вологодская типография : ИП Киселев А. В., 2020. – 265 с.
69. Пшеницын, Д. А. Население Леденгского уособья в XVII в. / Д. А. Пшеницын // Русский Север-2020: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия : сборник работ IV Всероссийской научной конференции с международным участием / Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет ; [редколлегия: Новоселов А. М. (ответственный редактор) и др.]. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2020. – С. 202–208.
70. Пшеницын, Д. А. Население села Грязовицы и города Грязовца в 1717–1917 гг. / Д. А. Пшеницын // Генеалогический вестник. – Санкт-Петербург, 2020. – Вып. 62. – С. 48–56.
71. Пшеницын, Д. А. Родословная семьи Чуриных: Династия государственных крестьян Чуриных в истории Нюксенского края (XVI–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын. – Вологда ; Великий Устюг : ИП Киселев А. В., 2020. – 142 с.
72. Пшеницын, Д. А. Страницы истории волости Сизьма: Боричевы, Пазгаловы, Титовы северорусские династии монастырских крестьян Вологодского уезда (XVII–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын. – Вологда : Издательство ООО РДП Вологда ; Рыбинск, 2020. – 270 с.
73. Пшеницын, Д. А. Бежецкой пятины Новгородской земли в Слезкине в Ильинском погосте: Династия государственных крестьян Соловьевых в истории Вологодского края (XVI–XXI вв.): деревня Бельское, Никифоровское сельское поселение, Устюженский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2021. – 81 с.
74. Пшеницын, Д. А. «Волость Сараева и Святица, а в ней деревня Ивашевская на речке на Святице»: Династия государственных крестьян Некипеловых в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын. – Вологда ; Великий Устюг : Киселев А. В., 2021. – 127 с.
75. Пшеницын, Д. А. Волость Сараева и Святица, а в ней Троицкий погост на речке на Кичменге: Династия государственных крестьян Пьянковых в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.): Деревня Якшинская (Подол), Городецкое сельское поселение, Кичменгско-Городецкий район / Д. А. Пшеницын. – Вологда ; Великий Устюг : ИП Киселев А. В., 2021. – 99 с.
76. Пшеницын, Д. А. «Деревня Липово Займище на реке на Югу»: династия государственных крестьян Коноплевых, Чегодаевых (XVII–XXI вв.) : деревня Липово, Краснополянское сельское поселение Никольского муниципального района Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда ; Никольск : Киселев А. В., 2021. – 216 с.
77. Пшеницын, Д. А. «За Вологодским епископом в Брюховской волости»: Династия государственных крестьян Соловьевых в истории Вологодского

края (XVII–XXI вв.): деревня Пыхмарево, муниципальное образование Спасское, Вологодский район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2021. – 93 с.

78. Пшеницын, Д. А. «За Мусиным-Пушкиным деревня Обрамцово Пуркаловского околородья»: династия крестьян Телегиных в истории родного края (XVII–XXI вв.): деревня Абрамцево, Спасское сельское поселение Вологодского муниципального района Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда: ИП Киселев А. В., 2021. – 135 с.

79. Пшеницын, Д. А. «Деревня Лещевская, а в ней часовня Пресвятыя Богородицы Честного ея Успения»: Династия крестьян Варюхиных в истории родного края (XVII–XXI вв.): деревня Лещевка, сельское поселение Тигинское, Вожегодский муниципальный район Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда: ИП Киселев А. В., 2021. – 170 с.

80. Пшеницын, Д. А. К вопросу о малой родине «патриарха» Шпицбергена Ивана Старостина / Д. А. Пшеницын // Исследования Русского Севера: Координаты времени. Итоги и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Вологда, 1–2, 19–21 октября 2021 г.). – Вологда : ВОУНБ, 2021. – С. 144–148.

81. Пшеницын, Д. А. Канал Ивана Грозного? (К вопросу о водно-волоковом пути на Лежском Волоке) / Д. А. Пшеницын // Исследования Русского Севера: Координаты времени. Итоги и перспективы: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Вологда, 1–2, 19–21 октября 2021 г.). – Вологда : ВОУНБ, 2021. – С. 81–84.

82. Пшеницын, Д. А. Летопись тотемской Троице-Зеленской церкви как исторический источник / Д. А. Пшеницын, М. С. Черкасова // Вестник церковной истории. – 2021. – № ½ (61/62). – С. 38–96.

83. Пшеницын, Д. А. Население Котласа в первой половине – середине XVIII века (по материалам переписей) / Д. А. Пшеницын // Динская земля. Выпуск 12. Материалы Всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции 14-е Стефановские чтения. – Котлас : ООО Успешная, 2021. – С. 34–42.

84. Пшеницын, Д. А. Новые данные о генеалогии рода Рубцовых (к вопросу о датировке родового гнезда) / Д. А. Пшеницын // Русский Север – 2021: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Рубцовские чтения. Сборник работ

V Всероссийской научной конференции с международным участием. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. – С. 10–18.

85. Пшеницын, Д. А. О генеалогии рода Рубцовых в XIX – начале XX вв. (К вопросу о родовом гнезде и прямой фамильной ветви поэта Н. М. Рубцова) / Д. А. Пшеницын // Власть и гражданское общество. Научный ежегодник. Специальный выпуск, посвященный 85-летию со дня рождения гения русской поэзии Н. М. Рубцова, 2021. – Архангельск-Иваново, 2021. – С. 6–25.

86. Пшеницын, Д. А. Рекрутский набор 1849 г. в Тотемском уезде (по материалам Государственного архива Вологодской области) / Д. А. Пшеницын // Русский Север – 2021: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Рубцовские чтения. Сборник работ V Всероссийской научной конференции с международным участием. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2021. – С. 158–169.

87. Пшеницын, Д. А. Рекрутский набор 1870 года в Ростовской волости Вельского уезда (по материалам Великоустюгского центрального архива) / Д. А. Пшеницын // Заволочье. Устьянская земля. Выпуск 5. Исследования и материалы. Статьи и сообщения XIII–XV межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвященных памяти М. И. Романова. – МБУК Устьянский краеведческий музей, п. Октябрьский, 2021. – С. 111–124.

88. Пшеницын, Д. А. Церковь Богоявления Господня, что на Лоскомже: династии крестьян Золотовых и Коневых (XVII–XXI вв.): деревня Конюхово и Лынево, Подлесное сельское поселение Вологодского муниципального района Вологодской области / Д. А. Пшеницын. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2021. – 130 с.

89. Пшеницын, Д. А. Родословная семьи Чуриных: Династия государственных крестьян Чуриных в истории Нюксенского края (XVI–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын, В. В. Чурин. – Вологда, 2021. – 151 с.

90. Пшеницын, Д. А. К изучению генеалогии Маршала Советского Союза И. С. Конева / Д. А. Пшеницын // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Вологда – Кириллов, 10–12 сентября 2021 г.). – Вологда : ВоГУ, 2022. – Вып. 2. – С. 103–108.

V.A. Sablin, M.S. Cherkasova

ANNIVERSARY OF THE FAMOUS RESEARCHER D.A. PSHENITSYN

The article is dedicated to the 50th anniversary of the graduate of the Faculty of History of the VSPU, co-founder of the Vologda City Genealogical Society (VGGO), full member of the Vologda Union of Local History Writers, head of the Department of Genealogical Research of the Cultural and Historical Center «Svetoch», participant of 33 All-Russian, regional and international scientific conferences, author of over 100 scientific papers, including 53 books and 40 articles, a well-known specialist in the field of historical genealogy.

Provinciology, Russian Genealogical Federation, genealogies, press secretary of the President of the Russian Federation, historical demography.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронина Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
myberegok@rambler.ru

Головкина Светлана Христофоровна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sgolovkina@mail.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Ефремова Людмила Леонидовна

главный архивист отдела ИПС Государственного архива Вологодской области (Вологда, Россия)
9211231856@mail.ru

Загуменнов Александр Владимирович

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской духовной семинарии Вологодской епархии Русской православной церкви (Вологда, Россия)
zaw1991@mail.ru

Иванова Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
el-ivan@mail.ru

Ипполитов Владимир Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Коммуникационные аспекты исторического и социально-экономического развития общества» Тамбовского государственного технического университета (Тамбов, Россия)
vladimir.ippolitov@mail.ru

Калинина Елена Александровна

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
kalinka46@yandex.ru

Кушнерева Ксения Владимировна

аспирант Вологодского научного центра РАН, магистрант НИУ «ВШЭ» (Вологда, Россия)
k.v.kushnerova@yandex.ru

Малахов Родион Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
malakhov74@mail.ru

Малыгина Алла Александровна

научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)
histarhive@gmail.com

Маник Светлана Андреевна

доктор филологических наук, директор Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета (Иваново, Россия)
maniksa@ivanovo.ac.ru

Немич Наталья Николаевна

преподаватель русского языка Филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Сызрань, Россия)
nemich.natalya@mail.ru

Попов Сергей Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (Сыктывкар, Россия)
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета; доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Судаков Григорий Владимирович

студент IV курса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)
sudakovgrigory-9d@yandex.ru

Судаков Гурий Васильевич

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
gvs035@rambler.ru

Сухоцкая Иоланта Владимировна

студентка 1 курса магистратуры Института филологии Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
iolantius@gmail.com

Сушилина Ирина Константиновна

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории литературы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)
ir.k.s@yandex.ru

Терешук Андрей Андреевич

доктор университета Барселона, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)
atereschuk@herzen.spb.ru; san_petersburgo@inbox.ru

Тимошина Светлана Валентиновна

кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник лаборатории биоэкономики и устойчивого развития Вологодского научного центра Российской академии наук (Вологда, Россия)
timohina68@mail.ru

Трофимов Игорь Андреевич

аспирант кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; учитель истории и обществознания средней школы № 147 Красногвардейского района Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия)
andantaz@gmail.com

Тэн Юе

аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
aurelia3927@gmail.com

Хадашева Сабира Аюбовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия)
hadasheva83@mail.ru

Царикаева Фатима Ахсарбековна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой осетинского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия).
fcarikaeva@mail.ru

Цой Игорь Александрович

аспирант кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
tsoyigo69@mail.ru

Черкасов Валерий Анатольевич

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия)
Cherkasov.valeri@mail.ru

Черкасова Марина Сергеевна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
mscherkasova@mail.ru

Шамова Надежда Александровна

кандидат филологических наук, ассистент кафедры сопоставительного изучения языков и культур филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
n.shamova@spbu.ru

Шарапенкова Наталья Геннадьевна

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
natshar@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Voronina Tatiana Nikolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature, Vologda State University (Vologda, Russia)
myberegok@rambler.ru

Golovkina Svetlana Khristoforovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
sgolovkina@mail.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Efremova Lyudmila Leonidovna

Senior Archivist of the Information Systems Office, Vologda Oblast State Archive (Vologda, Russia)
9211231856@mail.ru

Zagumennov Aleksandr Vladimirovich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Humanities and Sciences, Theological Educational Organization of Higher Education «Vologda Theological Seminary» of the Vologda diocese of the Russian Orthodox Church (Vologda, Russia)
zaw1991@mail.ru

Ivanova Elena Nikolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
el-ivan@mail.ru

Ippolitov Vladimir Alexandrovich

Candidate of History, Senior Researcher of the research laboratory «Communication Aspects of Historical and Social Economic Development of the Society», Tambov State Technical University (Tambov, Russia)
vladimir.ippolitov@mail.ru

Kalinina Elena Alexandrovna

Doctor of History, Professor of the Department of Theory and Methods of Physical Education, the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
kalinka46@yandex.ru

Kushnereva Kseniia Vladimirovna

Post-Graduate Student at the VolRC RAS, Master's Student at the National Research University «Higher School of Economics» (Vologda, Russia)
k.v.kushnereva@yandex.ru

Malakhov Rodion Alexandrovich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
malakhov74@mail.ru

Malygina Alla Alexandrovna

Researcher at the Institute of Russian History of Russian Academy of Science (Moscow, Russia)
histarhive@gmail.com

Manik Svetlana Andreevna

Doctor of Philology, Director of Institute of the Humanities, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)
maniksa@ivanovo.ac.ru

Nemich Natalya Nikolaevna

Teacher of Russian, Branch of the Military Educational Research Centre of Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» (Syzran, Russia)
nemich.natalya@mail.ru

Popov Sergey Aleksandrovich

Candidate of History, Senior Researcher of the National History Sector, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center «Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences» (Syktyvkar, Russia)
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Institute of Social and Humanitarian Sciences, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Vologda, Russia)

Stoletova-A-S@yandex.ru

Sudakov Grigory Vladimirovich

4th-year student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

sudakovgrigory-9d@yandex.ru

Sudakov Gury Vasilievich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)

gvs035@rambler.ru

Sukhotskaya Iolanta Vladimirovna

Master's Student, the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

iolantius@gmail.com

Sushilina Irina Konstantinovna

Candidate of Philology, Professor of the Department of History and Theory of Literature, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

ir.k.s@yandex.ru

Tereshchuk Andrei Andreevich

Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, the Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

atereschuk@herzen.spb.ru;

Timoshina Svetlana Valentinovna

Candidate of Veterinary Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Bioeconomics and Sustainable Development of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia)

timohina68@mail.ru

Trofimov Igor Andreevich

Post-Graduate Student of the Department of Russian History (19th-21st centuries), Institute of History and Social Sciences, the Herzen State Pedagogical University of Russia; Teacher of History and Social Studies, Secondary School No. 147 of the Krasnogvardeisky district of St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

andantaz@gmail.com

Ten Yue

Post-Graduate Student of the Department of General and Comparative-Historical Linguistics, Faculty of Philology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

aurelia3927@gmail.com

Hadasheva Sabira Ayubovna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Russian Language Department, the K.L.Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia)

hadasheva83@mail.ru

Tsarikaeva Fatima Akhsarbekovna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Russian Language Department, the K.L.Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia)

fcarikaeva@mail.ru

Tsoy Igor Aleksandrovich

Post-Graduate Student of the Department of National History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)

tsoyigo69@mail.ru

Cherkasov Valery Anatolyevich

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Cherkasov.valeri@mail.ru

Cherkasova Marina Sergeevna

Doctor of History, Professor, Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)

mscherkasova@mail.ru

Shamova Nadezhda Alexandrovna

Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Contrastive Languages and Cultures Studies, Philological Faculty,
Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
n.shamova@spbu.ru

Sharapenkova Natalia Gennadyevna

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of German Philology and Scandinavian Studies, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
natshar@mail.ru